Сотый номер!

НОВАЯ ПОЛЬША

№9(100) 2008

ПОЛЬША СКОРБИТ ПО СОЛЖЕНИЦЫНУ

Новое издание «Пламени» Бжозовского

Бригады Барбары Брыльской

В РОССИИ ПОСЛЕ «ПОЛЬСКОГО ПАПЫ»

Юзеф Чапский о «Молодой Польше»

Европе будет недоставать **Бронислава Геремека**

СТИХИ РЫШАРДА КРИНИЦКОГО

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Вы можете подписаться на «Новую Польшу», перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте, факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты с пометкой: *prenumerata*.

Наш адрес:
Nowaja Polsza
Biblioteka Narodowa
al. Niepodległości 213
02-086 Warszawa

Подписка в Польше:
Название банка: BANK HANDLOWY SA I O/WARSZAWA
Номер счета: 55103010160000000003327001
Цена 1 экз. — 7 зл.
Цена годовой подписки — 84 зл.

Подписка за границей:
Название банка: BANK HANDLOWY SA I O/WARSZAWA
Адрес банка: ul. Traugutta 7/9 Warszawa
Номер счета: PL 55103010160000000003327001
SWIFT: CITIPLPX
Цена годовой подписки — 70 евро или 90 долларов

Информация о подписке за границей:
Тел. +48 22 608-27-95
Факс: +48 22 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о подписке в Польше:
Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74
e-mail: czaspatron@bn.org.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 9(100)
2008
сентябрь

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Ежи Помяновский 3
ПРОЩАЙ, ВЕЛИКИЙ АЛЕКСАНДР

Богдан Тоша 4
ЧЕЛОВЕК МРАМОРА

ОН БЫЛ НАМ НУЖЕН 10
Памяти Бронислава Геремека

Виктор Кулерский 16
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Борис Пастернак 25
ТРАВА И КАМНИ

Виктор Кулерский 27
ОЛЬГЕРД ВОЛЫНСКИЙ

Гжегож Пшебинда 29
В РОССИИ ПОСЛЕ «ПОЛЬСКОГО ПАПЫ»

Александр Гогун 33
ПОЛЕ БОЯ — ГЕРМАНИЯ. И НЕ ТОЛЬКО

Рышард Криницкий 35
СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Лешек Шаруга 40
МОЛЧАНИЕ

Ежи Помяновский 41
СЛОВО О «ПЛАМЕНИ»

Мацей Войтышко 42
БЖОЗОВСКИЙ — СВИДЕТЕЛЬ ИНОГО ПОДСОЗНАНИЯ

Петр Мициер 43
ВЫ УЖЕ ПОБОРОЛИ В СЕБЕ БЖОЗОВСКОГО?

Рышард Матушевский 44
ПЕРЕЧИТЫВАЯ «ПЛАМЯ» БЖОЗОВСКОГО

Чеслав Милош 46
ЧЕЛОВЕК СРЕДИ СКОРПИОНОВ

Юзеф Чапский 49
О «МОЛОДОЙ ПОЛЬШЕ»

ИЗ-ПОД СПУДА

Владимир Жаравин 53
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПОЛЬШИ
В КИРОВЕ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Юдита Сераковская 57
ЧАЙНА-ТАУН ПОД ВАРШАВОЙ

Нина Горланова 59
ПАНИ ЗОСЯ

Эльжбета Савицкая 61
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Ига Ныц 65
БРИГАДЫ БАРБАРЫ БРЫЛЬСКОЙ

Лех Кочивонс 67
РАДОСТЬ ИГРЫ
«Группа МоЦарта»

Магдалена Гайл 69
ДВА ПУТИ В РАЙ — ДВЕ ХАЙНУВКИ

Наталия Май 72
БЕЗУПРЕЧНОЕ ЗЕРКАЛО

Лешек Шаруга 77
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Магдалена Байер 81
ПИСАТЬ ИСТОРИЮ И... ТВОРИТЬ ЕЕ

Переводчики: А. Базилевский, Е. Гендель, Н. Горбаневская, Н. Кузнецов, Е. Шиманская, В. Шубинский.
Фото ©: Archiwum (стр. 3, 43), Archiwum B. Toszy (стр. 5, 7, 8), Agencja Gazeta (стр. 10, 65), Adam Jankiewicz (стр. 27), E. Lempp (стр. 40), www.grupamocarta.art.pl (стр. 67), Archiwum Fundacji «Muzyka Cerkiewna» (стр. 69).

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Кристина Пашек ***(секретариат)***
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
BIBLIOTEKA NARODOWA
Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(0-22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(0-22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@bn.org.pl**

Информация о журнале для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается под патронажем Национальной Библиотеки по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
Тираж 4800 экз.

Ежи Помяновский

ПРОЩАЙ, ВЕЛИКИЙ АЛЕКСАНДР

Ушел человек эпохи, который самой мрачной части XX века дал точное имя. И никакие разговоры на тему его более поздних взглядов не в состоянии затмить то огромное впечатление, которое он произвел своими книгами о советских лагерях и о том, чего весь мир не заметил. Не кто иной, как Солженицын, показал, что система лагерей была отнюдь не каким-то маргинальным элементом организации советской жизни, но его платоновской идеей. Что, по Сталину, страну надлежало устроить именно таким эффективным, идеальным — по мнению организаторов — способом, каким был устроен ГУЛАГ.

Александр Солженицын и Ежи Помяновский

Вторая небывалая заслуга Солженицына: он показал то, о чем мы в Польше обязаны напоминать себе каждый день, — а именно: что закон, который служит прежде всего интересам и укреплению господствующего режима, закон, понятый как инструмент исполнительной власти, неизбежно приводит к лагерям для всех, кому такого рода закон не нравится. Солженицын документировал это сотнями, тысячами примеров, составляющих «Архипелаг ГУЛАГ» — эту энциклопедию человеческого страдания, предзнаменование которой можно найти на страницах «Волшебной горы» Томаса Манна. Всё это вместе складывается в страшный вопрос: а существует ли в мире такая идея, за которую стоит заплатить жизнью хотя бы одного поколения?

Я имел честь быть лично знакомым с Александром Исаевичем и несколько раз с ним разговаривать. Это был человек, необычайно открытый чужим рассказам. Он не удивлял собеседника неизвестными подробностями собственной биографии, а говорил о вещах, свидетельствовавших о его любознательности по отношению к миру. Он интересовался Польшей. Если кто-нибудь откроет третий том «Архипелага», то найдет там описание подавленной властями голодовки в Экибастузском лагере, единственным несдавшимся участником которой был поляк, инженер Ежи (Юрий) Венгерский. Солженицын пишет о нем довольно много, а кончает фразой, которая должна заставить каждого поляка на минуту задуматься над нашим отношением к русским: «Если бы все мы были так горды и тверды, — какой бы тиран удержался?»

ПИСЬМО АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА ИРЕНЕ ЛЯСОТЕ

Дорогая Ирена,

спасибо за Ваше письмо и за то, что послали великолепное подпольное издание «Архипелага ГУЛАГ».[2] Пожалуйста, переведите на польский и перешлите издателю «Помоста» следующее письмо:

Дорогой друг, издатель «Помоста»!

Я восхищен Вами и Вашими усилиями. Трудно даже поверить, что такое великолепное издание могло выйти из «самиздата».

Рад, что поляки читают «Архипелаг ГУЛАГ».

Сердечные пожелания Вам и Вашим коллегам.

Александр Солженицын

В Польше Солженицын дебютировал на страницах еженедельника «Политика», где в 1963 г. печаталась его повесть «Один день Ивана Денисовича». Официальные издательства начали публиковать его книги лишь в конце 80-х. Книги, изданные в независимых издательствах в 70-80-е годы (перепечатки изданий парижского «Института литерацкого», многие — в переводах Ежи Помяновского), стали бестселлерами независимого книжного рынка.

POLITYKA

Богдан Тоша

ЧЕЛОВЕК МРАМОРА

Об Иосифе Бродском

Осень 1987 г. я провел в Гамбурге стипендиатом Международного театрального института. Программка «Нибелунгов» Фредерика Геббеля в постановке Юргена Флимма, тогдашнего директора театра «Талия», с немецкой точностью слова определяет мое участие в этом спектакле — hospitant (что-то типа «гостевант». — *Пер.*). Кроме занятости в интенсивных репетициях к пятичасовому представлению, хождения на всё, что было в репертуаре театра — а это были хорошие времена «Талии», когда там работали Роберт Уилсон и Юрген Гош, — кроме театра я часто бывал в Польском клубе, особенно в библиотеке. Она содержала прежде всего нашу эмигрантскую литературу. Впервые со времен учебы у меня было время и возможность нагнать отставание в чтении любимых авторов и журналов. Тогда-то я и прочитал выходившие в Париже «Зешиты литерацке» («Литературные тетради»). У меня дома было лишь несколько номеров, отпечатанных в подполье в микроскопическом формате. Журнал под редакцией Барбары Торунчик был тем самым, что мне было нужно. Он устанавливал ценности и вкусы, с которыми я отождествлял себя. Выбирая ценности, журнал отказался от прямого, непосредственного вмешательства в политические события. Он исповедовал веру в то, что искусство создавалось и создается в любую «ночь истории». Заканчивая чтение того или иного номера, я испытывал необходимость дополнить его чтением нескольких книг. Состав редакции и компания писателей, собравшихся вокруг журнала, придавали ему высший класс, сохраняющийся и по сей день.

И вот в разгар своего гамбургского чтения я услышал, что лауреатом Нобелевской премии по литературе за 1987 год стал член редакции «Зешитов» Иосиф Бродский. Вечером того дня, когда было объявлено решение Шведской Академии, немецкое телевидение показало фильм о лауреате. Я увидел, как автор «Большой элегии Джону Донну» выглядит, как он говорит, как себя ведет и одевается. Годы спустя о его характерной элегантности написала в прекрасном стихотворении Юлия Хартвиг. Фильм был снят в Америке и его любимой Италии — в Венеции. Эта картина произвела на меня огромное впечатление. Прямо в тот же вечер я написал и отправил на адрес «Зешитов литерацких» письмо... Станиславу Баранчаку. Содержания письма я сегодня уже не помню, но самым главным в нем была благодарность за сделанные им к тому времени переводы Бродского. Я писал, что если я понимаю, какого уровня поэт получил в этом году Нобеля, то этим я обязан ему, Баранчаку, его переводам, печатавшимся в «Зешитах». Через две недели я, к своему изумлению, получил ответ из Америки. Письмо явно вызвало у адресата удовлетворение.

Таково было начало моего интереса к личности и творчеству Иосифа Бродского. С тех пор я старался следить за всем, что с ним было связано. Летом 1988 г. вышел специальный, посвященный ему номер «Литературы на свете». В нем было напечатано много новых переводов его стихов, беседы с поэтом и, что было самым важным для меня, переведенная Яном Гондовичем пьеса «Мрамор». Я решил ее поставить. Хоть и «послабее» его поэтических достижений, пьеса сохраняла все характерные черты его творчества и мира его воображения. Она обнаруживала также его необычное чувство юмора, что в глубоко философской пьесе давало возможность живого спектакля, дискурса, разбиваемого комическими эффектами. Диалог Туллия и Публия обращался к традициям Сократа и Платона, Дон Кихота и Санчо

Rys. Paulina Zielona

Пансы, Дон Жуана и Сганареля, героев «В ожидании Годо» — вплоть до «Эмигрантов» Мрожека. Подготовка требовала не только чтения самого Бродского, но и возвращения к классикам, ко многим источникам, из которых брали свое начало артистизм и мышление автора «Мрамора». Эту пьесу неимоверно трудно ставить. Она требует как от актеров, так и от зрителей огромной сосредоточенности и эрудиции. Кроме того, автор ставит ряд сценографических условий. К сожалению, по техническим причинам и из-за финансовых ограничений я не мог воплотить все постановочные подсказки Бродского. Не удалось, например, раздобыть «мраморные» бюсты греческих и римских классиков, разделяющих тюремное заключение с Туллием и Публием. Не имея возможности использовать бюсты Горация, Овидия, Вергилия и других творцов античной цивилизации я был вынужден прибегнуть к концепции лиц витринных манекенов — атрибута массовой культуры. Хотя идея оказалась весьма выразительной, автору, повседневно общающемуся с тенями литературы это, должно быть, было больно.

За несколько дней до премьеры я узнал, что Бродский — в Польше. Телевизионные «Последние известия» переврали информацию, намекнув, что автор приехал на катовицкую премьеру. Это, к сожалению, было не так. Лично мы впервые встретились 18 октября 1990 г. в Кракове, куда Бродского пригласили Чеслав Милош и Ягеллонский университет.

Иосиф Бродский и Богдан Тоша

После встречи со студентами-русистами в Коллегии Витковского, во время которой мне довелось услышать, как Бродский читает свои стихи, мы шли по Голембьей улице, и я думал, где выпить кофе. Поэт рассказывал о Канторе, «Умерший класс» которого когда-то привел его в восторг в Италии. Я предложил пойти в «Кшиштофоры», где помещался театр «Крико». Мы пошли втроем — третьей была профессор Зофья Ратайчак. Я знал, что они дружили с Бродским с давних лет. Что она училась в Ленинграде, что там они познакомились, но какую она действительно сыграла роль в жизни поэта, в его познании польского языка и литературы, мне еще только предстояло узнать. Мы шли по Голембьей, Висльной, по Рыночной площади на Щепанскую улицу. На углу Рыночной площади и Славковской улицы тогда еще была характерная для ПНР продажа газированной воды. Поэту вдруг захотелось напиться газировки с сиропом. Я инстинктивно сказал, что это небезопасно, но он уже платил за три стакана стотысячной банкнотой.

— Я этого не видел с ленинградских времен. Там стаканы были на цепочке! — воскликнул он.

Я обратил внимание, что мы стоим под мемориальной доской о двухдневном пребывании Гёте в этом угловом доме.

— Да, Гёте... два дня в Кракове... — сказал Иосиф со стаканом у рта.

— Как Иосиф Бродский, — добавил я.

Мы говорили по-русски. У меня были с собой две «культовых» публикации: «82 стихотворения и поэмы» и сборник эссе «Песнь маятника», изданный «Зешитами литерацкими». Стихи были первой неподпольной книгой Бродского в Польше. Сначала их издала та же Барбара Торунчик, а в Польше в 1989 г. переиздал краковский «Знак». Бродский еще в самом начале встречи взялся за книги, а я попросил их надписать. Он что-то быстро написал и отложил книги в сторону. Но потом, в ходе трехчасового разговора он еще дважды «поправлял» текст автографа. В результате в обоих сборниках появились замечательные изображения кошек. На сборнике эссе — прекрасная надпись мне, а то, что написано на стихах, вдохновило меня на дальнейшие предприятия. Ибо, поставив дату и место встречи, Бродский с характерной шельмовской улыбкой дописал: «80 км от Катовице». Он расспрашивал меня о моем спектакле. Я рассказывал о переводе Гондовича. Бродский не раз смеялся, слыша, как звучат по-польски реплики из его пьесы. Он внимательно разглядывал фотографии с репетиций спектакля, которые у меня были с собой. Жалел, что не сможет его посмотреть — «может быть, когда-нибудь», — но на следующий день он должен был быть уже в Лондоне. Он спрашивал меня, не хочу ли я поставить его вторую пьесу — «Демократия!», на отдельном листке написал, что я могу с ней делать всё, что захочу.

Несколько часов разговора пробежали незаметно. Мне надо было возвращаться в Катовице. Поезд вез меня обратно на последнюю генеральную репетицию «Мрамора» в Силезском театре, а я уже тогда начал думать, как преодолеть эти «80 км»...

Спектакль был принят с большим интересом. Хорошую рецензию написал в «Театре» тогда только дебютировавший Марек Заганчик. Игравший Туллия Веслав Каньтох получил «Золотую Маску» за лучшую роль сезона. Весной следующего года нас пригласили в Москву. Наш спектакль был первой премьерой «Мрамора» во всем бывшем восточном блоке, а перспектива сыграть его, впервые показать на родине автора была дополнительным соблазном. Вдобавок расположение Театра Ермоловой — в нескольких сотнях метров от мавзолея Ленина — создавало пьесе особый контекст. Но отклик на спектакль был слабый. На всю Москву было сделано только одно объявление о наших гастролях — перед входом в театр. Как в эпоху до изобретения радио, люди передавали эту новость друг другу, и со дня на день зрительный зал наполнялся всё больше. В те дни самым важным, как каждый год в этой стране, была годовщина Победы. Я уехал из Москвы с только что изданным небольшим тиражом маленьким сборником стихов Бродского, который мне подарила Ксения Старосельская, выдающаяся переводчица польской прозы. Ксения была моим ключом к столице России. Ей я обязан Москвой «Мастера и Маргариты», Москвой «Таганки» и Любимова, настоящей Москвой, которая без нее осталась бы глухой советской крепостью.

Через несколько месяцев после премьеры «Мрамора» катовицкая радиостанция предложила мне поставить радиоспектакль. Я подумал, что хорошо было бы поставить лучшую, по мнению некоторых, пьесу Бродского — стенограмму суда над ним, сделанную Фридой Вигдоровой. Процесс проходил 18 февраля и 13 марта 1964 г. в Ленинграде. Бродского приговорили к пяти годам высылки за «тунеядство» — за то, что он систематически не выполнял «обязанностей советского человека по производству материальных ценностей и личной обеспеченности». На первом судебном заседании судья Савельева атаковала Иосифа:

С у д ь я : А кто это признал, что вы поэт? Кто причислил вас к поэтам?
Б р о д с к и й : Никто. (Без вызова) А кто причислил меня к роду человеческому?
С у д ь я : А вы учились этому?
Б р о д с к и й : Чему?
С у д ь я : Чтобы быть поэтом? Не пытались кончить вуз, где готовят... где учат...
Б р о д с к и й : Я не думал, что это дается образованием.
С у д ь я : А чем же?
Б р о д с к и й : Я думаю, это... (растерянно)... от Бога...

Этот суд Станислав Баранчак сравнивает со знаменитыми русскими разговорами — Николая I с Пушкиным и Сталина с Пастернаком. Звучание голосов из зала суда, возможность услышать реакцию направленных на процесс «представителей народа» — всё это позволяет прочувствовать, чем был этот карикатурный суд над поэтом. Радиоспектакль встретил одобрение слушателей, передавался трижды, стал дополнением премьеры в театре.

Бродского в моей жизни становилось всё больше. Некоторое время спустя Ежи Жиский, ездивший в Белоруссию по делам друзей, привез минское двухтомное издание стихов — по сей день одно из самых лучших «избранных» Бродского. Теперь я мог уже известные переводы сравнивать с оригиналом.

В 1992 г., вернувшись из отпуска в Италии, последним этапом которого была Венеция, я застал дома новый номер «Зешитов литерацких», посвященный городу у лагуны. Украшением номера было большое эссе Иосифа Бродского «Watermark» («Набережная неисцелимых»). Это было как передача сигнала. Всё сгущалось. Не хватало только физического присутствия. Став в сентябре 1992 г. директором Силезского театра, я знал, что мое дело — обеспечить приезд Бродского в Катовице — в 80 км от Кракова.

Собралось уже достаточно много катовицких «эманаций». Был «Мрамор», был радиоспектакль, был Феликс Нец, который переводил Бродского и печатал его в местной прессе. И «Коляда военного положения» со строфой, посвященной трагедии шахты «Вуек» — трагедии, которая остается одним из этапных моментов польского пути к свободе. И еще одно... По сути дела наши действия — это не результат составленного плана, размышлений, расчетов. Решающими в конечном счете оказываются чувства,

эмоциональные рефлексы, проблески интуиции, которые под конец перевешивают чашу весов. И вот, когда я задумывался, какую найти дополнительную причину, чтобы заманить Иосифа Бродского в Катовице, я сообразил, что в Силезском университете работает профессор Зофья Ратайчак, та самая, с которой я провел в Кракове вечер с поэтом. Тот самый человек — тогда я это уже знал, — который открыл Бродскому окно в закрытую в те времена для него Польшу, благодаря ей он узнал Норвида и Галчинского, других польских поэтов, а вдобавок Беккета и Фолкнера — через полученные от нее журналы и книги.

Вышеупомянутые совпадения, как сказал бы Кот Еленский, складывались в логическое целое, мотивировали возникающий проект. Я чувствовал себя ответственным за какую-то часть культурной жизни города. Силезский театр, говорил я не раз, должен стать культурным центром Катовице. Это убеждение вытекало из традиций и положения театра, из устремлений работающих в нем людей. Если удастся устроить литературный праздник в нелегкий для культуры период, это сможет оказать очищающее влияние на всех, кто работает в этом «пейзаже после облучения». Поднять дух у художников и у тех, кому литература необходима, у ее читателей и почитателей.

В начале января 1993 г. я встретился с проректором Силезского университета, чтобы заинтересовать университетские власти замыслом присвоить Иосифу Бродскому степень доктора honoris causa. Я представил план пребывания поэта в Катовице, где кроме вручения докторской степени предусматривалось возобновить «Мрамор» и представить радиоспектакль «Процесс Бродского», провести вечер поэзии в «Малярне» в исполнении актеров театра, выставку, показывающую связи Бродского с Польшей, научную конференцию и встречу с читателями. Проект был встречен с энтузиазмом.

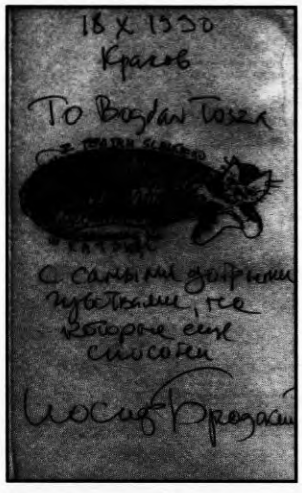
Университетские власти быстро приняли решение — осталось ждать ответа от Бродского. Примет ли он почетное звание от университета, насчитывающего всего 25 лет, без гуманитарных традиций, к тому же отягощенного коммунистическими обстоятельствами своего создания? Он-то, получивший уже почетную докторскую степень в Оксфорде и нескольких других университетах? Но Бродский дал согласие, в чем немалая заслуга Чеслава Милоша. А сам лауреат использовал свой приезд, чтобы определить свое отношение к Польше и полякам.

Утром в воскресенье 20 июня 1993 г. поэт приземлился в варшавском аэропорту Окентье, откуда на машине мы привезли его в Катовице. Вечер он провел в моей служебной квартире, жалкой клетушке в «Супер-Едностке», самом большом во всей стране жилом здании времен ПНР. Когда он вошел, Эльжбета встретила его словами: «Приветствую вас в наших полутора комнатах», — намекая на его знаменитый текст. Из Кракова приехали Чеслав Милош и Томас Венцлова. Их присутствие действовало на Бродского явно бодряще. Потом он не раз повторял: «Где Милош, там и я».

Со следующего дня началась официальная программа. Ее ход полностью совпал с планом, составленным за полгода до этого. В проекте не были предусмотрены только эмоции, которые сопутствовали всем событиям. Но как могло быть иначе, если сам Бродский в речи, произнесенной им на церемонии, сказал: «...моя Польша родом из книг (...) Польша для меня — больше состояние ума или состояние сердца, нежели реальное — полицейское или демократическое — государство».

Программу пребывания Бродского в Катовице пополнили новые предложения. Важной была встреча на катовицком радио, когда в полдень прервали выпуск новостей, чтобы провести беседу с Бродским, Милошем и Томасом Венцловой. После передачи мы шли в театр с Чеславом Милошем. Взволнованный посещением радиостанции, Милош вспоминал виленское радио. Мы говорили об Ирене и Тадеуше Бырских, с которыми он там работал. Бырские, как известно, потом с большим успехом руководили театром в Кельце. Я спросил Милоша, как он оценивает отказ Гомбровича сыграть прапремьеру «Обручения» в Кельце. Милош считал, что это было ошибкой Гомбровича, который попросту никогда о Бырских не слышал. Сам он, кстати, безуспешно обращался к писателю по этому поводу. В связи с этим я добавил, что, слава Богу, отношение Бродского к его драматургии не такое. Иначе не состоялась бы наша премьера «Мрамора» в Катовице...

На мой взгляд, самым важным событием этих трех дней была встреча на Большой сцене, посвященная русской литературе. Я назвал ее провокационно: «Нужна ли нам русская литература?» Рубеж 80-90-х годов — это период, когда в реакции на времена ПНР русских писателей отождествляли с советской оккупацией, а русский язык — с орудием врага. Рядовая театральная публика отвергала даже таких драматургов, как Чехов и Маяковский. Когда я предложил продолжать в Силезском театре Фестиваль русской драматургии — разумеется, с изменениями, вытекавшими из исторических перемен, — воевода, избранный на первых свободных выборах, счел меня сторонником ушедшего режима. Между тем фестиваль мог показать воистину свободное мышление о театре. На нем могли пройти прекрасные спектакли Люпы, Гжегожевского и других. Но замысел был отвергнут и, вероятно, уже не вернется. Тем важнее была эта дискуссия, а участие в ней авторитетных людей давало возможность достичь немалой убедительности. Так и произошло. Баранчак говорил о Мандельштаме, Дравич — о Булгакове, Нец — о Пушкине, Милош — о Достоевском, Венцлова — о встречах с русскими поэтами: Ахматовой и Бродским, — а сам Бродский на ходу создавал поэтические интермедии, читал стихи поэтов, о которых шла речь, — разумеется, наизусть: его память на стихи легендарна. Он шептал на ухо, что́ будет читать, а мне оставалась роль быстро реагирующего «конферансье». Все стихи он читал по-своему, с характерной напевностью, словно включал их в свой поэтический язык, придавая им силу личного признания. Эта встреча получила огромную силу воздействия, вошла в легенду. Еще сегодня многие слушатели и зрители вспоминают ее. Все ожидания превзошел вечер стихов Бродского в «Малярне». Так сталось прежде всего благодаря поэту, который, по его словам, впервые услышал свои стихи в чужом исполнении. Мне было важно, чтобы весь театр жил Бродским. После вручения докторской степени и встречи на Большой сцене, после возобновления «Мрамора» на Камерной сцене, после выставок в фойе обоих залов, после того как Бродский подписывал свои книги на лестнице театра, оставалась уже только «Малярня». Это помещение предназначено для иного рода слушанья, оно обладает своим художественным «безобразием». Только там вечер поэзии мог быть свободным от характера торжественного заседания.



Выбирая стихи, я руководствовался тремя критериями. Во-первых, чтобы поэзия Бродского была представлена как можно более широко, во-вторых — показать как можно большее число переводчиков, а в-третьих — чтобы стихи были настолько же мудрыми и прекрасными, насколько забавными и трогательными. В поверхностном восприятии Бродского считают поэтом трудным, художником, который ведет неустанный диалог с классиками философии и литературы. А между тем его стихи вызывают и самые простые, глубоко человеческие чувства, они полны иронии и приятия жизни. Это-то я и хотел показать. Я пригласил Анну Полоны, и это внесло еще один нюанс. Вспоминая о России, Бродский пишет, как на даче Ахматовой в Комарове собирались и читали стихи, представляли гранд-даме русской поэзии новые творческие пробы и слушали, как читает она сама. Присутствие Анны Полоны позволяло «реконструировать» такой вечер. На сцене мы устроили что-то вроде старомодного салона, со «старинными» безделушками и книгами. Окна «Малярни» были специально подсвечены, потому что в это время, в июне, в Петербурге белые ночи.

В последний период приготовлений Зофья Ратайчак принесла оригинал машинописи давнего перевода Бродского из Галчинского — «Заговорённые дрожки». Перевод с рукописными поправками поэта был напечатан на той пишущей машинке, которая стояла в «полутора комнатах»... Так я нашел концовку вечера.

Он пришел с опозданием, страшно усталый после трудов долгого дня, большим усилием больного сердца взошел на высокий второй этаж бывшей масонской ложи, где расположена «Малярня», и был поражен, а потом глубоко взволнован тем, что увидел. На следующей день на пресс-конференции он

сказал: «Вид этих молодых людей, молодых поляков, которые читали строфы моих стихов, заставлял стихи перетекать в какие-то новые значения. Этот вид сильно потряс меня. Я горжусь, я хвастаюсь тем, что обычно ничто в жизни не способно выбить меня из состояния равновесия. Они показали мне, что я ошибался». Когда в конце программы я попросил его выйти на сцену, мы увидели, в каком он состоянии. Он сумел только сказать: «Я потрясен, но я и благодарен вам. Я очень благодарен. Единственный известный мне способ успокоиться — это закурить сигарету и прочитать свои стихи». Он закурил очередной «Кент» и прочитал «Эклогу IV (зимнюю)». Раздал актерам цветы, которые получил до того. С бесконечным терпением опять подписывал книги. Ни у кого — ни у него, ни у нас — не было желания заканчивать вечер. Несколько недель спустя я прочел интервью, которое он дал «Пшекрую» — журналу, читанному им в молодости. О вечере в «Малярне» он сказал: «Это одно из самых сильных впечатлений в моей жизни».

На следующий день надо было прощаться. Все мы задавались вопросом, можем ли мы рассчитывать, что он еще когда-нибудь приедет. Когда его спросили об этом на русской кафедре, он ответил: «Да, можете рассчитывать. Я чувствую себя должником перед вашим университетом, но и перед тем людьми, которые живут в этой части Польши». Сталось иначе. В Катовице он больше не вернулся. Силезский университет, насколько я знаю, больше его не приглашал. Страшно жалко. Он мог бы читать лекции на отделении как русской, так и английской филологии. Эти лекции можно было бы напечатать. Еще многое можно было сделать. Никто об этом не подумал. Никто не услышал его призыва из «Писем к стене»: «Сохрани мою тень, сохрани»».

Осенью того же 1993 года я организовал выставку фотографий разных фотографов, посвященных пребыванию Бродского в Катовице. Многие из показанных на ней снимков я до сих пор нахожу в книгах и журналах. Среди моих любимых — фото, где Иосиф Бродский, увидев своих читателей, стоящих за его автографами у ступеней Силезского театра, прикладывает руку к сердцу.

Это сердце отказало ему 28 января 1996 года. Он умер у себя дома в Нью-Йорке, и там прошли его первые похороны. Я завидовал тем, кто смог с ним попрощаться. Среди них был Чеслав Чаплинский, фотографировавший эту печальную церемонию. Его документацию мы выставили в театральной галерее. Полтора года спустя состоялись вторые похороны Иосифа Бродского — в любимой его Венеции. Это прощание носило частный, камерный характер. Каково же было мое удивление, когда Ежи Ильг, директор издательства «Знак», передал мне, что Мария Бродская была бы рада видеть меня на кладбище Сан-Микеле. Я поехал с Эльжбетой, которая к тому времени издала «Состояние сердца» — книгу, шаг за шагом описывающую дни с Бродским в Катовице. Вместе с нами поехали Ежи с Иоанной и Зофья Ратайчак. Там были, пожалуй, все, чья любовь и дружба позволяла ему жить. Он лежит на евангелическом участке рядом с Эзрой Паундом, еще одним «венецианцем», но с совершенно иной биографией, и Ольгой Рудж, подругой жизни Паунда, к которой Бродского привела Сьюзен Зонтаг. Этот визит Бродский описал в «Набережной неисцелимых». Во время службы в католической церкви зазвучал его любимый Гайдн. Церковь стоит на берегу, рядом с кладбищем, «в глухой провинции у моря» — как в стихотворении.

Вечером в день похорон все мы встретились во дворце Мочениго на Большом канале. Среди старой мебели, картин и книг, помнящих еще лорда Байрона, который писал здесь «Дон Жуана». Казалось, что я чувствую присутствие Бродского среди нас, что он «прошел сквозь монастырский сад, / в пролом просунулся, согнулся, / к воде спустился и назад / нетерпеливо оглянулся».

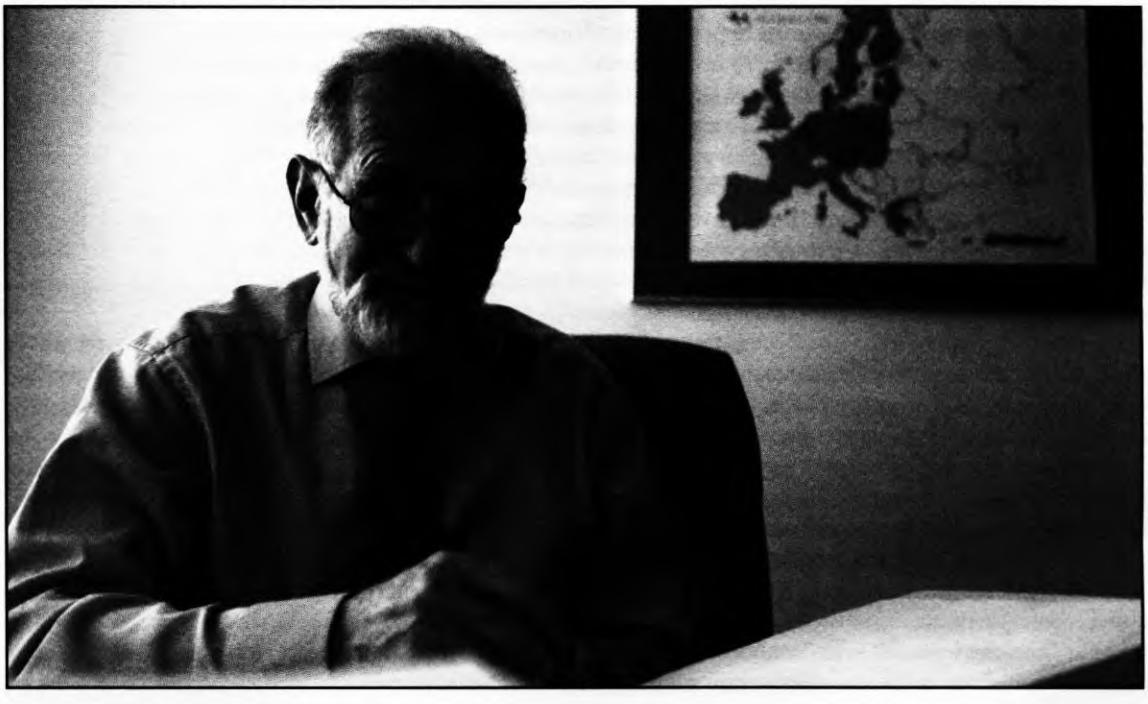
Исполнилось десять лет со дня его приезда в Катовице. Встреча с Иосифом Бродским стала, может быть, самым важным событием моей — и не только профессиональной — жизни. Она остается важной в силу его творчества, к которому я неустанно возвращаюсь. Чеслав Милош написал о нем: «Тон его, всегда опознаваемый, — торжествен и в то же время насмешлив, с постоянными скачками от элегии и оды к сатире, с почти постоянным присутствием сочувствующей иронии». Это мне очень близко. Но для меня Бродский важен и в своей жизненной позиции свободного человека среди слуг тирании — в перерастающем свою эпоху нелегком образце для подражания. Встречи с ним стали для меня обязательством.

2003

Богдан Тоша (род. в 1952) — режиссер, директор театров в Катовице и Вроцлаве, сейчас преподает на режиссерском факультете Силезского университета (Катовице). В 2007 г. выпустил книгу очерков «Написанное в сторону» (Люблин, «Gaudium»), откуда и взят публикуемый текст.

ОН БЫЛ НАМ НУЖЕН

Памяти Бронислава Геремека



■ Бронислав Геремек воплощал в себе ту вторую половину европейского XX века, которая в конечном итоге завершилась лучше, чем начиналась. Лишь немногие вправе утверждать, что способствовали этому в такой же мере, как он. От варшавского гетто до парламента в Страсбурге, от университета до политики, от ПОРП до коммунистической тюрьмы, от «Солидарности» до министерства иностранных дел своей страны — такой необычный путь прошел этот мыслитель, гуманист и полиглот, польский патриот и европеец сердцем и разумом, а вместе с тем гражданин мира. (...) Он говорил о Европе так, как умеют говорить о ней лишь немногие, с тем сочетанием страстности визионера с прагматизмом, которое знаменует собой подлинное величие: «Если бы в темные дни диктатуры мне сказали, что я доживу до времен, когда моя страна сделается полноправным членом европейской семьи, я бы лишь улыбнулся красивым грезам, которые не имеют ни малейших шансов на осуществление. Но нужно было за это сражаться, как если бы оно было возможно».

Эли Барнакси, Кшиштоф Помян, Бенуа Ремиш
(«Газета выборча», 21 июля)

■ Он входил в число главных, наряду с Лехом Валенсой и Тадеушем Мазовецким, отцов-основателей свободной Польши. Считавшийся лучшим из польских министров иностранных дел после падения коммунизма, он сыграл огромную роль в деле вступления нашей страны в НАТО. (...) Он был одним из тех политиков, кого не создает выполняемая ими функция: личность опережала функции — функции были добавочной ценностью, и, какую бы он ни выполнял функцию, с ним прежде всего считались как с «профессором Геремеком». (...) Он был патриотом, который добивался блага Польши, и одновременно — европейцем, который добивался блага Евросоюза и всего континента. Синтез, часто выходивший за пределы польского воображения.

О. Адам Бонецкий,
главный редактор «Тыгодника повшехного»
(«Тыгодник повшехный», 20 июля)

■ Это же Бронек оказал решающее влияние на соглашения, заключавшиеся за «круглым столом». Бронек убеждал Валенсу, что нужно менять, но осторожно — не забывая, что в Польше еще стоит советская армия. (...) Он не думал о политической карьере. После «круглого стола» намечали кандидатов в Сейм. Я был свидетелем резкого столкновения Геремека с Валенсой. Бронек сказал, что не хочет выдвигаться, потому что его призвание — научная деятельность. Валенса был взбешен. «Вы обязаны, пан Бронек!» — кричал он. И Бронек сдался. (...) Он стал депутатом, возглавил парламентскую Гражданскую фракцию. (...) И сыграл ключевую роль в демонтаже коммунизма. То была роль его жизни, и никто у него этого не отнимет. (...) Пожалуй, он отдавал себе отчет в том, чего сумел достичь как эксперт-консультант на Гданьской судоверфи [в августе 1980-го], участник переговоров «круглого стола» и как министр иностранных дел, который привел Польшу в НАТО.

Проф. Генрик Самсонович,
бывший ректор Варшавского университета,
бывший министр народного образования
(«Газета выборча», 21 июля)

■Огромный, неиссякаемый политический и интеллектуальный талант. (...) Он был очень деликатным человеком. Если б он играл резче, боролся жестче... (...) Но он не хотел войн. (...) Без Геремека я бы ничего не сделал. Без Бронека это было бы невозможно. Я ставлю его сразу вслед за Иоанном Павлом II, а в интеллектуальном отношении Геремек ему равен. А за ними — долго ничего. (...) Бронек! Пан Бронек! Без нужды вы поспешили, потому что вы нам страшно нужны... вы нам были страшно нужны. (...) Я бы всё сделал, чтобы следующим президентом Польши стал Бронислав Геремек.

Лех Валенса
(«Газета выборча», 15 июля)

■ Помню, однажды Геремек заговорил со мной в коридоре польского парламента (он был одним из тех, кто в числе других возвращал ему подлинно парламентский характер) (...) и с неожиданной страстью заявил: «Знаешь, для меня Европа — это такая платоновская идея». Европа больше никогда не увидит кого-то подобного ему. Сообразительный еврейский мальчишка, чудом выживший в апокалипсисе варшавского гетто при нацистской оккупации, он учился патриотизму и поэзии от католических учителей из монашеского ордена мариан (...) Геремек сыграл ключевую роль в движении «Солидарности», был зодчим мирных преобразований, положивших конец коммунизму не только в Польше, но и во всей Центральной Европе. (...) Подвергавшийся нападкам националистов в собственной стране, за границей он был самым выдающимся глашатаем ее интересов. Раз за разом он демонстрировал то, чего не в состоянии заметить лишь косные умы: нет никакого противоречия между тем, чтобы быть поляком, евреем и европейцем».

Тимоти Гартон Эш, Оксфордский университет
(«Газета выборча», 15 июля)

■ Мы питали к нему большое доверие и относились с большим уважением. (...) Он был одним из визионеров общей Европы, где запад и восток нашего континента — равноправные партнеры. (...) И занимался созданием такой Европы, где нет места никакому национализму.

Вольфганг Тирсе, бывший председатель Бундестага
(«Жечпосполита», 14 июля)

■ «Европу мы создали, — сказал однажды Геремек, — теперь нужно еще создать европейцев».

Леопольд Унгер
(«Газета выборча», 21 июля)

■ Хочу воздать почести этой великой фигуре объединения континента.

Президент Николя Саркози
(«Газета выборча», 14 июля)

■ Геремек — один из двух-трех самых важных творцов успеха в августе 1980-го.

Президент Лех Качинский
(«Газета выборча», 22 июля)

■ Он был творцом истории. Немногие могут сказать о себе такое.

Дэвид Харрис,
исполнительный директор Американского еврейского комитета
(«Газета выборча», 14 июля)

■ В грозные и опасные времена он обладал мужеством протестовать и противодействовать гнетущей политической силе, но обладал и мудростью, позволяющей рассматривать власть как механизм осуществления благих человеческих чаяний, а не только желать победы над противником.

Эли Визель,
(«Пшеглёнд», 27 июля)

■ Мне бы хотелось, чтобы будущие поколения помнили Бронислава Геремека как пример свободы духа и чтобы он остался в нашей памяти как один из величайших символов освобождения от всяческого гнета.

Жозе Мануэль Баррозу,
председатель Европейской комиссии
(«Газета выборча», 14 июля)

■ Его смерть — утрата не только для Польши, но и для всех нас, жаждущих, чтобы мир был свободным и справедливым.

Вацлав Гавел,
бывший президент Чехии
(«Газета выборча», 14 июля)

■ Мы, мемориальцы, считали его одним из ориентиров в Европе.

Арсений Рогинский, «Мемориал»
(«Газета выборча», 14 июля)

■ «Молчание о Тибете было бы преступлением против европейского духа», — говорил он в марте в Европейском парламенте. Мы выражаем печаль и сожаление в связи с утратой этой авторитетной фигуры, которая поддерживала важные для нас дела.

Программа «Тибетский фонд — Другое пространство»
(http://ratujtybet.org)

■ Геремек «Солидарности», Геремек «круглого стола», Геремек современной Европы для нас в России всегда был легендой. А еще — авторитетной личностью, образцом честности и ответственности.

Члены правления общества «Мемориал»
(«Газета выборча», 16 июля)

■ Он придал польско-украинскому диалогу надлежащее направление и содержание. Благодаря ему были подписаны разнообразные соглашения. (...) Тот факт, что сегодня между нашими странами царят дружественные отношения, — большая заслуга профессора Геремека. Он был урожденным либералом, а это в Польше встречается не так часто. Он был европейцем, и я бы рискнул сказать, что Геремек был гражданином мира. Многим его соотечественникам (...) это не очень-то нравилось. Но на Западе он сыграл огромную роль и делал это с мыслью о Польше. Он был человеком Запада на Востоке.

Проф. Богдан Осадчук
(«Жечпосполита», 15 июля)

■ Он часто говорил мне, как сильно обрадовали его слова Иоанна Павла II, произнесенные на гданьской Заспе: «Никогда друг против друга, никогда». Борьба не может быть сильнее солидарности, никогда нельзя уничтожать другого человека, а нужно искать соглашение с ним. Такой была твоя философия, профессор. Благодарим тебя за это.

Архиепископ Тадеуш Гоцловский,
бывший митрополит Гданьский
(«Газета выборча», 22 июля)

■ Его идеей было — соединять людей, а не разделять их, смягчать нравы и охлаждать эмоции.

Премьер-министр Дональд Туск
(«Жечпосполита», 14 июля)

■ Геремек создавал демократическую оппозицию, вел Польшу к демократическому устройству. (...) Он принадлежал к немногочисленной группе польских политиков, которых уважали во всем мире. (...) Вокруг него собралось много достойных личностей, которые по сей день составляют существенную часть польской дипломатии.

Александр Квасневский,
бывший президент Польши
(«Жечпосполита», 14 июля)

■ Мне бы хотелось сохранить воспоминание о том, как Бронислав Геремек с самыми настоящими слезами на глазах подписывал документ о польском членстве в НАТО. (...) Это — воспоминание о человеке, который смог осуществить свою мечту о лучшем, более разумном мире, о более безопасной Польше.

Бронислав Коморовский,
маршал Сейма
(«Дзенник», 22 июля)

■ Со вчерашнего дня я знаю, что отныне все будет по-другому. Мне трудно писать о своем друге в прошедшем времени. (...) Этот юноша, чудом уцелевший в Катастрофе, стал со временем представителем и выразителем самых лучших польских традиций государства без костров и без политзаключенных, Польши независимой и демократической, Польши открытой и терпимой.

Адам Михник
(«Газета выборча», 14 июля)

■ Трагичны были судьбы его детства, трагична его смерть. (...) Будучи ближайшим советником Леха Валенсы, он вместе с Тадеушем Мазовецким стал главным конструктором политических перемен и изменения государственного строя в Польше 1989 года. Их обоих коммунисты называли «мозгом оппозиции».

Епископ Алоизий Оршулик
(«Газета выборча», 15 июля)

■ Геремек неоднократно вспоминал, что с детских лет хотел быть писателем: «В детстве я даже предпринимал свои первые пробы пера и передавал их Янушу Корчаку. Я был знаком с ним с 1939 года. Корчак разговаривал со мною как с взрослым, относился совершенно всерьез. И спрашивал, хорошо ли я обдумал свой выбор. Объяснял, что писателю надо быть очень умным человеком и очень много читать, чтобы хорошо писать. И еще: что ему надо понимать мир, даже если это мир преступный или несправедливый. «Сумеешь ли ты?» — спрашивал меня Корчак. Так я и не стал писателем. Я осознал, что никогда не смогу понять смерть, голод и человеческое отчаяние. Не смогу понять кошмар, который окружал меня в варшавском гетто».

Ярослав Курский
(«Газета выборча», 21 июля)

■ Когда беседа переходит на его детство, Бронислав Геремек становится неразговорчивым. Внезапно он выглядит беспомощным, а его мягкий голос становится еще тише. «Мне было семь лет, когда разразилась война, и двенадцать, когда она закончилась. Меня сформировало это время, драматическая судьба Польши и моей семьи, которая большей частью погибла в Аушвице и Биркенау. Я не часто об этом думаю, но эта история навсегда со мной... Некоторые недовольны, что я не хочу об этом говорить. Но я просто не в состоянии... Это такой опыт, который исключительно трудно принять... в рациональных категориях».

Михал Винярский
(«Газета выборча», 21 июля,
по публикации в «Дагенс нюхетер»)

■ После всего, через что прошла наша семья, страстная преданность Бронека Польше была чем-то исключительным. Он мог сделать карьеру где угодно, но это никогда даже не пришло ему в голову. Польша была для него всем.

Ежи Леварт, брат Бронислава Геремека
(«Пшеглёнд», 27 июля)

■ Благодаря ему к Польше относились как к серьезному союзнику, стране, внешняя политика которой умна и хорошо продумана. Помнится, в 90-е годы американский журналист задал Геремеку стандартный вопрос о польском антисемитизме, и Бронек ответил: «Моя семья погибла в гетто. После свободных выборов свободное правительство Польши назначило меня министром иностранных дел. Вам этого достаточно?»

Збигнев Бжезинский
(«Газета выборча», 14 июля)

■ Он был великой совестью Польши, одним из крупнейших мыслителей Центральной Европы. (...) Жизнь была к нему жестока, но он всё ей прощал. Поляки наверняка не проявили к нему достаточной благодарности. В своей стране его, пожалуй, немного отвергали. Но он не был в обиде, лишь пожимал плечами. Знают ли молодые поляки, что он совершил? Не уверен. Только после того, как человек умирает, мы осознаём, кого и что потеряли.

Бернар Кушнер,
министр иностранных дел Франции
(«Газета выборча», 14 июля)

■ Во внешнем мире Бронислав Геремек пользовался несравненно более высоким авторитетом, чем у себя на родине. Этот факт вызывал во всём мире немалое изумление.

Эли Зборовский,
президент Международного общества «Яд Вашем»
(«Пшеглёнд», 27 июля)

■ Историки не поскупятся отвести ему надлежащее место в истории независимой с 1989 г. Польши, которую он создавал. У меня при воспоминании о мелкотравчатости, с которой он сталкивался в последние годы, остается горечь и сожаление.

Тадеуш Мазовецкий
(«Газета выборча», 14 июля)

■ Он вызывал не только симпатию, но и антипатию. Он был слишком умным, слишком хорошо говорил, слишком много знал.

Томаш Яструн
(«Ньюсуик-Польша», 27 июля)

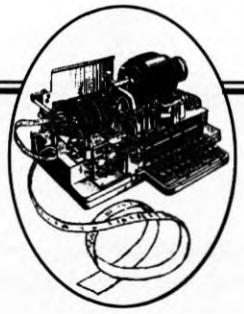
■ Сколь многим обязаны вам отечество и я лично — не подсчитать. (...) По воле случая я так никогда и не успел вас поблагодарить. Сегодня то, что я скажу здесь, вам уже не пригодится, но совесть требует перед лицом величия смерти сказать правду: по моей оценке вы были величайшим из поляков (...) и я благодарен Богу за то, что познакомился с вами. Мог восхищаться и учиться. (...) Пан Бронек! Да воздаст вам Бог. Спасибо. Покойтесь в мире. Скоро встретимся.

Лех Валенса
(«Газета выборча», 22 июля)

■ Более тысячи варшавян пришли вчера на военное кладбище в Повонзках попрощаться с трагически погибшим Брониславом Геремеком. В струях дождя они стояли под зонтами. (...) «Благодаря таким людям, как профессор, я мог расти в свободной Польше. Мне никогда не довелось с ним встречаться, но сейчас я хочу с ним попрощаться и поблагодарить его, зажигая свечку», — объяснил Марек Зажечный, 1980 года рождения. (...) «Когда я услышала, что профессор погиб в автокатастрофе, то ощутила огромную пустоту. Этот человек был для меня символом борьбы за демократию», — вспоминает Барбара Адамяк, учительница на пенсии. (...) «Когда он подписывал договор с НАТО, мне было 14 лет. Я горжусь, что видел это. Поэтому сегодня я стою у его могилы», — говорил Томаш, студент-экономист. (...) «Для меня он авторитетная личность», — кратко сказал Яцек Ковальчик, варшавский студент. (...) Поздно вечером перед запертыми воротами кладбища мы застали Магду, юриста из Варшавы. «Профессор был представителем исчезающего класса людей с принципами, — сказала она. — Я и представить себе не могла, что не попрощаюсь с ним. Я не могла уйти с работы и пойти на похороны, поэтому пришла сюда сейчас. Досадно, что уже не войти».

Яцек Завадский
(«Газета выборча», 22 июля)

Выбрал Виктор Кулерский



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Годовщина Варшавского восстания 1944 года (...) Ровно в 17.00 в столице и других польских городах раздался вой сирен. В Варшаве машины и пешеходы остановились, чтобы почтить память погибших в восстании (...) Когда в 17.00 завыли сирены, собравшиеся на военном кладбище члены правительства, депутаты парламента, духовенство, генералитет и ветераны почтили память павших минутой молчания. В церемонии приняли участие президент Лех Качинский и премьер-министр Дональд Туск». *(«Жечпосполита», 2-3 авг.)*

Президент Лех Качинский на церемонии в честь 64-й годовщины начала Варшавского восстания: «Это была последняя попытка сохранить независимую Польшу. Советская армия уже занимала Прагу [правобережное предместье Варшавы] (...) Было очевидно, что либо Варшаву займут поляки (...) либо шанс сохранить независимость будет потерян» (...) Президент напомнил, что решение поднять восстание стоило жизни сотням тысяч жителей Варшавы и десяткам тысяч солдат. ***(«Жечпосполита», 4 авг.)***

«Уже несколько лет подряд церемония у памятника «Gloria Victis» на военном кладбище превращается в постыдное зрелище. Когда слышишь ропот и крики «жиды!» в адрес политических противников, трудно избавиться от впечатления, что всё это имеет мало общего с памятью о таком великом национально-освободительном порыве, как Варшавское восстание (...) Седовласые дамы, оплевывающие неугодных им политиков в национальном пантеоне, каким становится 1 августа военное кладбище в Повонзках, надолго останутся в памяти как символ бессмысленной ненависти». *(Ежи С. Маевский, Томаш Ужиковский, «Газета выборча», 2-3 авг.)*

«Збигнев Сцибор-Рыльский, председатель Союза варшавских повстанцев: «Это было возмутительно и ужасно (...) Это делают какие-то пожилые особы, видимо, находящиеся под влиянием отца Рыдзыка. Для этих людей профессор Бартошевский — враг, поскольку он сотрудничает с премьер-министром Туском» (...) Тадеуш Филипковский, член президиума Главного правления Всемирного союза бойцов Армии Крайовой: «(...) Всё превратилось в политический спектакль (...) Мы благодарны президенту Леху Качинскому за строительство Музея Варшавского восстания (...) но наша среда умеет смотреть и замечать, что творится вокруг (...) Мы — не придаток политической партии»». ***(«Газета выборча», 4 авг.)***

«Бронислав Геремек погиб в автокатастрофе. От нас ушел бывший министр иностранных дел и один из самых известных деятелей «Солидарности» (...) Смерть Геремека, который начиная с 2004 г. был евродепутатом, всколыхнула всех (...) Председатель Европейской комиссии Жозе Мануэль Баррозу назвал его «великим и свободным духом европейцем»». *(«Жечпосполита», 14 июля)*

«Залу №14 Сейма, в котором заседает Комиссия по иностранным делам, присвоено имя Брониславa Геремека (...) Вчера Сейм почтил память трагически погибшего политика (...) Заседание началось с минуты молчания и единогласного принятия резолюции, увековечивающей память профессора. Депутаты приняли ее стоя в присутствии семьи профессора, бывшего президента Александра Квасневского, а также членов Гражданской парламентской фракции, «Унии свободы» и «Демократической унии»». ***(«Газета выборча», 23 июля)***

«После смерти Геремека евродепутатом стал Анджей Велёвейский (...) Место в Европарламенте, освободившееся в течение срока депутатских полномочий, может перейти к кандидату из того же партийного списка, который занял в том же избирательном округе следующее место по числу голосов. В 2004 г. Бронислав Геремек и Анджей Велёвейский баллотировались по варшавскому списку «Унии свободы». Геремек набрал более 114 тыс. голосов, Велёвейский — около 2,5 тысяч». *(«Газета выборча», 23 авг.)*

Согласно опросу ЦИМО, если бы в Польше прошел референдум по вопросу принятия Лиссабонского договора, 71% поляков проголосовал бы «за», 11% — против. За ратификацию договора президентом Лехом Качинским, несмотря на отклонение Ирландией, высказываются 45% опрошенных. Противоположного мнения придерживаются 4%. ***(«Дзенник», 16 июня)***

■ «Депутаты «Права и справедливости» (ПиС), связанные с радио «Мария» о. Рыдзыка, благодарят ирландцев за отклонение Лиссабонского договора (...) Они направили президенту и премьер-министру Ирландии письмо, в котором, в частности, говорится: «Решение ирландцев — это победа свободы над искусственными идеями элиты, которая хочет протащить принципы, нарушающие основополагающее право человека на жизнь и право народа на сохранение своего национального облика»». *(«Дзенник», 16 июня)*

■ **«Просто невероятно, с каким лицемерием и безграничным презрением защитники политической интеграции Европы, еврократы, защищающие свои интересы и неохотно отрывающие рыла от корыта (...) а также европейские «политические элиты», рассматривающие избирателей как нечто неприятное, приклеившееся им к подошве и мешающее работать, продолжают без конца повторять одни и те же пустые фразы, годящиеся на все случаи жизни». *(Агнешка Колаковская, «Жечпосполита», 18 июня)***

■ «Прадолина Бзуры и Нера — ценнейшие в центральной Польше водно-болотные угодья, входящие в европейскую сеть «Natura-2000» (...) В 2005 г. великопольский воевода подписал решение о мелиорации 20-километрового отрезка Нера, одобренное великопольским инспектором по охране природы (...) В октябре прошлого года землечерпалки вычерпали со дна полутораметровый слой отложений и песка и выбросили все это на берег, создав гигантские кучи глины (...) В этом месте кипела жизнь. Теперь прибрежные торфяные болота высыхают. Вернуть долине первозданный вид уже невозможно (...) Может статься, что (...) ЕС наложит на нас многомиллионный штраф». *(Бартломей Дана, «Газета выборча», 1 июля)*

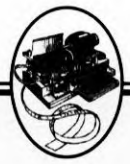
■ **«Вчера Европарламент подавляющим большинством голосов принял предложенный депутатом ПиС Мартином Либицким доклад об опасных экологических последствиях прокладки по дну Балтийского моря газопровода «Северный поток» (...) Решение Европарламента означает, что компания «Северный поток», созданная российским «Газпромом», немецкими фирмами E.ON и BASF, а также голландской компанией «Gasunie», должна подготовить экологическую оценку инвестиции. На ее основании Германия, Дания, Швеция и Финляндия могут выразить согласие на строительство газопровода из России в Германию». *(«Жечпосполита», 9 июля)***

■ «Несколько крупных польских производителей стиральных порошков отказались от использования фосфатов, которые уничтожают природную среду Балтийского моря (...) вызывая сильное цветение воды, в результате чего живые организмы вымирают. Фосфатов уже не используют «Хенкель», Юнилевер», JELP (...) Как сообщает Хельсинская комиссия, Польша принадлежит к числу стран, сбрасывающих в Балтийское море особенно много фосфатов. По последним данным, 9 из 28 тыс. тонн этих соединений поступают из Польши (...) Уже сейчас 10% поверхности Балтийского моря — это пустыня, где нет никакой жизни». *(Изабела Марчак, «Дзенник», 2 июня)*

■ **«В первом квартале этого года экономика зоны евро выросла на 2,1%. Рост в последнем квартале 2007 г. составил 2,2%. Таковы последние данные Евростата (...) Наша экономика росла в три раза быстрее: по данным Евростата, в первом квартале этого года ВВП Польши увеличился на 6,4%. Между тем Главное статистическое управление (ГСУ) сообщило, что в этот период в Польше был отмечен 6,1-процентный рост ВВП. Эти данные не противоречат друг другу. Результаты различаются, так как ГСУ считает ВВП в текущих ценах, а Евростат — в постоянных ценах по состоянию на 2000 год». *(«Дзенник», 10 июля)***

■ «В ходе проверок, проведенных в 2007 г. в учреждениях, осуществляющих проекты, частично финансируемые из средств ЕС, выявлено в общей сложности 290 нарушений. Согласно информации, предоставленной министерством регионального развития, потери от этих нарушений составляют почти 40 млн. злотых. По сравнению с 2006 г. число выявленных нарушений резко увеличилось — почти в два раза, а потери от них — почти в четыре раза. Число дел, направленных в прокуратуру, увеличилось с 21 до 41-го (...) По сравнению с деньгами, использованными в 2007 г., растраченные деньги составляют около 1,3%». *(«Жечпосполита», 14-15 авг.)*

■ **Инвестор, строящий автостраду или скоростную дорогу, должен позаботиться не только о шумозащитных экранах, но и о мостах и туннелях для животных. Постройка туннеля шириной 20-30 метров стоит 3-4 млн. злотых. Мост для крупных животных обходится в 15-20 миллионов. Как правило, экологические расходы увеличивают инвестиционные издержки приблизительно на 10%. Однако в районах, входящих в европейскую сеть «Natura-2000», они могут составить до**



30% всей стоимости инвестиции (...) На 137-километровом отрезке автострады от Конина до Нового-Томышля расположены 10 переходов для земноводных и мелких животных и пять мостов. На 104-километровом отрезке от Нового-Томышля до западной границы будет 21 мост и около 120 туннелей. Фирма «Великопольская автострада» потратит на них 90-100 млн. евро (...) На автомагистрали А2 мостов для животных будет больше, чем телефонов экстренной связи: первые будут находиться через каждые 670 м, вторые — через каждые 2 км (...) Генеральная дирекция польских дорог и автострад, строящая скоростную дорогу №3 из Щецина в Гожув примерно за 2 млрд. злотых, потратила свыше 143 миллионов на выполнение требований по охране окружающей среды». ***(Агнешка Стефанская, «Жечпосполита», 7 июля)***

I «По мнению экспертов ОЭСР (...) Польша развивается очень быстрыми темпами. Согласно последнему докладу, в настоящее время она занимает второе место среди стран-членов ОЭСР по динамике роста ВВП (...) Авторы доклада уделили много внимания польскому бюджетному дефициту и налогам. Польша достигла успеха, сократив дефицит госбюджета с 6,3% в 2003 г. до 3,8% в 2006-м и 2% — в настоящее время. Однако эксперты ОЭСР обращают внимание, что достичь однопроцентного структурного дефицита в 2011 г. (...) будет трудно из-за отсутствия плана налоговой реформы». *(«Дзенник», 12 июня)*

I Согласно последнему опросу европейского центра изучения общественного мнения «Евробарометр», поляки — народ оптимистов. 75% жителей Польши довольны своей жизнью, а более половины считают, что дела в стране идут в верном направлении. По уровню удовлетворенности жизнью мы занимаем 18-е место среди 27 европейских народов. Лидируют датчане, голландцы, люксембуржцы и шведы, среди которых довольны своей жизнью 95-96%. ***(«Дзенник», 11 июля)***

I «По последним данным министерства труда, в Польше около 2,5 млн. человек живут в крайней нужде. В самом трудном положении находятся семьи, в которых трое и более детей, а также родители-одиночки. Эти группы составляют 80% от общего числа лиц, живущих за чертой бедности (...) Из тех, чьи доходы ниже прожиточного минимума, почти каждому второму меньше 19 лет, а каждый третий — это ребенок младше 14 лет». *(«Дзенник», 25 июля)*

I «Численность польских эмигрантов быстро растет. Сейчас на территории ЕС их в несколько раз больше, чем до нашего вступления в Евросоюз. По опубликованным вчера данным ГСУ, в конце 2007 г. число т.н. временных эмигрантов, т.е. тех, кто заявляет о своем намерении вернуться в Польшу, достигло 2,270 млн. человек (...) Больше всего их в Великобритании — 690 тысяч. До вступления в Евросоюз главным направлением эмиграции была Германия: в 2002 г. там находилось 294 тыс. поляков, а в Великобритании — только 24 тысячи». ***(«Дзенник», 27 июля)***

I «Марек Белька возглавит Европейский департамент Международного валютного фонда. Бывший польский премьер-министр отказался от должности председателя Европейской экономической комиссии ООН». *(«Тыгодник повшехный», 27 июля)*

I «По данным ГСУ, в первом полугодии текущего года поляки зарегистрировали 170 тыс. новых фирм с персоналом до 9 человек. Это на 23 тыс. больше, чем год назад. Такого высокого показателя у нас не было со времени вступления в ЕС». ***(«Дзенник», 22 июля)***

I «Половина ввозимой в Польшу древесины вырубается нелегально (...) По оценкам Всемирного фонда дикой природы, ежегодно в Польшу попадает по меньшей мере 200 тыс. кубометров древесины, добытой нелегально — главным образом в лесах России». *(«Дзенник», 25 июля)*

I «В июне положение на рынке труда в очередной раз улучшилось. По данным министерства труда, уровень безработицы снизился до 9,6% по сравнению с майскими 10% (...) В июне этого года число безработных составило 1,46 млн. человек. Это самая низкая цифра за последние 17 лет: в июне 1991 г. число лиц без постоянной работы составляло 1,57 млн. человек». ***(«Дзенник», 5-6 июня)***

I «Люди с высшим образованием зарабатывают в Польше в среднем 5,1 тыс. злотых до вычета налогов — на 2,2 тыс. больше, чем окончившие только среднюю школу. Зарплаты работников с неполным средним образованием еще ниже — от тех, кто получил диплом, их отделяют 2,8 тыс. злотых». *(«Жечпосполита», 23 июля)*

I «В июне инфляция выросла до 4,6% (...) Вчера злотый укрепился по отношению к евро (...) Днем евро стоил 3,249 злотых. Это самый низкий курс за всю историю общей валюты». ***(«Жечпосполита», 16 июля)***

Дариуш Филар, член Совета монетарной политики: «Больше всего меня беспокоит высокий темп роста зарплат (...) На второе место я бы поставил рост объема кредитов домашних хозяйств: в июне он составил 8,5 млрд. злотых. Это рекордный уровень (...) Объем кредитов продолжает расти после трех повышений процентных ставок (...) Третье место среди тревожных показателей занимает инфляция». *(«Дзенник», 16 июля)*

«Совет монетарной политики в четвертый раз в этом году и в восьмой раз с начала цикла повышения повысил процентные ставки. С сегодняшнего дня основная ставка составляет 6%». *(«Газета выборча», 26 июня)*

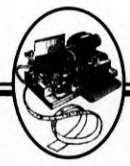
«Прошлый год стал рекордным по сумме пожертвований в пользу фондов и обществ (неправительственных организаций). Благодаря изменению процедуры отчисления 1% от налога (теперь деньги переводит налоговое управление, а не, как раньше, налогоплательщик на почте) эта квота может оказаться в три раза выше, чем год назад, когда налогоплательщики отчислили в общей сложности свыше 100 млн. злотых. Увеличилось и число жертвователей — с 7 до целых 40%». *(«Тыгодник повшехный», 27 июля)*

«В четверг с сувальской скотобойни сбежала двухлетняя [корова] Борутка. После нескольких часов погони ее напичкали снотворным и привезли обратно. Однако ее нельзя было убить, так как мясо с содержанием наркотиков было бы непригодно к употреблению. Тем временем Борутку выкупили у хозяина две неправительственные организации — «Вива» и Комитет помощи животным (...) Скотобойня отказалась выдать им корову (...) так как животное, переступившее порог скотобойни, не имеет права покинуть ее живым (...) Однако, согласно распоряжению ЕС, убивать следует лишь тех животных, которые вошли в убойный цех (...) Это обосновывается, в частности, тем, что пребывание на скотобойне — необыкновенно травматическое переживание, необратимо изменяющее психику животного (...) Борутка не успела попасть в убойный цех — она убежала со двора скотобойни, а после поимки ее поместили в загон (...) Воевода провел беседу с ветеринаром, чтобы тот, учитывая все юридические трудности, еще раз обдумал решение об убое коровы. Ветеринар обдумал свое решение и изменил его. Пока что Борутка будет жить в «Пристани спасения» — центре, созданном Комитетом помощи животным (...) Если окажется, что у нее нет тяжелых психических травм, ее отдадут в какое-нибудь хозяйство (...) Уже сейчас есть множество желающих взять корову». *(Эва Седлецкая, «Газета выборча», 29 июля)*

«У животных, попадающих в приют, больше шансов умереть, чем найти убежище (...) Каждое четвертое принятое в приют животное умирает (...) По крайней мере половина собак, которых приюты теоретически отдают новым хозяевам, — это фикция (...) Более половины приютских животных, т.е. около 40 тыс. в год, умирает (...) Приюты получают от гмин единовременное пособие на каждое принятое животное, что побуждает их уменьшать стоимость содержания и избавляться от животных как можно скорее. Самые великодушные морят их голодом, позволяют животным загрызать друг друга, лишают их опеки ветеринара (...) Ветеринарная инспекция нашей страны не интересуется судьбой животных, прокуроры скорее прекращают подобные дела, нежели доводят их до процесса, а суды не усматривают преступления в массовом голодании или смерти собак (...) В результате возникла идея объединения НПО под названием «Коалиция на благо животных». «Коалиция» выступает за смену законодательства (...) Речь идет о подписании Польшей Европейской конвенции по охране домашних животных и приведение польского законодательства в соответствие ей». *(Гжегож Линденберг, «Газета выборча», 30 июня)*

«Польша принимает активное участие в резне бельков (детенышей тюленя). Ежегодно погибает около 300 тыс. этих животных (...) Польша — один из крупнейших в мире импортеров шкур белька (...) Польские экологические организации борются за введение запрета на импорт этого товара (...) Этих маленьких доверчивых животных убивают крайне жестоким образом — оглушают ударом палки (...) чтобы не повредить шкуру. Многие из них бывают еще живы, когда охотники сдирают с них шкуру (...) Особенно ценны бельки с мягким белым мехом, встречающимся только у особей младше двух недель. Поэтому в 95% случаев под ударами палок гибнут бельки, которые только появились на свет». *(Изабела Марчак, «Дзенник», 19 июня)*

Согласно докладу, опубликованному обществом «Клен/Явор», «в прошлом году неправительственные организации потеряли более 2 млн. членов: в 2007 г. в них состояло 14% поляков, в то время как годом раньше — 22%. Уменьшилось также число жертвователей на благотворительные цели и число организаций, получающих пожертвования от



частных лиц. В 2006 г. пожертвования получили 35% НПО, т.е. на 5% меньше, чем в 2005 году (...) Меньше времени мы уделяем и волонтерству: в 2007 г. волонтеры проработали в среднем четыре часа в месяц, в то время как тремя годами раньше — шесть». *(«Тыгодник повшехный», 27 июля)*

Согласно опросу ГфК «Полония», Дональда Туска поддерживают 32% поляков, Казимежа Марцинкевича — 13%, Леха Качинского — 11%. 7-е место занял Ярослав Качинский с 4-процентной поддержкой. ***(«Жечпосполита», 24 июня)***

Половина опрошенных ГфК «Полония» считает, что среди политиков звания джентльмена больше всех заслуживает премьер-министр Дональд Туск (50% голосов). Второе место занял министр иностранных дел Радослав Сикорский (36%), третье — маршал Сейма Бронислав Коморовский (33%). Глава государства занял 11-е место среди 25 политиков, предложенных в опросе. Мирослава Грабовская, социолог (Институт политических исследований ПАН): «На место людей, живущих ради политики, пришли люди, живущие за счет политики. Часто они происходят из более бедных слоев общества, что связано с худшими манерами. Кроме того, современная политика, все чаще заключающаяся в сборе и использовании т.н. компромата на оппонентов, носит черты тюремной, а не джентльменской культуры». *(«Жечпосполита», 28 июля)*

«Согласно июльскому опросу ЦИОМа, только каждый четвертый поляк доволен тем, как работает Лех Качинский (...) В начале июня деятельность президента положительно оценивали 30% опрошенных ЦИОМом. В июле группа его сторонников уменьшилась на 5%. Одновременно увеличился отрицательный электорат президента. В июле его деятельность негативно оценивали 63% поляков — на 6% больше, чем за месяц до этого (...) Причиной может быть высказывание Леха Качинского о том, что ратификация Лиссабонского договора беспредметна. Эти слова вызвали бурю негодования в Польше и за границей». ***(«Дзенник», 17 июля)***

«Согласно последнему опросу ЦИМО, 52% поляков отрицательно оценивают деятельность правительства Туска, а 39% — положительно (...) Лучше, чем правительство, поляки оценивают самого премьера. Положительно о результатах работы Дональда Туска высказываются 53% опрошенных. Противоположного мнения придерживаются 35%». *(«Жечпосполита», 18 июля)*

Согласно опросу ЦИМО, «Гражданскую платформу» (ГП) поддерживают 52% поляков (что в случае выборов дало бы ей 277 мест в Сейме), ПиС — 27% (145 мест), Союз демократических левых сил (СДЛС) — 8% (26 мест), крестьянскую партию ПСЛ — 6% (10 мест), «Самооборону» — 3%, «Лигу польских семей» — 2%, другие партии — 2%. Избирательный барьер составляет 5%. ***(«Дзенник», 30 июля)***

«Стремление к личной выгоде вписано в нашу политическую систему. Из политики уходят люди непокорные, обладающие своим мнением и своими, независимыми от партий достижениями. Уходят те, для кого политика — это миссия и кто хочет претворять в жизнь ценности (истинные или нет), исповедуемые данной группой. Остаются «профи», рассматривающие политику как источник существования. Это нелегкий хлеб. Нужно обладать толстой кожей и мягким моральным хребтом. Польские политические партии устроены наподобие банд — или, чтобы никого не обидеть, феодальных княжеств. У князя есть дружина, у каждого из ее членов — вассалы, а у тех — собственные подданные. В эту структуру вступают ради выгоды: опеки со стороны феодала, уделов за счет государства, воеводства или гмины, которыми правит сюзерен (...) Политики следят за столбиками рейтингов и не делают того, что могло бы уменьшить поддержку избирателей. На практике это означает, что все важные дела откладываются на неопределенное будущее. Если бы политиков, нанесших стране ущерб из-за непринятия решений, отдавали под суд, для них пришлось бы построить отдельную тюрьму». *(Витольд Гадомский, «Газета выборча», 26-27 июля)*

Проф. Тадеуш Гадач, председатель Комитета философских наук ПАН: «Я не хочу обвинять в этом исключительно ПиС, но раньше ничего подобного не было. У меня такое впечатление, что два года их правления привели к деморализации сферы публичной дискуссии. Конечно, распри, «войны в верхах», споры случались и раньше, но все это не порождало таких серьезных трещин в межчеловеческих отношениях. И хотя при нынешнем правительстве атмосфера несколько изменилась, мне кажется, что Польша переживает очень трудный период своей истории (...) В Польше нет нейтральной дискуссии о государственных делах, об общем благе». ***(«Пшеглёнд», 6 июля)***

«6 июля генералу Войцеху Ярузельскому исполнилось 85 лет. Несколькими днями раньше апелляционный суд постановил возбудить [против него]

дело о введении военного положения (...) Господин генерал, сегодня Вы вступаете в 86-й год жизни. По этому случаю коллектив «Пшеглёнда» и его верные читатели от всего сердца желают Вам здоровья и долголетия». *(Павел Дыбич, «Пшеглёнд», 13 июля)*

«Продолжается интенсивное разрушение основополагающего мифа «Солидарности» и возникшей на развалинах ПНР свободной Польши. Сегодня по стенке размазывают не только коммуняку Ярузельского, но и оппозиционных инициаторов «круглого стола». Если бы в истории какого-нибудь другого народа был такой «круглый стол», то он стоял бы посередине самого большого музея, как пирамида, возвышающаяся во дворе Лувра. Ну а у нас продолжается разгром (...) Валенса? — «Болек» (...) Мазовецкий? — упустил шанс. Геремек? — злой гений «Солидарности». Михник? — предатель. Отцы-основатели, сущие исчадья ада, создали дьявола, которого нужно уничтожить. Разгром идет вовсю (...) Когда инициаторы «круглого стола» будут наконец уничтожены, а его зодчие будут сидеть в общей камере (...) их места займут истинные, незапятнанные герои и возлягут на широких удобных ложах в стиле Людовика XIV». *(Даниэль Пассент, «Политика», 5 июля)*

«На полках польских книжных магазинов появилась книга «ГБ и Лех Валенса. Дополнение к биографии», изданная Институтом национальной памяти (ИНП) и написанная его сотрудниками — Славомиром Ценцкевичем и Петром Гонтарчиком. Авторы утверждают, что в начале 70-х легендарный лидер «Солидарности» был сексотом под псевдонимом «Болек», доносил на своих товарищей по судоверфи и брал за это деньги, а в 90-е годы, уже будучи президентом, получил из Управления охраны государства документацию, касавшуюся его сотрудничества, после чего вернул ее лишь частично (...) Сам Валенса заявляет о намерении подать на авторов в суд». *(«Тыгодник повшехный», 29 июня)*

Марек Сафьян, бывший председатель Конституционного суда: «В споре о Валенсе эмоции достигли предела — ведь речь идет о главном. Вариант истории, представленный авторами книги «ГБ и Лех Валенса», — это по сути дела попытка лишить поляков их истории, самого впечатляющего рывка к свободе в Европе XX века (...) Это попытка написать историю заново, в агентурном варианте, в котором победа 10 миллионов человек, создавших «Солидарность», меркнет на фоне рассказа о гигантской манипуляции ГБ. Сторонники «агентурного варианта» никогда не примут к сведению того факта, что их описание новейшей истории не подтвердилось — его опровергает возникновение свободной демократической Польши. Сценарий, воплощающийся в жизнь на наших глазах уже 20 лет, — это лучшее, что произошло в Польше на протяжении нескольких последних веков». *(«Ньюсуик-Польша», 6 июля)*

«Краткое сообщение и фотография, сделанная в [краковском] аэропорту Балице: Славомир Мрожек с женой улетают в Варшаву, а оттуда во Францию. Их конечная цель — Ницца. «Я буду там жить. Буду смотреть на людей — они такие разноцветные. И уже не буду писать» (цитирую по памяти). Мрожек уезжает навсегда. Великий писатель покидает Краков, который он когда-то избрал местом возвращения из-за границы, покидает Польшу (...) Может, ему уже надоело все это (...) Может, это стало невыносимо?» *(Юзефа Хеннель, «Тыгодник повшехный», 15 июня)*

«На Олимпиаде в Китае не будет ни президента, ни премьер-министра — ни одного высокопоставленного представителя властей. В Пекине Польшу будет представлять только министр спорта. Политики заявляют, что после кровавой расправы китайских властей с тибетцами они не могут поехать на Олимпийские игры. Президент Лех Качинский даже забронировал себе гостиницу в Пекине, однако после того как китайский режим начал стрелять в тибетских монахов, отказался от поездки». *(«Дзенник», 6 августа)*

«За первый квартал нынешнего года польскую границу пересекло на 40% меньше российских и белорусских граждан и на 25% меньше украинских, чем за аналогичный период 2007 года (...) За первые четыре месяца 2008 г. польские консульства в Белоруссии выдали около 26,5 тыс. виз, а за тот же период прошлого года — почти 93 тысячи. Это означает уменьшение числа получивших их белорусов более чем на 70%. В украинских консульствах число выданных виз уменьшилось более чем в два раза (с 209 до 92 тыс.), в российских — почти в два раза (с 60-ти с лишним до 32 тысяч)». *(«Газета выборча», 9 июля)*

«Вчера усилия Польши по интеграции Украины в ЕС увенчались частичным успехом (...) Утвержден проект «Восточное партнерство» (...) В «Восточное партнерство» войдут Украина, Грузия, Армения, Азербайджан и Молдавия». *(«Дзенник», 21-22 июня)*

Гжегож Мотыка, специалист по истории польско-украинских отношений: «Такой этнической чистки, как волынская резня, не проводила ни одна партизанская армия. Это бросает серьезную тень на историю украинского партизанского движения (...) По самым достоверным данным, только на Волыни было убито от 40 до 60 тысяч поляков. Если говорить обо всех регионах, где украинцы уничтожали поляков, то число жертв увеличится до ста тысяч (...) В дискуссии, которая прокатилась по Польше и Украине, особенно ценно то, что эта тема перестала быть запретной». *(«Пшеглёнд», 27 июля)*

• **«63 года назад в результате облавы НКВД и Красной Армии в Сувальском регионе было арестовано и вывезено в неизвестном направлении более 600 человек. Траурная церемония в годовщину этого события пройдет в Августове в субботу в 16 часов». *(«Жечпосполита», 19 июля)***

Глеб Павловский: «Проблема Катыни не может быть решена с помощью юридических актов (...) С точки зрения советских законов, действовавших в момент совершения этого преступления, польские офицеры вообще не должны были погибнуть. Их казни не предшествовала никакая юридическая процедура, не было судебного приговора. Следовательно, Катынь была преступным политическим актом (...) Засекречивание документов, касающихся того периода, причем не только катынских, — это действительно большая проблема (...) Деятельность «Мемориала» в связи с этим вопросом следует оценить положительно, так как он постоянно напоминает, что проблема существует». *(«Жечпосполита», 11 июня)*

Председатель Совета Федерации Сергей Миронов после встречи с маршалом Сената Богданом Борусевичем: «Россия должна быть просто собой, т.е. великой державой (...) Сейчас, когда Россия вновь обретает силы, а наши бомбардировщики снова начали летать, все удивляются. Нечего удивляться — надо привыкать». *(«Газета выборча», 18 июня)*

Некролог: «С глубокой скорбью мы провожаем в последний путь Ольгерда Волынского, благородного человека, свидетеля своей эпохи, который, пройдя через лагеря и ссылку, привез с собой в Польшу столько добра, мудрости и поэзии. Все мы обязаны ему очень многим. Анна и Тадеуш Соболевские». *(«Газета выборча», 11 июля)*

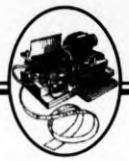
Некролог: ««Всё пройдет, как с белых яблонь дым». 9 июля умер Олесь Волынский, любивший русскую поэзию и хорошие детективы. Прощание состоится 17 июля в 14.30 в траурном зале на Повонзковском военном кладбище. Гося, Людмила, зять и внуки». *(«Газета выборча», 17 июля)*

«Группа евродепутатов, в числе которых были Бронислав Геремек, Януш Онышкевич и Юзеф Пинёр, выдвинула российскую организацию «Мемориал» на Нобелевскую премию мира. «На протяжении последних 20 лет это одна из самых активных и независимых неправительственных организаций России. Это единственная организация, сочетающая борьбу за историческую правду с борьбой за права человека и демократию сегодня», — написали евродепутаты в письме Нобелевскому комитету (...) ««Мемориал» становится совестью России, — говорит Пинёр (...) — Думаю, что у него есть шанс — хотя бы потому, что укрепляется международная позиция России»». *(«Газета выборча», 16 июня)*

«Начала работу польско-российская комиссия по трудным вопросам. Первая встреча прошла в очень дружественной атмосфере». *(«Тыгодник повшехный», 22 июня)*

«Проблемы на линии Варшава — Москва разрешимы, — уверяли приехавшие в Польшу российские ученые, члены польско-российской комиссии по трудным вопросам (...) «Нас сближает друг с другом то, что и Россия, и Польша ищут свое место в изменяющемся мире», — сказал профессор МГИМО Михаил Наринский. Его ректор Анатолий Торкунов — сопредседатель комиссии с российской стороны (...) С польской стороны комиссию возглавляет бывший министр иностранных дел проф. Адам Даниэль Ротфельд». *(«Жечпосполита», 13 июня)*

«На одно из заседаний комиссии приехал премьер-министр Дональд Туск (...) Оба сопредседателя были приняты президентом и министром иностранных дел (...) Диссонансом прозвучала статья в пятничном «Дзеннике», в которой было написано, что российская сторона хочет разговаривать об убийствах поляками советских военнопленных после польско-советской войны 1920 года и обвиняет Польшу в разжигании II Мировой войны (...) «Мне кажется, что статья в «Дзеннике» была провокацией тех, кто не хочет улучшения польско-российских отношений. Но у них ничего не получилось», — сказал проф. Ежи Помяновский (...) «Если бы не эта статья, мы продвинулись бы гораздо дальше», — сказал проф. Адам Даниэль Ротфельд». *(«Газета выборча», 14-15 июня)*



❙ «В субботу польско-российская группа по трудным вопросам (...) провела открытую конференцию в варшавском Доме встреч с историей (...) Во время конференции директор Центра «Карта» Збигнев Глюза передал российской стороне 25-томный список поляков, репрессированных в сталинские времена, составленный в значительной мере благодаря сотрудничеству ученых, институтов и неправительственных организаций обеих стран. «В ходе исследований мы уточнили, что жертвами сталинских репрессий стали 800 тысяч поляков, а не 2,5 миллиона, как сообщали послевоенные эмигрантские источники», — сказал Глюза (...) Двое российских членов группы — проф. Инесса Яжборовская и прокурор Александр Третецкий — получили от Федерации катынских семей медали за вклад в распространение правды о Катыни». *(«Газета выборча», 16 июня)*

❙ **«После публикации доклада Мацеревича о ликвидации Военной информационной службы польская разведка потеряла связь с несколькими агентами в России, на Украине, в Белоруссии, в Средней Азии и на Ближнем Востоке (...) Варшавская окружная прокуратура возбудила в связи с этим следствие».** ***(«Жечпосполита», 20 июня)***

❙ «Офицер афганской армии Машал Бадша поблагодарил поляков, благодаря которым он не будет калекой. В Афганистане ему грозила ампутация ноги (...) Его перевезли в Польшу. Лечение увенчалось успехом. Машал Бадша самостоятельно ходит и намерен вернуться на службу». *(«Дзенник», 9 июня)*

❙ **«Один польский военнослужащий погиб, а четверо получили ранения во время патрулирования афганской провинции Пактика. Подпоручик Роберт Марчевский — пятый польский военнослужащий, погибший за время миссии в Афганистане (...) До сих пор в Ираке и Афганистане погибло в общей сложности 32 польских военных».** ***(«Дзенник», 23 июня)***

❙ «Вчера поляки передали иракской армии контроль над провинцией Кадисия. Это конец самостоятельной роли наших солдат в Ираке. Теперь они могут участвовать в военных операциях только по просьбе иракских властей и под иракским командованием». *(«Газета выборча», 17 июля)*

❙ **«Новым генеральным прокурором Афганистана стал Башир Ахмад Фазли, получивший образование в Польше».** ***(«Газета выборча», 17 июля)***

❙ «Растет число полицейских, задержанных за коррупцию. В 2001 г. их было 118, а в 2007-м — уже 710. Полицейские берут не только ради наживы, но и просто потому, что не могут отказать». *(«Дзенник», 7 июля)*

❙ **«Вынесен вступивший в законную силу приговор по делу о смерти шахтеров в шахте «Вуек». Члены специального взвода милиции, которые 16 декабря 1981 г. расправились с бастовавшей шахтой, приговорены к лишению свободы: их командир — к 11 годам, в связи с амнистией замененных шестью, остальные — к 7 годам, замененным тремя с половиной».** ***(«Тыгодник повшехный», 6 июля)***

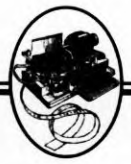
❙ Шевах Вейс, бывший посол Израиля в Польше: «Годовщина келецкого погрома (4 июля 1946 г.) должна напомнить нам о том, что это трагическое событие перечеркнуло хрупкую надежду, родившуюся после II Мировой войны, — надежду, что Катастрофа не повторится, а память о ней предотвратит погромы. Тем не менее 4 июля 1946 г. в Кельце начался первый после Катастрофы еврейский погром. Погибли 46 человек, а вместе с ними — призрачная надежда на «never again» (...) В течение следующего года из Польши уехало около 100 тыс. евреев». *(«Впрост», 13 июля)*

❙ **«Вчера в Варшаве впервые после II Мировой войны были вручены дипломы иешивы — высшего религиозного учебного заведения. Иешиву окончили десять будущих раввинов».** ***(«Дзенник», 30 июня)***

❙ ««Это необыкновенное переживание — стоять перед миквой. Это символ возрождения религиозной жизни в Лодзи», — говорил взволнованный раввин Бен Цион Вознер из Лондона. Миква — это иудейская ритуальная баня. Лодзинская миква открылась в среду. Это первая со времен II Мировой войны польская миква, построенная с нуля (...) В межвоенный период в Лодзи жило около 200 тыс. евреев. Действовали три большие миквы, принадлежавшие еврейской общине, и несколько частных». *(«Газета выборча», 27 июня)*

❙ **Катажина Халль, министр образования: «Цыганские классы, в которые детей зачисляли по принципу этнической принадлежности, будут ликвидированы до 2010 года. В этом году цыгане-первоклассники будут в обязательном порядке учиться вместе с поляками. В школе не может быть сегрегации».** ***(«Дзенник», 2-3 авг.)***

❙ «Он умер, спасая лосенка (...) В пятницу вечером лосенок упал в бассейн на территории Варшавского металлургического комбината (...) Неподалеку



бродила его мать (...) Около 23 ч. на место происшествия прибыл ветеринар Эугениуш Миклюш вместе с сыном Михалом, тоже ветеринаром (...) Он решил дать лосенку транквилизаторы (...) Лосенка вытащили на берег на веревках. Он все время находился под опекой ветеринара (...) Эугениуш Миклюш потерял сознание (...) Около 2 ч. ночи 79-летний Эугениуш Миклюш умер — вероятно, от инфаркта (...) Лосенок поднялся и медленно двинулся к лесу вслед за матерью». *(Янина Бликовская, «Жечпосполита», 16 июня)*

Некролог: «Генек, судьба уготовала тебе прекрасную смерть: ты успел спасти еще одну жизнь. Для нас ты всегда оставался примером и авторитетом. Ты навсегда останешься в наших сердцах. Быть может, теперь нам будет легче прощаться с нашими питомцами, так как мы знаем, что ты наверняка займешься ими на том свете. Товарищи по клинике «Мультивет»». *(«Газета выборча», 18 июня)*

«Вчера на берегу Вислы варшавские городские полицейские выпустили на свободу орлана-белохвоста. В сентябре прошлого года птица налетела на провода высоковольтной линии. Несколько месяцев она выздоравливала (...) Вчера начальник приюта для птиц при варшавском зоопарке Анджей Крушевич решил, что орлан может вернуться в свою естественную среду обитания». *(«Жечпосполита», 26 июня)*

«На здании Опольской городской управы телевидение повесило многометровый рекламный баннер, закрыв им гнезда стрижей. Птицы, находящиеся под строгой охраной, да еще в период гнездования, не могут вернуться в свои гнезда. Разрешение на баннер выдало министерство охраны окружающей среды (...) На стене находится более 20 гнезд стрижей. Во время монтажа баннера птицы, находившиеся в гнездах, были отрезаны от внешнего мира, а вылетевшие наружу не могли вернуться. С тех пор над зданием кружит полсотни птиц. Они ежесекундно пытаются попасть к птенцам, но ударяются о баннер и отскакивают от стены. «Это ужасно — смотреть, как птицы бьются об этот баннер», — говорит сотрудница городской управы». *(Изабела Жбиковская, «Газета выборча», 13 июня)*

«Баннер, рекламирующий фестиваль песни в Ополе, висел на здании городской управы два дня (...) Реклама исчезла вчера (...) Решение снять ее принял министр охраны окружающей среды после вмешательства «Газеты выборчей»». *(«Газета выборча», 13 июня)*

«Гидротехнические конструкции бобров стабилизируют уровень вод в небольших водотоках, а образующиеся благодаря их плотинам запруды увеличивают биологическую разнородность окружающей среды. Именно такой эффект наблюдается на 20 тыс. гектаров польских лесов. В тоже время в начале нашего века на 17 тыс. гектаров лесов повысился уровень грунтовых вод, а 10 тыс. гектаров было защищено от пожаров. Запруды ускоряют развитие растительности и привлекают целую массу животных (...) И все это благодаря бобрам». *(Томаш Клосовский, «Жечпосполита», 27 июня)*

Зенон Кручинский, автор книги «Краска означает кровь»: «Я не хотел быть плохим человеком и потому искал оправданий и серьезных причин, чтобы охотиться. Ведь когда просыпается тревога, приходится говорить себе и другим: об отсутствии хищников, регулировке численности популяции, зимнем подкармливании и контакте с красотами природы. Но это очень сомнительные аргументы, и я чувствовал внутреннюю тревогу (...) Столкновение с собственной жестокостью невыносимо (...) Наверное, все мы иногда оказываемся в обстоятельствах, когда удобнее не видеть, особенно когда новые знания могут угрожать жизненному порядку, в котором мы хорошо себя чувствуем (...) В Польше охотятся более 100 тыс. человек». *(«Дзенник», 28-29 июня)*

Проф. Богуслав Павловский, антрополог: «Среди млекопитающих мы единственный двуногий вид (...) Мы почти полностью подчинили себе окружающую среду. Это удалось нам даже слишком — настолько, что мы стали серьезной угрозой для нее самой». *(«Жечпосполита», 16 июня)*

Борис Пастернак

ТРАВА И КАМНИ

С действительностью иллюзию,
С растительностью гранит
Так сблизили Польша и Грузия,
Что это обеих роднит.

Как будто весной в Благовещенье
Им милости возвещены
Землей — в каждой каменной трещине,
Травой — из-под каждой стены.

И те обещанья подхвачены
Природой, трудами их рук,
Искусствами, всякою всячиной,
Развитьем ремесл и наук.

Побегами жизни и зелени,
Развалинами старины,
Землей в каждой мелкой расселине,
Травой из-под каждой стены.

Следами усердья и праздности,
Беседою, бьющей ключом,
Речами про разные разности,
Пустой болтовней ни о чем.

Пшеницей в полях выше сажени,
Сходящейся над головой,
Землей — в каждой каменной скважине,
Травой — в половице кривой.

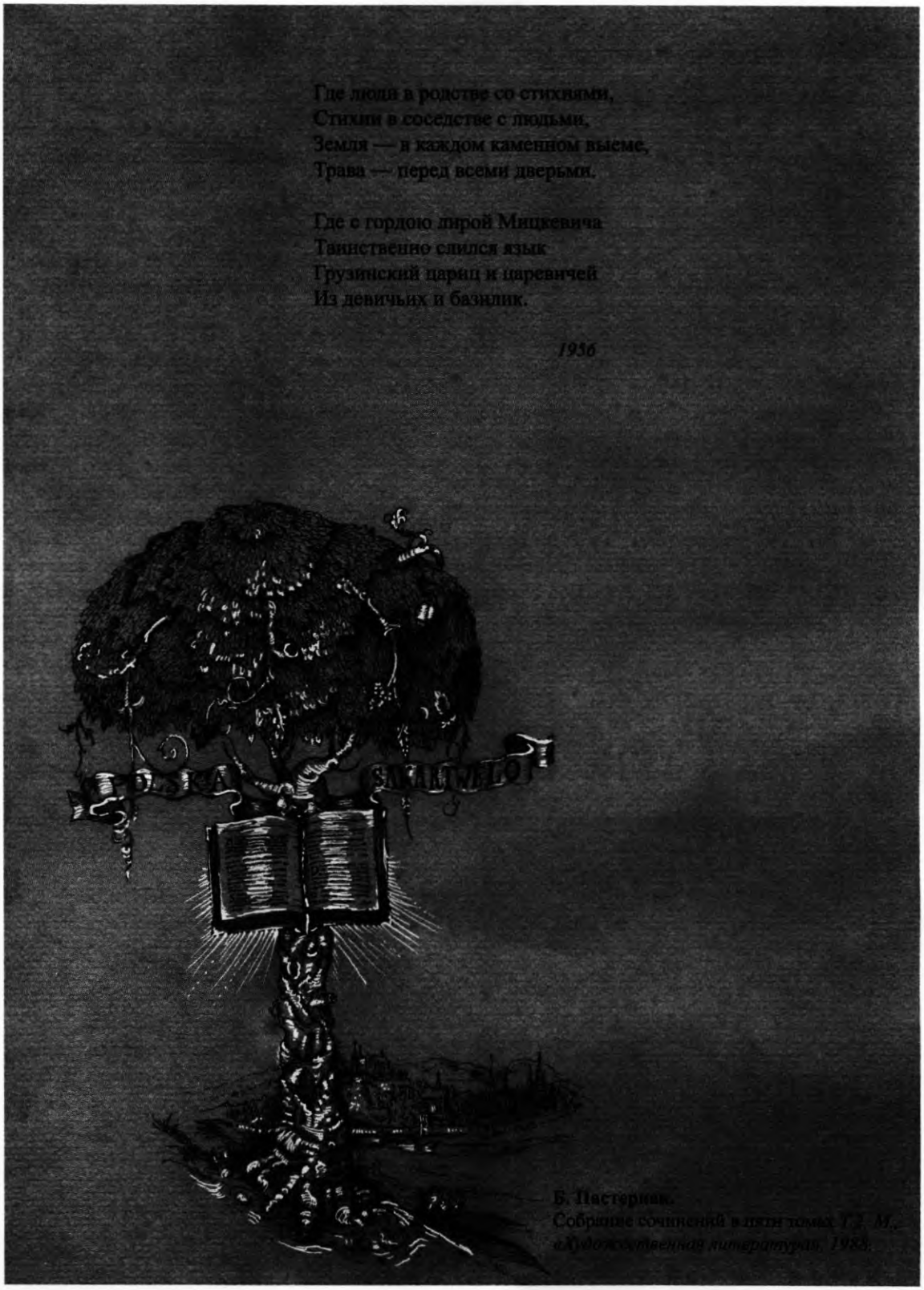
Душистой густой повиликою,
Столетьями, вверх по кусту,
Обвившей былое великое
И будущего красоту.

Сиренью, двойными оттенками
Лиловых и белых кистей,
Пестреющих между простенками
Осыпавшихся крепостей.

Где люди в родстве со стихиями,
Стихии в соседстве с людьми,
Земля — в каждом каменном выеме,
Трава — перед всеми дверьми.

Где с гордою лирой Мицкевича
Таинственно слился язык
Грузинский цариц и царевичей
Из девичьих и базилик.

1936



Б. Пастернак.
Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. М., «Художественная литература», 1983.

Виктор Кулерский

ОЛЬГЕРД ВОЛЫНСКИЙ

(1929-2008)

Ранними зимними сумерками я видел его в толпе других сотрудников, высыпáвших на улицу из открытых в это время дня ворот ведомственного Института электротехники на далекой окраине Варшавы. Случалось, что в руках он нес не портфель и не клеенчатую сумку для покупок, а кастрюлю — обыкновенную кухонную эмалированную, несколько оббитую кастрюлю на веревке, пропущенной через обе ручки и крышку. Он заходил в ближайший ларек, где продавались фрукты, овощи и молочные продукты. В тесном, запотевшем от дыхания помещении, где единственными источниками света были небольшое окошко при входе и тусклая лампочка, висевшая под низким потолком, он терпеливо выстаивал очередь, потом отвязывал свою кастрюлю, а когда та наполнялась квашеной капустой из большой дубовой бочки, привязывал ее снова и шел на электричку. Его невзрачная фигура человека, не придающего особого значения одежде, была очень характерной — от нее исходило какое-то неописуемое внутреннее спокойствие. Из-под открывавшей лоб ушанки внимательно смотрели слегка поблекшие серо-голубые глаза — внимательные, но в то же время, казалось, задумчивые, словно отсутствовавшие, остававшиеся в какой-то иной, недоступной для собеседника действительности. Казалось, что он пришелец издалека, из какого-то далекого, не вполне понятного мира.

Он был талантливым ученым. В 1964 г., окончив электротехнический факультет Варшавского политехнического института, он поступил на работу в Институт электротехники. Там его регулярно, почти каждый год повышали, пока в 1976 г. он не получил степень доктора технических наук за диссертацию под ничего не говорящим дилетанту названием «Влияние коммутационных процессов на работу двигателя постоянного тока с тиристорным коммутатором». Специальность и научную область он выбрал, руководствуясь соображениями, которые сегодня, быть может, трудно понять: «В лагере или ссылке электрика уважают. Он работает в тепле, вокруг него все бегают», — упомянул он в беседе с Эвой Бербериуш.

В институте со штатом 1300 человек он был одним из семи сотрудников, которые в 1977 г. отважились подписать открытое письмо в поддержку Комитета защиты рабочих (КОР). После введения военного положения 13 декабря 1981 г. он почти полностью посвятил себя распространению нелегальщины. Публикации независимого издательства НОВА и подпольный «Тыгодник Мазовше», а затем и другие оппозиционные издания проходили через его руки в таких количествах, что он заплатил за это своим здоровьем. В конце концов его выгнали с работы за участие в местной манифестации «Солидарности», которая, впрочем, по всем признакам была намеренной провокацией. «Договор расторгнут 31 января 1983 г. по инициативе ИЭ в связи с реорганизацией института», — лицемерно написано в его личном деле.

Побыв некоторое время безработным, он пошел рабочим на стройку, а спустя некоторое время в дополнение к этому стал водителем. Приблизительно через полтора года ему удалось устроиться в Институт физики Варшавского университета на должность... лаборанта. На этой должности он и проработал без малого десять лет. Лаборантом с докторской степенью он оставался на протяжении всего последнего периода своей профессиональной активности — с 1984 по 1993 год.

Мало кто знал о его молодости. Он не хотел об этом говорить: «Какого хрена? Если вернется сталинизм (что, по-моему, вовсе не исключено), зачем им знать всё обо мне, о моей семье? В России старые зэки говорили: «Они знают ровно столько, сколько мы им скажем». А потом, разве моя жизнь того стоит?» Запись беседы, к которой удалось склонить его Эве Бербериуш, была опубликована отдельной книгой в Лондоне лишь в 1988 году.

Он родился в Москве в 1929 г., а уже в 1938-м вместе со своей сестрой попал в детдом в Ульяновске. Его младшего брата отдали в ясли. Обоих его родителей расстреляли — Итту Волынскую (изначально Хорович), сотрудницу секретариата Генриха Ягоды, и Яна Любенецкого (псевдоним Игнаций Рыльский), деятеля Коминтерна. Самого Ольгерда тоже арестовали, хотя только в 1943 г., когда ему было 13 лет: «Я писал листовки: «Долой Сталина! Да здравствует Ворошилов!» Мне казалось, что у Ворошилова такое доброе лицо. А Сталина я ненавидел, потому что он отнял у меня родителей (...) Я писал это в тетради. Ночью через окно я выскальзывал в город. Клея у меня не было, поэтому я приклеивал свои листовки хлебом. Я развешивал их на заборах, на воротах — в Ульяновске были деревянные заборы. Я очень хорошо помню свое главное достижение: мне удалось приклеить несколько листовок на ворота НКВД (...) Меня арестовали спустя полгода. Я хорошо помню — 18 августа 1943 года». Потом были всё новые тюрьмы: Симбирск, Лубянка, Бутырка и пять лет лагеря под Архангельском, а в 1948 г. — пожизненная ссылка в Новосибирскую область. Однако в 1954 г. ссылка закончилась освобождением и выездом в Минск, а там — поступлением в электромеханический техникум: ведь «в лагере или ссылке электрика уважают...»

В этот период его фамилия фигурировала в списке детей польских коммунистов, расстрелянных НКВД, — детей, которые остались в СССР и которых разыскивало польское посольство. Таким образом в 1958 г. в возрасте 29 лет он попал в Польшу. В конце беседы, записанной Эвой Бербериуш, он сказал: «В 54-м году, по дороге из ссылки, я побывал в Москве у Клары Вольской — впервые уже будучи взрослым человеком. И я помню, как она была немного зла на меня за то, что Москва не произвела на меня впечатления. За все эти годы во мне что-то умерло. Сестра Берты Григорьевны Анна Григорьевна взяла меня с собой на какой-то концерт в консерваторию. Там были дамы в роскошных платьях, весь этот московский бомонд, меха, туалеты, Большой театр. И я помню, что она смотрела на меня с некоторой неприязнью, потому что я всем этим не восхищался. Для меня это не было потрясением — во мне что-то умерло. Варшава была продолжением Минска — для меня было несомненно, что я нахожусь в стране с тем же самым режимом».

Стихотворением, которое в ссылке Ольгерд носил под рубашкой как талисман, а ночью клал под подушку, был «Жираф» Николая Гумилева. Он читал его наизусть:

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

(...)

Я знаю веселые сказки таинственных стран
Про черную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжелый туман,
Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.

И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немыслимых трав...
Ты плачешь? Послушай... далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Цитаты и сведения, касающиеся пребывания Ольгерда Волынского в СССР, почерпнуты из книги: Ольгерд Волынский. Голос из ГУЛАГа. Беседа с Эвой Бербериуш. Лондон, «Пульс», 1988. За сведения, касающиеся пребывания в Польше, приношу благодарность Малгожате Волынской, а также Эве и Малгожате Финтовским. За консультацию и помощь в уточнении подробностей благодарю Станислава Климека и Тадеуша Овчарского.

Гжегож Пшебинда

В РОССИИ ПОСЛЕ «ПОЛЬСКОГО ПАПЫ»

В апреле 2008 г. истекло три года со дня кончины Иоанна Павла II — Папы Римского из Польши, но при этом друга многих русских, украинцев и белорусов. Три года — это немало. Изменилось ли за это время что-нибудь к лучшему в официальных контактах Ватикана с Московским Патриархатом и, шире, в отношениях католической Европы с православной Россией? К сожалению, не так много, ибо некоторые старые препятствия и сегодня продолжают играть свою бесславную роль.

Два барьера

Православная Церковь в Российской Федерации с 1991 г. не устает повторять, что существуют два препятствия, делающие невозможным какой бы то ни было диалог с католиками. Первое из них — «экспансия» украинских греко-католиков не только на Львовской земле (заповеднике униатов с XVIII века), но и на традиционно православной Киевщине, не говоря уже о приписываемом униатам «марше на восток», в Россию. Второе препятствие, которое она подчеркивает столь же резко: «прозелитизм» римо-католиков на территории самой Российской Федерации. Речь идет о том, что католики якобы стремятся перетянуть к себе массу православных, прежде всего детей, уже крещеных в православие.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II (Ридигер) повторяет это обвинение чуть ли не на каждом шагу, в последний раз — в Польше 18 февраля 2008 г. (в интервью Анджею Таляге для газеты «Дзенник»):

«У нас множество вопросов, связанных с миссионерской и благотворительной деятельностью католических священников и монахов, служащих в России и других странах СНГ. Нередко их деятельность, особенно в отношении детей, крещеных в православной Церкви, воспринимается нашими верующими как прозелитизм, то есть перетягивание из православия в католичество. В своей первой энциклике «Бог есть любовь» Папа римский Бенедикт XVI ясно сказал, что благотворительная деятельность католиков не должна сопровождаться прозелитизмом. Мы хотим верить, что слова его святейшества станут путеводными для католических священников, монахов и мирян».

Ради справедливости добавим: Патриарх проглядел то, о чем особенно в Польше следует помнить. Первым Папой, который выступил против такого «миссионерства» был Иоанн Павел II. Он сделал это в важнейшем для диалога с православными апостольском послании «Orientale lumen» («Свет с Востока», 1995). Там он предписал ликвидировать «определенные моменты напряженности между Церковью Рима и некоторыми Церквями Востока (...) затрудняющие совместный путь к единству в духе взаимного уважения». Папа запретил использовать в католическом служении на территории былых коммунистических государств материальное превосходство на бедными православными общинами: «Горе нам, если обеспеченность одного станет другому причиной унижения либо бесполезного и огорчительного соперничества».

Было ли это укоризненное слово Иоанна Павла II — совершенно очевидно направленное и против «обращения» православных в России, — надлежащим образом понято действовавшими там католическими иерархами и рядовыми священниками? Пожалуй, не повсеместно, раз Бенедикт XVI счел необходимым вернуться к этой теме в своей первой энциклике. Хорошо все-таки, что на усилия главы Ватикана наконец обратил внимание сам Алексий II, и настолько, что открыто признал это в Польше, но еще лучше было бы, если бы он защищал это примирительное мнение от православных фундаменталистов у себя дома, в Российской Федерации.

Но фактом остается и то, что к католичеству там иногда льнут взрослые люди, весьма, кстати, упорные в своих устремлениях, заслуживающие нашей поддержки и сочувствия. Случалось, в католичество переходили еще в царские времена, до 1905 г., когда переход из православия в любую другую религию или вероисповедание был уголовным преступлением и мог повлечь за собой тюрьму.

Неудачные решения

Однако в вопросе «прозелитизма» есть куда более крепкий орешек — существование четырех католических диоцезов (епархий), учрежденных Папой Иоанном Павлом II в Российской Федерации. Первая из этих структур, самая важная, — московский архидиоцез Матери Божией, получивший ранг митрополии, которой подчинены остальные три диоцеза — св. Климента в Саратове, Преображения Господня в Новосибирске и св. Иосифа Обручника в Иркутске. Патриарх Алексий так оценил это в вышеупомянутом интервью: «Я хотел бы сказать, что и в 2002 г., и сейчас существование целых четырех католических епархий, число верующих в которых весьма невелико, вызывает недоумение. За прошедшие годы наша позиция по этому вопросу не изменилась. (...) Речь идет о необходимости соблюдать традиционный принцип уважения к поместной Церкви и не создавать параллельную ей юрисдикцию — а это сделано не по-братски».

Сегодня можно получить и оптимистические сигналы: «Момент встречи Патриарха и Папы приближается». Эти слова взяты из заявления государственного секретаря Ватикана Тарчизио Бертоне от 9 марта 2008 года. Если весной A.D. 2008 так открыто говорится о возможностях приезда в Россию нового Папы Бенедикта XVI, то не утратил ли свою остроту конфликт по вопросу о католических диоцезах? Там ведь живут люди — епископы, священники и миряне. Нелегкое православно-католическое взаимопонимание нужно строить вокруг них. Пожалуй, так оно и происходит, хотя митрополит Кирилл (Гундяев), второе лицо в Московском Патриархате, ответственный за зарубежные связи, в начале декабря 2007 г. констатировал, что РПЦ никогда не смирится с существованием католических епархий в России. Он логично потребовал вернуться к положению до февраля 2002 г., т.е. к понижению статуса диоцезов до прежнего — апостольских администратур. Жертвой этого экуменического оживления еще в сентябре 2007 г. пал архиепископ Тадеуш Кондрусевич, в 2002 г. один из авторов замысла и защитников воздвижения диоцезов. Когда Бенедикт XVI отозвал его с места главы архидиоцеза Матери Божией в Москве, газета «Коммерсант» оценила это, не слишком ошибаясь, как результат смягчения споров между Москвой и Ватиканом. Кондрусевич, по мнению влиятельной газеты, воплощал правление предыдущего Папы Иоанна Павла II, при котором отношения между двумя Церквями были не блестящими.

Брестская уния и ее последствия

А ведь ни один Папа до Иоанна Павла II не проявил такого глубокого понимания православных братьев в России. Однако миссия Кароля Войтылы натолкнулась на сопротивление с обеих сторон. Одна фракция, католическая, чересчур желала помочь Папе во «взятии Кремля» — другая, православная, устанавливала засеки, чтобы он туда не въехал. Между тем Папа вовсе не собирался «брать Кремль». Но, желая установить хорошие отношения с православной Россией, он с самого начала понтификата героически защищал Украинскую Греко-Католическую Церковь. А деятельность этой Церкви после 1989 г. — притом не только на Украине — многие православные, в том числе и Патриарх Алексий, считают главным барьером в диалоге Москвы с Римом.

Алексий II подробно говорит об этом в вышеназванном интервью: «Под конец 80-х и в начале 90-х годов, когда Украинская Греко-Католическая Церковь вышла из подполья, Московский Патриархат был готов к справедливому разделу зданий и храмов между православными и греко-католиками. (...) Однако работу комиссии скоро пришлось прервать, так как греко-католики ушли из нее в одностороннем порядке. Уступая требованиям радикальных националистов, они начали силой захватывать церкви. В результате широкомасштабной кампании ненависти, жестокостей, избиений и угроз у канонической православной Церкви отняли практически всё. (...) Мы понимаем страдания греко-католиков, которых временами преследовали безбожные власти, и прежде всего потому, что

нас самих в те времена преследовали. (...) Положение ухудшает экспансия униатов не только на юг и восток Украины, которых уния никогда не охватывала, но и на Россию, Белоруссию и Казахстан. Эти вопросы требуют как можно более скорого решения, ибо от этого будет зависеть дальнейшая судьба отношений между РПЦ и римско-католической Церковью».

Это высказывание Патриарха точно передает всё, что думают в России православные об униатском вопросе. РПЦ, о чем Патриарх здесь уже не говорит, после 1989 г. была решительно против легализации греко-католических структур на Украине. Но и то правда, что на Западной Украине: в Львовской, Тернопольской, Ивано-Франковской областях и в Закарпатье — на рубеже 80-90-х случались огорчительные акты реванша униатов по отношению к православным. Они отбирали православные храмы, мотивируя это желанием восстановить положение, существовавшее до 1946 года. Хотя с точки зрения исторической справедливости эти акты, может быть, и можно понять, но с христианской точки зрения они выглядели совершенно языческими. Несмотря на то, что ни Папа родом из Польши, ни Ватикан, естественно, не имели ничего общего с подобными «народными» действиями, Москва, тем не менее, усматривала виновных в Риме и его польском епископе.

Патриарх говорит, что понимает «страдания греко-католиков, которых временами преследовали безбожные власти», понимает, потому что самих православных «в те времена преследовали». Но это уже полная фальсификация истории! Во-первых, греко-католиков преследовали (сажали в лагеря, зачастую расстреливали) вовсе не «временами». А «официальные православные» — разумеется, не те, кого действительно преследовали, — к сожалению, внесли значительный вклад в эти репрессии. Напомним хотя бы бесславный Львовский синод 1946 г., где официальная Церковь, поддерживаемая Сталиным, аннексировала греко-католиков, как раз тогда захватив все их достояние. Прибавим, что нынешний Патриарх не принадлежал ни к той, ни к другой группе: не был ни преследуемым, ни преследователем. Однако в советский период ему, православному, жилось вовсе не плохо, и никто не слышал, чтобы он тогда выступал в защиту гонимых православных в СССР. Что же касается Иоанна Павла II, то он в 1978-1989 гг. не только защищал украинских греко-католиков, но и выступал в защиту гонимых православных, не говоря уже о советских правозащитниках (например об Андрее Сахарове, который позднее, в феврале 1988 г. побывал у Папы в Ватикане).

В августе 2005 г. Украинская Греко-Католическая Церковь официально перенесла свою митрополию из Львова в Киев, а кардинал Любомир Гузар, глава униатов, принял титул «великого архиепископа Киевского и Галицкого». Эти административные шаги вновь вызвали громкие протесты православной Москвы, промосковских православных на Украине и — last but not least — группы киевских антиевропейских политиков, которые усмотрели тут заговор Польши и Запада. Патриарх Алексий II вновь твердил об экспансии католиков на каноническую территорию православия, а митрополит Владимир (Слободан), глава УПЦ Московского Патриархата, направил Бенедикту XVI открытое письмо с призывом аннулировать решение греко-католиков. Сложившееся положение смягчил тот факт, что в сентябре 2005 г. кардинал Вальтер Каспер, председатель Папского совета по единству христиан, заявил в Москве, что Ватикан не поддержит создания греко-католических структур в самой России. А на Украине пусть остаются.

Церковь — хранитель Советского Союза?

Юрисдикция РПЦ распространяется на православных в России, на Украине, в Белоруссии, Литве, Латвии, Эстонии, Казахстане, Киргизии, Туркмении, Узбекистане, Азербайджане и Молдавии. Это почти весь постсоветский мир, за исключением Армении и Грузии, обладающих своими древними Церквями. Это пространство бывшего СССР Церковь называет своей «канонической территорией», то есть рассматривает себя как религиозного хранителя этого пространства. Главным образом поэтому она не соглашается на автокефалию Церквей на Украине и в Белоруссии. Дела должны обстоять так, как было при царе и при советской власти, и баста — об этом косвенно свидетельствуют следующие слова Алексия II: «Мы всегда относились к святой памяти Папы Иоанна Павла II с уважением. Даже в самые трудные периоды отношений между Церквями мы не прерывали диалога полностью. (...) [Однако] мы всегда считали, что приезд Иоанна Павла II может состояться только тогда, когда удаст-

ся найти такое решение проблем между нашими Церквями, которое одобрят обе стороны. К сожалению, до сих пор нам это не удалось. (...) Как мы могли взаимно приветствовать друг друга, одарять поцелуем любви, если любви не было в отношениях между людьми? Притом не мы ухудшили эти отношения — прошу заметить, что с 60-х по 80-е годы они были почти идеальными»

Отметим, что эти «идеальные отношения» после 1960 г. вытекали главным образом из того, что Ватикан при Иоанне XXIII и Павле VI молча признавал «небытие» униатской Церкви и вел «экуменический диалог», но не с православными в СССР, а с Церковью — советским учреждением. В те времена Патриарх Пимен (Извеков) произносил пламенные проповеди (например на 50-летие большевистского переворота в 1967 г.) о братстве коммунистов и православных в их шествии к гуманизму. Сегодня коммунизма, к счастью, нет, зато существуют — главным образом благодаря своему героизму, но еще и твердой поддержке Иоанна Павла II — украинские униаты. И надо надеяться, что наследие польского Папы как в русских, так и в украинских вопросах не пропадет впустую.

Хорошо было бы, если бы Бенедикт XVI, с одной стороны, сумел наконец договориться с Москвой, но с другой — так же успешно, как некогда его предшественник, поддерживал униатскую Церковь на Украине, особенно теперь, ввиду европейских устремлений этой страны. А в религиозной сфере это отнюдь не означает, как злорадно вещают промосковские богословы, поддержку «униатства», т.е. перетягивания православных под крыло Папы Римского. Это уже давно кончилось, но Украинская Греко-Католическая Церковь жива уже свыше 400 лет — и это факт неопровержимый.

Лучше немец, чем поляк?

Глядя объективно, улучшение отношений между Московским Патриархатом и Ватиканом (не забудем, что это лишь один участок запутанных православно-католических вопросов в Европе) не должно решающим образом зависеть от национальности Папы. Однако то, что Иоанн Павел II — поляк, в последние годы его понтификата изображали как главную помеху в экуменическом диалоге. Чуть ли не на следующий день после смерти Папы начались разговоры о том, что его наследник — немец на престоле Петровом — сможет гораздо лучше договориться с Москвой. В мае 2006 г. «Известия», объявляя о предстоящей аудиенции митрополита Кирилла у Бенедикта XVI, озаглавили свою статью «Диалог между Церквями начат». В статье сначала идет описание конфликтов между РПЦ и католичеством за время понтификата Иоанна Павла II, а сразу после наступает констатация того, что новый «немецкий Папа» будет куда успешнее, чем его предшественник, способствовать диалогу между Римом и Москвой. А известный итальянский публицист Серджио Романо написал на страницах «Корьере делла сера», что Иоанн Павел II испортил отношения с православием и Россией, а Бенедикту XVI придется все после него поправлять.

Свидетельствуют ли такие высказывания о том, что миссия Иоанна Павла II не была понята? Видно же невооруженным глазом, что «православные труды» Иоанна Павла II — Папы, который никогда не подчинялся «исторической необходимости», а героически творил историю, — не могли быть полностью завершены за время его понтификата, и его наследник должен упорно их продолжать. Как говорит Иоанн Богослов: «один сеет, а другой жнет» (Ин 4, 37). Обещаемая больше года встреча Папы и Патриарха наверняка состоится на нейтральной почве, но не в Вене (как это уже безрезультатно планировали в 1997 г. при Иоанне Павле II), а скорее на Кипре... А уж потом — даже в Риме или Москве? Если бы эта встреча состоялась в столице России, это оказалось бы воистину историческим парадоксом. Туда не добрался величайший путешественник в истории папства, а возможность там оказаться — без особых усилий — получит Папа, ведущий скорее «оседлый» образ жизни.

И все-таки всё это будет делаться, не станем терять надежду, на благо экуменизма в «Европе от Атлантики до Урала» (по выражению Де Голля). Или еще отважней — как сформулировал Иоанн Павел II: в «Европе от Лиссабона и до Владивостока», т.е. повсюду, где Евангелие встречается с культурой.

Александр Гогун

ПОЛЕ БОЯ — ГЕРМАНИЯ. И НЕ ТОЛЬКО

Новая работа польско-германского историка Богдана Мусяла «Поле боя — Германия. Сталинские военные планы против Запада» внесла очередной вклад в дискуссию о роли СССР на начальном этапе II Мировой войны. На основании многих ранее секретных документов из московских архивов описывается планомерная подготовка Советского Союза к захвату Европы.

В книге приводятся протоколы совещаний Политбюро, ЦК ВКП(б) и высших военных инстанций: планы и обсуждения того, как разжигать пожар в Европе, как готовиться к «Великому освободительному походу на Запад», на кого нападать в первую очередь, на кого — во вторую. В любом случае, и для фанатичных большевиков-германофилов ленинской генерации, и для циничных реалистов-сталинцев главной целью всегда оставалась Германия — самая населенная и индустриально развитая страна Европы. Ее захват должен был обеспечить коммунистам стратегическое превосходство на континенте и дорогу к дальнейшим безграничным завоеваниям.

Но на пути к Германии, которую то и дело сотрясали то лево-, то праворадикальные выступления, лежала Польша, с которой в 1920 г. разразилась война. После поражения на Висле, которое, как показывают приведенные в книге подлинные высказывания вождей Советской России, большевики восприняли как страшную катастрофу, была предпринята передышка, сопровождавшаяся попытками содействовать восстаниям в Эстонии, Болгарии, Германии и Китае в 1920-х. Причем в 1923 г. при подготовке «германской революции», отмененной в последний момент, большевистское руководство всерьез обсуждало вопрос о совместном с немцами нападении на Польшу. В целом все мятежи провалились, и товарищ Сталин сделал ставку на военную экспансию, к которой соответствующим образом следовало подготовиться.

Перед читателем предстает грандиозная картина напряжения всех сил страны для создания самого большого в мире военно-промышленного комплекса. Фактически, уже в конце 1920-х, то есть с началом 1-го пятилетнего плана в СССР началась тотальная мобилизация. К слову, таковая же была объявлена в Германии только в начале 1943 года.

Террор против национальных меньшинств, в том числе поляков, начатый в СССР в 1930 г., объясняется в книге также подготовкой к войне против западных соседей. «Зачистка тыла от ненадежных элементов» в преддверии грядущей схватки стоила жизни четверти миллиона человек, и это не считая депортированных.

Как и НКВД, советские военные штабы в 1920-1930-е гг. тоже не сидели сложа руки, а разрабатывали планы будущей войны. В частности, один из ведущих военных теоретиков РККА Михаил Тухачевский настаивал на необходимости активного и массированного применения химического оружия. Тем более что он лично обладал опытом его боевого применения против крестьян Тамбовской губернии в 1921 году. Предложения по производству химического оружия были приняты, хотя в будущем оно и не использовалось.

В создание и оснащение армии были закачаны огромные средства. Однако уровень подготовки личного состава, да и техническое состояние вооруженных сил оставляли желать лучшего. Например, в 1930-е годы в советских ВВС только в ходе аварий погибло около тысячи пилотов и других членов экипажей самолетов. В среднем в мирное время один человек разбивался насмерть раз в три дня. Много лет подряд.

Тем не менее советское руководство упорно строило планы по захвату соседних стран. О генеральной, стратегической линии Сталина свидетельствует его письмо своему на тот момент самому близкому функционеру — Лазарю Кагановичу от 2 сентября 1935 г.: «Старой антанты нет уже больше. Вместо нее складываются две антанты: антанта Италии и Франции, с одной стороны, и антанта Англии и Германии, с другой. Чем сильнее будет драка между ними, тем лучше для СССР. Мы можем продавать хлеб и тем и другим, чтобы они могли драться. Нам выгодно, чтобы драка у них была как можно более длительной...»

Похожие настроения господствовали и в среде военных. Приближенный Сталина Семен Буденный направил своему коллеге Климу Ворошилову записку, к сожалению, не датированную, но, судя по сопутствующим документам, вероятно, в 1935 г.: «Что же это делается на белом свете? Три года тому назад говорили, что нам нужно два-три года, тогда мы сами нападем, а теперь просим пять лет...»

В 1935-1941 гг. советская страна прилагала определенные усилия для усиления готовности к войне и наступательные настроения витали в воздухе. Член политбюро Андрей Жданов на заседании Главного военного совета Красной Армии 4 июня 1941 г. заявил: «Мы стали сильнее, можем ставить более активные задачи. Войны с Польшей и Финляндией не были войнами оборонительными. Мы уже встали на путь наступательной политики... Между миром и войной — один шаг... Политика наступления была у нас и раньше. Эта политика была определена Лениным. Теперь мы лишь лозунг меняем. Мы приступили к реализации ленинского тезиса».

В книге присутствуют и спорные моменты.

Из работы мы узнаём об экономических сложностях во времена НЭПа, о госмонополии на водку, о проведении коллективизации и о многих подробностях проведения репрессий, что не имеет прямого отношения к теме исследования. Однако в главе «Польша — экспериментальное поле революционной борьбы» даже не упоминается о деятельности советских диверсионно-террористических групп в Западной Украине и Западной Белоруссии (Восточной Польше) в 1921-1925 гг.

Приход Гитлера к власти, чему попустительствовал Коминтерн, Мусял расценивает как ошибку Сталина. Однако если целью Сталина, как указывает сам автор, было ввергнуть Европу в войну, чтобы потом ее большевизировать, то лучшей кандидатуры, чем Гитлер, на роль агрессора и всеобщего пугала просто не было. Выглядит ли тогда приход к власти Гитлера просчетом коммунистов?

Описывая гигантскую советскую подготовку к войне в 1941 г., без преувеличения агрессивный психоз, охвативший партийный аппарат и Красную Армию в мае-июне 1941-го, Мусял делает вывод, что на лето 1941 г. советское нападение не планировалось, а намечалось либо на 1942, либо вообще на 1943 год. Якобы Сталин стремился подождать падения Англии и остаться с Гитлером «с глазу на глаз». Однако в книге приводятся три факта, указывающие на то, что Рубикон войны был перейден в СССР уже в конце 1940 года. В феврале 1941 г. была начата подготовка к обучению в «партийной спецшколе» сотен человек из балканских стран, Чехословакии и Германии с образовательным акцентом на то, «как можно бить врага в собственной стране». Еще осенью 1940 г. начались предварительные мероприятия по созданию в РККА польского легиона, а 4 июня 1941 г. политбюро приняло постановление о преобразовании в течение месяца 238-й стрелковой дивизии в польскую. 5 мая 1941 г. в Кремле перед выпускниками военных училищ Сталин разразился эмоциональной речью, заявляя, что Германия развязала войну, стремится к гегемонии, угнетает захваченные народы Европы, которые начинают восставать против нее, а также подчеркнул мощь Красной Армии. В тот же день на банкете для высшего военного и политического руководства подвыпивший вождь высказался еще более воинственно: «Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная». Эти три действия высшего политического руководства СССР затронули многие тысячи людей. Представим себя на секунду на месте шефа Абвера адмирала Канариса, получившего разведдонесение хотя бы об одном из этих событий. Какой вывод он должен был сделать для себя и что мог доложить Гитлеру о процессах в СССР после получения таких сведений? В Кремле не могли не понимать, что после таких шагов тянуть с агрессией против Германии даже полгода уже невозможно, иначе последуют упреждающие меры.

И это только факты из рецензируемой книги, которые свидетельствуют о намерении напасть на Германию летом 1941 года. За пределами работы таких опубликованных документальных сведений осталось гораздо больше.

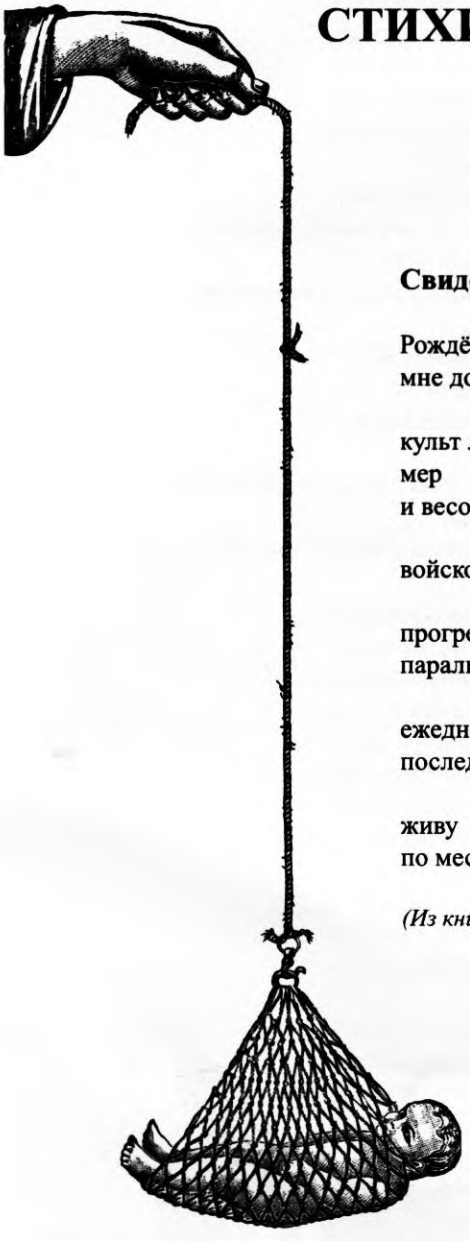
В Красной Армии Мусял отмечает массу недостатков — в подготовке кадров, в обеспечении продовольствием и одеждой, управлении войсками, логистикой, «морально-политическом» состоянии. Всё это, несомненно, было, но иногда складывается впечатление, что эти объективные сложности автор абсолютизирует. Общая категоричная оценка состояния советских вооруженных сил не выглядит корректной: «В 1941 году Красная Армия к войне с таким сильным противником, как тогдашняя Германия, ни в коем случае не была подготовлена». Неподготовленная армия войну проигрывает. Сталин же вышел победителям и захватил пол-Европы, причем вопреки совершенно неожиданному оборонительному характеру начавшейся схватки.

Bogdan Musial. Kampfplatz Deutschland. Stalins Kriegspläne gegen den Westen. Berlin: Propyläen, 2008. 584 S.

Рышард Криницкий

Перевод
Андрея Базилевского

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ



Свидетельство о рождении

Рождённому в товарняке
мне досталось место смерти

культ личности
мер
и весов

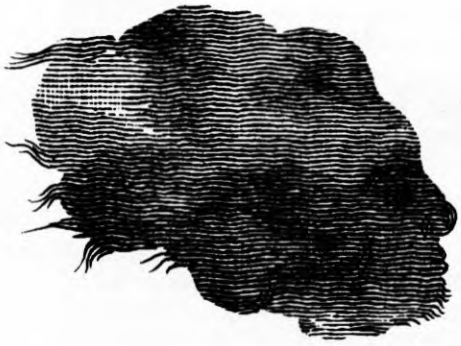
войсковых частей

прогрессивный паралич
парализующий прогресс

ежедневно слушаю
последние известия

живу
по месту смерти

(Из книги «Свидетельство о рождении», 1969)



Белое Облако

то ли соединяет, то ли, соединяя, — делит:
между нами
обоюдоострый взгляд Белого
Облака

то,
что было прежде
только длящимся прошлым,
запечатлевает в том, что ещё возникнет

то, что есть, — превращает в неведомое

наша любовь сбывается,
пока ты в сомнении, —
безымянная и бесплотная

она то ли делит, то ли, деля, — соединяет,
запечатлевает нас
и два тела, далёкие и близкие, как губы

связует в своей летучей плоти

(Из книги «Общий организм», 1975)

Живая поэзия

Генрику Ванеку

Поэзия —
как перелитая кровь для работы сердца:
доноры давно погибли
в катастрофах, а кровь их живёт —
замыкает родством чужие круги кровообращения

и оживляет чужие губы.

(Из книги «Общий организм»)

Тебе уже не вылечиться от ненависти

Несчастная газетка, тебе уже не вылечиться от ненависти,
не лучше ли было тебе стать собакой,
ведь пёс, хоть и служит,
а всё-таки умеет сам лечить свои раны,
а ещё лучше — лисицей, которая даже ценой увечья
вырывается из капкана;

но ты, даже если ты лис или пёс,
предпочитаешь забытьё, спячку, прогрессивный паралич,
тебе нравится с пеной у рта добивать жертв,
заражать бешенством,
пресмыкаться перед карателями

и в одиночестве зализывать
незаживающую рану правды,
пряча её глубоко-глубоко,

как постыдную болезнь.

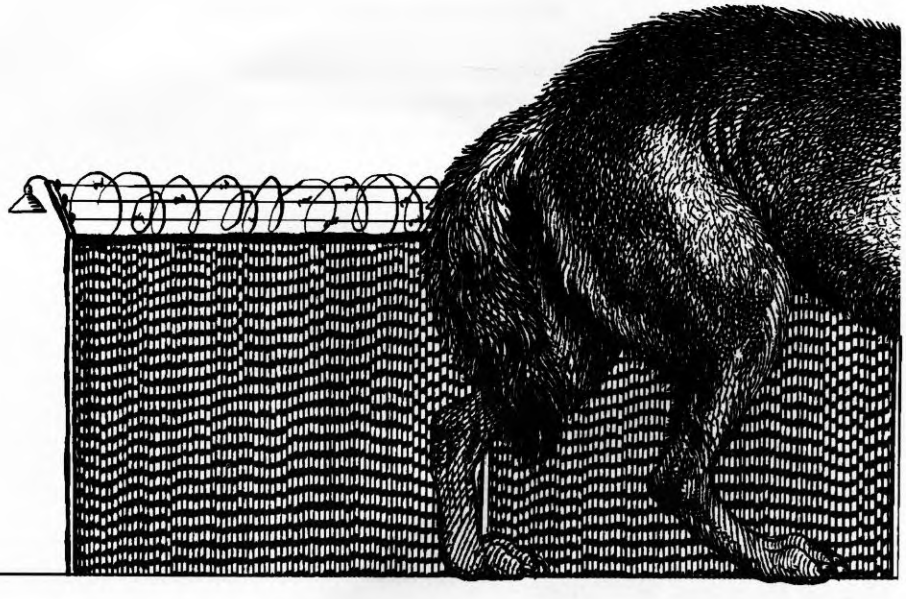
(Из книги «Наша жизнь растёт», 1978)

Участь природы тоже

Облака свободно пересекают границы
и нарушают воздушное пространство соседних стран,
волны морские бушуют
в чужих территориальных водах,
Всеобщая Декларация Прав
отступает перед конституциями —
конституции менее практичны,
чем уголовные кодексы:

с тех пор как в полицейских государствах
принимают законы об охране окружающей среды,
видимо, участь природы
тоже предрешена.

(Из книги «Наша жизнь растёт»)



Как писать?

Так писать, чтоб голодный
думал, что это хлеб?

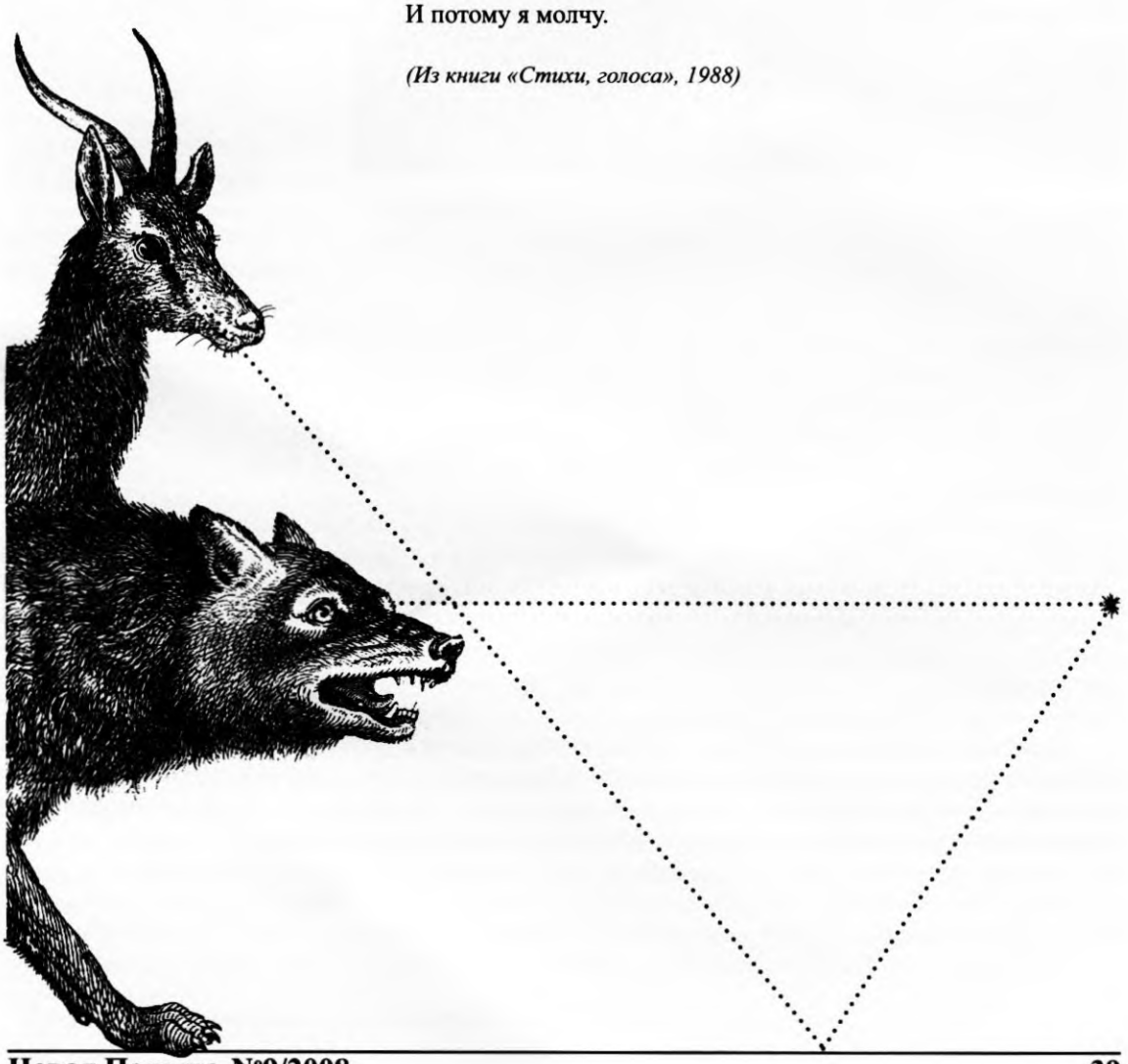
Голодного надо накормить,
а писать — так, чтоб голод
пошёл ему впрок.

* * *

Стихи? Голоса?
Жалобы серн и волков.
Сквозь меня течёт *поток красоты*! Сомнений и скорби.

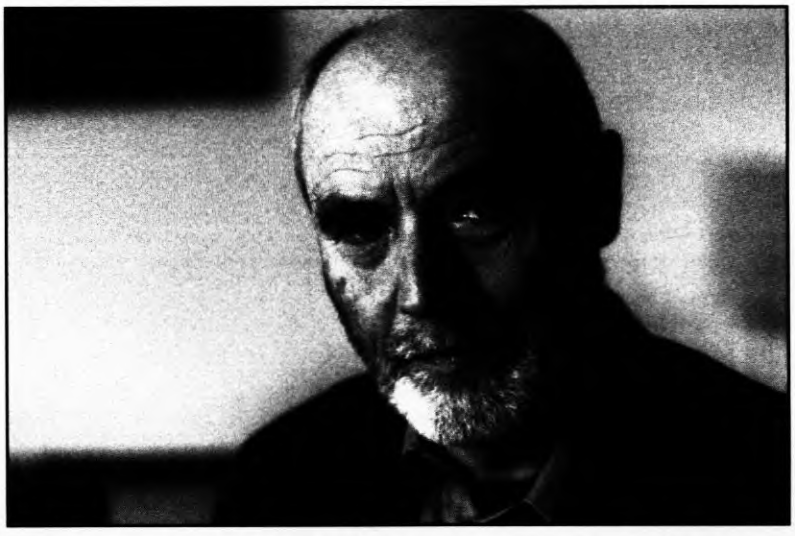
И потому я молчу.

(Из книги «Стихи, голоса», 1988)



Лешек Шаруга

МОЛЧАНИЕ



Рышард Криницкий (1943) — один из поэтов «поколения 68-го», сыгравшего важную роль в 1980-е годы. Уже его первая книга «Свидетельство о рождении» (1969) обратила на себя внимание критики, обеспечив поэту — наряду с Рафалом Воячеком и Станиславом Баранчаком — место среди самых значительных дебютантов того времени. Его стихотворение «И мы на самом деле не знали», не пропущенное тогда цензурой и опубликованное лишь в сборнике «Наша жизнь растёт» (изданном в 1978 году «Институтом литерацким» в Париже), — пронзительное свидетельство переломного события, каким был для того поколения студенческий бунт 1968 года: «Может быть, мы были детьми, у нас не было опыта, / мы знали только то, что нас заставляют верить лжи, / и на самом деле не знали, чего хотим / кроме уважения к правам и правде человека, / (...) и на самом деле не знали, что права человека / могут противоречить / правам гражданина».

Лирику Криницкого относят к тому течению «лингвистической поэзии», которое сосредоточено не только на языковой игре, а прежде всего занято критикой языка. Причем дело тут не только в критике официального языка, не только в том, чтобы обнажить — как было прежде всего в момент дебюта или после введения военного положения — ложь официальной речи, но и в критике языка как орудия познания.

Криницкий пишет редко и осторожно, взвешивая слова, иногда годами дорабатывая свои произведения, создавая их новые варианты. Это поэзия раздумья о духовной ситуации человека «на затерянной планете / кружащейся всё быстрей / вокруг белого / потом чёрного карлика, по краю / одной из ста двадцати пяти / миллиардов / разбегающихся галактик». Эти слова я цитирую из последней книги поэта — «Камень, иней» (2004), снабженной эпиграфом, перифразирующим стих Апокалипсиса: «Запечатай то, что говорили семь громов, и этого не пиши». Иней молчания покрывает тайное знание, недоступное человеческому языку.

Поэзия Криницкого распята между конкретностью непосредственного опыта (как в цикле «Новые Ксении (и элегии)», продолжающем почтенную традицию Марциала, зловещих шуток Гёте и Шиллера и книги Ярослава Ивашкевича «Ксении и элегии») и мистическим переживанием, охватывающим космическое измерение нашего существования, противостоящего небытию.

Ежи Помяновский

СЛОВО О «ПЛАМЕНИ»

Обложка «Зарева» в сокращенном переводе Евг. Тоноровского. Рабочее издательство «Прибой». Ленинград 1926

Я уверен, что русским читателям стоит напомнить о Станиславе Бжозовском. Давно исчезло из книжных магазинов, а может, и из библиотек русское издание его главного произведения, романа «Пламя»*. Оно вышло в начале 20-х годов XX века благодаря стараниям Феликса Кона, ветерана польских социал-демократов, отличавшегося особой чуткостью к роли культуры, которую левые партии в своей массовой деятельности задвигали на задний план. «Пламя» должно бы привлечь к себе внимание как читателей, так и литературных профессионалов, прежде всего русских критиков, — хотя бы по той причине, что это редкий пример литературной полемики с «Бесами». Герой-рассказчик романа, Михал Канёвский, — участник русского революционного движения, он принимает участие и в дискуссиях, и в терактах создателей и членов таких организаций, как «Народная воля». Его судьбу Бжозовский представил как трагедию, видя в ней не только тень поражения, но и блеск самопожертвования. Разумеется, именно это в романе (и в драматической судьбе его автора) стало знаком в польских литературных традициях, воспевающих напрасные жертвы и славные поражения. Но универсальный характер «Пламени» особенно очевиден сегодня, когда всю традицию революций, народных бунтов и даже самого общественного протеста заслонила история практического использования этого наследия советским режимом и его последователями в самых разных странах нашей планеты. Робкие попытки напомнить о бескорыстных и жертвенных традициях левых все-таки время от времени предпринимаются. В Польше журнал «Политическая критика», орган молодой левой интеллигенции, только что переиздал «Пламя» как приложение к последнему номеру, и роман тут же вызвал довольно бурные споры.

Однако не только это событие заставило редакцию «Новой Польши» обратиться к нескольким представителям старшего поколения (к которым принадлежит и автор этих строк) с просьбой напомнить о том необычайном влиянии, которое оказало на нас в межвоенное двадцатилетие чтение романа. Напомню, что это были времена нараставшей в Европе и особенно ощутимой в Польше угрозы фашизма: в Германии уже пришел к власти Гитлер, в Италии укреплялся фашистский режим, стремившийся заполучить колонии в Африке и сторонников в соседних странах, а у нас самих после смерти Пилсудского его преемники искали опору в союзе с заклятыми врагами покойного вождя — националистами и антисемитами. Испания служила полигоном силам, которые, проводя свои кровавые маневры, готовились развязать II Мировую войну. В такой атмосфере книга Бжозовского, написанная до I Мировой войны, читалась так, будто написана вчера. Я тогда не знал никого, кто стал бы сторонником левых, оказавшихся в опасности и подвергавшихся нападкам, после прочтения «Капитала». А вот десятки моих ровесников, особенно принадлежавших к молодежному крылу ППС (я тогда уже был очеркистом в их органе «Млодзи идон» — «Молодые идут»), вступили на этот путь после прочтения романа Бжозовского.

Думаю, читателей «Новой Польши» заинтересуют как публикуемые здесь мнения, так и отрывок из книги великого Чеслава Милоша об авторе «Пламени», знаменательно названной «Человек среди скорпионов». Бжозовский умер молодым, затравленный собственными товарищами за грех, которого никто никогда так и не доказал, — обреченный на изгнание и забвение, но всем своим творчеством, смелыми идеями, новаторскими произведениями (из них наиболее известна «Легенда Молодой Польши») он завоевал себе выдающееся место в истории польской литературы. Если читатели нашего журнала — хотя бы ввиду полемики с «Бесами» — пожелают принять участие в нашей дискуссии, редакция «Новой Польши» сочтет это еще одним важным доказательством духовной общности польской и русской интеллигенции.

* В первом русском переводе заглавие переведено как «Зарево».

Мацей Войтышко

БЖОЗОВСКИЙ — СВИДЕТЕЛЬ ИНОГО ПОДСОЗНАНИЯ

Юмор — это состояние души религиозное, но и разрушающее обрядовость: это освобождение жизни от внутреннего попа, перед которым можно выкрутиться, солгавши.
Станислав Бжозовский. Легенда «Молодой Польши»

Что такое для меня творчество Станислава Бжозовского?

Неустанно отвергаемый проект.

Слегка сродни тому, как на крупных конкурсах на постройку важного архитектурного сооружения, которое должно символизировать нацию, государство, общество.

В финале конкурса остаются, как правило, три проекта.

Первый — традиционный, сентиментальный, банальный, перегруженный внешними украшениями, патетический, нелогичный, рассчитанный на внешний эффект, слащавый, вызывающий самые примитивные эмоции.

Второй — современный, очищенный от экспрессии, напоминающий о прошлом какой-то мелочью, но в своей псевдопрогрессивности ужасно мрачный, бесцветный и отталкивающий.

Третий — добросовестный, скромный, полезный, с реальной сметой, предлагающий правильные пропорции.

Естественно, выбор идет между двумя первыми проектами, взгляды сторонников, как обычно в споре, становятся всё радикальнее, а третий всё больше отходит в сторону.

То же происходит с идеями Станислава Бжозовского.

Много лет назад, когда я впервые прочел «Легенду «Молодой Польши»», у меня было ощущение, будто между двумя известными мне картинами мира втиснулась третья — значительно требовательней, но и значительно ближе к истине.

Помню, как на меня, тогда юного и склонного легко приходить в восторг, нравиться другим, выносить категоричные суждения, подействовал призыв к преодолению мышления о себе в замкнутых категориях.

«Горе тому, кто никогда не ощущает себя смешным, — писал Бжозовский. — Только тени и призраки не знают смеха (...) Надо иметь смелость демонстрировать «дурной вкус», «бестактность», «смешной» разрыв с миром. Побеждаешь не потому, что ты совершенен (...) Аргумент творчества — само творчество, ничто, кроме него самого».

Бжозовский — это и есть третий проект возможного самосознания поляков.

Время от времени кто-нибудь напоминает об этом авторе.

Чеслав Милош делал это прямо-таки с маниакальным упорством, но Чеслав Милош тоже принадлежит у себя на родине к числу плохо понятых авторов.

У поклонников первых двух проектов Бжозовский почти сразу оказался врагом.

Обвинение в сотрудничестве с охранкой «прикончило» его идеально. Если он за внутреннее обновление Церкви — предатель. Если он хочет, объединяя разум и труд, отказаться от косного деревенского польского духа — предатель. Если он не любит свой народ безоговорочно, а предъявляет ему требования: созидать, самосовершенствоваться, внутренне меняться — ну тут уж точно предатель!

А Бжозовский пытается оценить и Маркса, и Киплинга, и Достоевского, и Прудона. Оценить, то есть раскритиковать в одном, признать правоту в другом.

Как это несовременно, правда?

Очень мне любопытно: как молодежная редакция журнала «Политическая критика», выбравшая себе в покровители Станислава Бжозовского, будет отражать нападки сторонников двух первых проектов?

Ибо в том, что они примутся за очередную «люстрацию» Бжозовского, можно не сомневаться.

Он по-прежнему неудобен, ибо не доверяет догмам и не рассматривает прошлое как нечто, неизбежно диктующее нам нынешний день.

Петр Мицнер

ВЫ УЖЕ ПОБОРОЛИ В СЕБЕ БЖОЗОВСКОГО?

Станислав Бжозовский

Говорят, до войны в рядах Польской социалистической партии был популярен вопрос: «Товарищ, а вы уже побороли в себе Бжозовского?»

Начинающим социалистам, взбунтовавшимся против социальной несправедливости, чтение «Пламени» давало серьезный опыт, но в то же время побуждало искать другие произведения того же автора. Увлекшись Бжозовским, юноша мог найти тексты, по природе «социалистические», но критические по отношению к деятельности партии (она, по мнению Бжозовского, отрывалась от настоящих трудящихся), или же, в конце концов, «Записки», свидетельство обращения писателя. Хотя у фундаменталиста могут возникнуть сомнения насчет этого обращения: что же это за христианин, который сохраняет в своем мировоззрении всё самое ценное, что, по его мнению, есть в марксизме? — а именно так рассуждал Бжозовский. Так что ни послушному члену партии, ни католику-традиционалисту читать этого писателя не следует, а прочитав — следует его в себе побороть. Понятно, что поклонники Сенкевича и участники патриотических пиршеств к Бжозовскому вообще не обращаются, ибо он бьет по ним сильно и без предупреждения.

Требования, которые Бжозовский предъявляет к польской душе и польской литературе, актуальны и долго еще будут актуальными. Травля, жертвой которой он стал (подозреваемый в сотрудничестве с охранкой), к сожалению, остается у нас охотно применяемой стратегией. Пытаясь защищаться, писатель спрашивал: «Разве общественным мнением в стране уже управляет департамент полиции?» Вопрос был и остается риторическим.

А роман «Пламя», только что переизданный издательством журнала «Политическая критика», лево-авангардистской группировки, — будут ли его сегодня читать? Заставит ли он и сегодня юношу, как когда-то, утверждать: «Дальше так нельзя»? Но, может быть, для этого ему достаточно критически взглянуть на окружающую действительность и не обязательно учиться бунту из романа?

Бжозовский стал романистом ради заработка. Ему казалось, что вымысел даст ему деньги на то, чтобы говорить правду. Естественно, это не была халтура, но — особенно в «Пламени» — видно, что он писал популярный роман, революционную мелодраму, полную любовных увлечений, заговоров, взрывов. Есть, однако, в «Пламени» тревожная загадка. Вот якобы записки бывшего анархиста, террориста, доживающего жизнь в тиши сельской усадьбы. Михал Канёвский хотел изменить ход истории, а между тем история растоптала его самого и его товарищей. Если подходить только с этой точки зрения, то книга должна называться «Пепел». Однако этот жизненный путь от провала к провалу не окрашен отчаянием. Отсюда — парадокс, отсюда — «Пламя». И, возможно, эта тайна привлечет внимание новых читателей.

Рышард Матушевский

ПЕРЕЧИТЫВАЯ «ПЛАМЯ» СТАНИСЛАВА БЖОЗОВСКОГО

Каждый раз, прочитав заново Бжозовского, осознаёшь особый трагизм этой фигуры. И трагизм этот — не только в преждевременной кончине от туберкулёза на 33-м году жизни. К этому следовало бы присовокупить ту геенну, которой, по всей вероятности, стал для автора романа «Пламя» процесс перед партийным судом социал-демократов и ППС (Революционной фракции) по обвинению в сотрудничестве с царской охранкой. Основанием для этих обвинений стали его опрометчивые показания, данные им, 20-летним юношей, за десять лет до этого на следствии по делу, которое царские власти вели против тайного Общества народного просвещения. Партийный суд, которого добивался сам Бжозовский, дабы очиститься от упреков и обвинений, не доказал его вину, но и не вынес никакого приговора, что вызвало продолжавшиеся еще долго, даже после смерти Бжозовского, споры в литературных кругах с участием таких выдающихся критиков, как Остап Ортвин и Кароль Ижиковский.

Бжозовский, прежде всего философ и литературный критик, — еще и автор нескольких романов, среди которых нашумевшее в свое время «Пламя», впервые изданное в 1908 г. и получившее популярность главным образом из-за темы: в нем рассказывается об истории группы народовольцев 1880-х годов. Правда, уже в то время, когда роман «Пламя» создавался (1907), польские читатели могли критически отнестись к тому, что Бжозовский противопоставляет революционную решимость народовольцев якобы господствующему в польском обществе обскурантизму и косности, хотя это были годы активной деятельности ППС; тем не менее смелая попытка польского мыслителя противостоять вполне понятной в то время русофобии и его дифирамбы народовольцам следует признать в тех обстоятельствах актом мужества и ценным историко-литературным документом.

Совершенно иную точку зрения на ту общественную идеологию, которую проповедовал Бжозовский, формировали годы моей юности. Роман «Пламя», как и большинство произведений Бжозовского, посвященных философской и литературно-критической проблематике, я читал в 1932-1933 гг. В то время, получив аттестат зрелости, я вступил в студенческий Союз польской демократической молодежи, будучи убежден, что эта организация, согласно своему названию, близка мне, так как выражает либерально-демократические взгляды, подобные тем, которые выражали «Вядомости литерацке» («Литературные ведомости») и задающий журналу идейный тон своими статьями Антоний Слонимский. Вскоре я нашел и покровителя, близкого мне по взглядам, — выдающегося социолога проф. Александра Герца, который организовал для меня и моих друзей частный философский семинар. Однако многие деятели СПДМ выдвигали в качестве лозунга революционных общественных перемен идеологию синдикализма в духе французского мыслителя Жоржа Сореля и Станислава Бжозовского.

За время, прошедшее от создания «Пламени» до момента моего первого, юношеского прочтения его, произошли исторические события, которые решительно повлияли на отношение большей части моего поколения к идеологам, пропагандировавшим революционное преобразование общественного устройства. В России уже свершилась октябрьская революция, и одним из ее уроков было всеобщее убеждение, что революционеры, захватывающие власть с помощью революционного террора, революционеры поколения Ленина, Дзержинского, Троцкого, Сталина, утрачивают присущие народовольцам черты романтиков, идущих на гибель. Читая «Пламя» в 1933 г., я понимал, что сочувствие, которое Бжозовский стремится вызвать к своим героям, революционерам и террористам, находит в наших сердцах отклик лишь благодаря уверенности, что олицетворением общественного зла в России и порабощенных ею странах был царизм. Обстоятельства диаметрально переменились после I Мировой войны. После векового порабощения мы обрели независимую Польшу, которая, по мнению

преобладающего большинства польского общества, была безусловным благом, невзирая на те или иные ее недостатки. Октябрьская революция в России с самого начала представлялась нам явлением враждебным и опасным. Независимо от того, что можно было критически относиться к попыткам Польши вернуть свои былые восточные окраины, этнически не польские (киевский поход Пилсудского), польско-советская война 1920 года глубоко укоренила в польском общественном сознании антисоветские взгляды и чувства. Лишь спустя несколько лет после этой войны в романе Жеромского «Канун весны» прозвучало сомнение: действительно ли революция в России несла одно лишь зло, не было ли в ней ростков надежды на лучшее общество.

Однако эти надежды недолго формировали мнение представителей моего поколения. Уже в начале 1930-х в Польше вышли такие книги, как «Мысль в тисках» Станислава Цата-Мацкевича (1931), «Оперившаяся революция» Мельхиора Ваньковича (1934) или начавший выходить еще раньше семитомный труд Яна Кухажевского «От белого царизма к красному» (1923-1935), полностью враждебный октябрьской революции и коммунизму. Добавим, что по мере укрепления единовластия Сталина в СССР и в результате проводившихся так называемых сталинских чисток в 1937 г. действовавшая в подполье компартия Польши растеряла в стране многих своих приверженцев и сторонников, особенно среди интеллигенции. В конце концов сам Сталин, сочтя КПП недостаточно послушной, распустил ее в 1938 г. по обвинению в том, что вся она стала послушным орудием польских спецслужб.

Начало II Мировой войны и советская оккупация восточных территорий межвоенной Польши, как и союз СССР с Гитлером, скрепленный подписанием пакта Риббентропа—Молотова в августе 1939 г., миллионы поляков, отправленных вглубь России, и убийство тысяч польских офицеров в Катыни в апреле 1940 г. — всё это еще более укрепило враждебное отношение польского общества к сталинской России. Только вооруженное нападение Гитлера на СССР изменило политическую ситуацию. Правда, спасение, которое принесло тысячам польских беженцев и ссыльных формирование армии генерала Андерса, покинувшей затем СССР в надежде начать борьбу с фашизмом там, где действовали армии западных союзников, не изменило в Польше отношения к советской России. Но начавшиеся еще осенью 1940 г. переговоры советских властей с группой польских офицеров, предвидевших, что СССР сыграет в победе над гитлеровской Германией ключевую роль, а это в свою очередь повлияет на польские дела, положили начало формированию в 1943 г. в СССР польской армии, первоначально под командованием генерала Берлинга. Этот факт, как и создание Польской рабочей партии (ППР) в оккупированной немцами Польше, стал началом нового, основанного на реальных политических предпосылках возрождения политических сил, которым гегемония сталинского СССР давала возможность захватить власть в освобожденной от немецкой оккупации Польше.

Сегодня роман Бжозовского «Пламя», прочитанный через сто лет после первого издания, по многим причинам обречен на элитарный характер восприятия. В этом романе выдающегося польского мыслителя и теоретика даже есть описание операции, кульминационным пунктом которой стало убийство царя Александра II. Несмотря на это, мне книга представляется — тут я думаю о возможном массовом читателе — резонерской, растянутой и анахроничной по форме, хотя стоит ли удивляться этому спустя сто лет. Одолеть ее имеет шанс только читатель, принадлежащий к интеллектуальной элите. Для современной русской интеллигенции роман «Пламя» мог бы и сегодня представлять интерес как отражение польского (полного энтузиазма!) взгляда на существовавшее в России более 120 лет назад движение народовольцев.

Чеслав Милош

Перевод
Натальи Горбаневской

ЧЕЛОВЕК СРЕДИ СКОРПИОНОВ

(Отрывки из книги)

Жизнь наша, я наше — это пост часового; когда мы с него уйдем — его потеряет всё человечество навсегда.
Бжозовский

Станислав Бжозовский умер 30 апреля 1911 года во Флоренции от чахотки — или, вернее было бы сказать, от нищеты — на тридцать третьем году жизни. За полвека, прошедшие с тех пор, в Польше не было почти ни одной литературной дискуссии, где не звучало бы его имя. И все-таки в его родной стране нет даже такой памяти о нем, как собрание сочинений. Большинство его книг — сегодня библиографическая редкость, и любой, кто пожелает с ними ознакомиться, вынужден вылавливать их по одной в каталогах крупных библиотек.

Самым верным другом Бжозовского была его жена Антонина, урожденная Кольберг. Ее стараниями в 1928 г. на флорентийском кладбище Треспиано был воздвигнут надгробный памятник по проекту скульптора Роберто Пассальи с надписью: «Stanislaw Brzozowski, poeta e filosofo». Вторым верным другом был львовский критик Остап Ортвин. В последние годы жизни, когда Бжозовский изо всех сил стремился успеть закончить как можно больше начатых трудов, польская пресса и издательства бойкотировали его. Если бы не Остап Ортвин, самые зрелые книги Бжозовского остались бы в рукописях, а рукописи могли бы и погибнуть, тем более что бойкот прекратился далеко не сразу после смерти их автора. Ортвин был литературным советником львовского издательства Б.Полонецкого, и там вышли «Легенда Молодой Польши» (1909), «Идеи» (1910) и уже посмертно — роман «Один среди людей» (1911), «Голоса среди ночи. Исследования романтического перелома европейской культуры» (1912), вышедшие под одной обложкой «Призраки моих современников» и неоконченный роман «Книга о старой женщине» (1914), избранные сочинения кардинала Ньюмена в переводе и с предисловием Бжозовского (1915). Посмертно вышли и изданные Антониной Бжозовской «Записки» (год издания, вероятно, 1915).

В польской литературе XX века не найти писателя с таким размахом и серьезностью интересов. Умственно он превосходил всех знаменитостей своего времени, и это дает ему сегодня исключительное положение. Такие писатели, как Жеромский или Реймонт, оказались «обустроены», вмещены в свою эпоху, классифицированы, и никому не пришло бы в голову заниматься цензурой их сочинений. Бжозовский же у издателей или у тех, кто пытается о нем писать, вызывает тревогу и дрожь, а причины этой дрожи меняются в зависимости от колебаний политической конъюнктуры. Это значит, что он по-прежнему остается нашим современником и еще не превратился в предмет историко-литературных

исследований. По-прежнему каждый, кто о нем пишет, уже тем, что взялся за перо, высказывается за или против. Эту пристрастность, вытекающую из самой природы вопросов, которые заботили Бжозовского, тогда в этом одинокого, не следует скрывать.

Говоря в самом общем виде, темой его сочинений был переворот в истории рода человеческого, начавшийся под конец XVIII века и ознаменованный порогом новейшей истории — Французской революцией. Отдельные книги Бжозовского можно назвать экспедициями в разные края столетия перемен — быстрых, как никогда ранее. Это касается и его романов. Содержание «Пламени» — деятельность нечаевцев, затем Парижская коммуна и «Народная воля». «Один среди людей» — это картина 1830-1848 годов в Польше и Пруссии, причем показаны круги левых гегельянцев в Берлине. Незаконченная «Книга о старой женщине» предвещала поразительный роман о «процессе реабилитации» революционера (1905 года), убитого своей партией. Давая своим очеркам о французских, английских и русских писателях подзаголовок «Исследования романтического перелома европейской культуры», Бжозовский понимал этот кризис широко: по его мнению, он продолжался без перерыва, постоянно принимая новые формы.

Бурная эпоха, увлекавшая Бжозовского и понимаемая им как непрерывность, как целое, открытое в будущее, вскоре после его смерти стала еще более бурной. Нас отделяют от него I Мировая война, русская революция, II Мировая война и еще трудное для полной оценки, ибо лишь начинающееся, явление «обобществления человечества» в планетарном масштабе. Опыт формирует язык, и многие чаяния, позиции, типы мышления получили хотя бы временные и несовершенные названия. На карте истории, находящейся в движении, отмечены точки ориентации. Бжозовский углублялся в пространства, почти никем тогда, и не только в Польше, не исследованные, поэтому ему приходилось самому создавать свой инструмент, свою терминологию. Сегодня мы сказали бы, что он производил «экзистенциальный анализ исторических структур», что всё у него вращается вокруг «проблемы отчуждения», — но он не давал таких определений. При этом его отчаянные метания иногда производят впечатление усилий добиться, чтобы его услышали глухие. Глухота его читателей состояла в полной неосвоенности с диалектическим мышлением, в требовании, чтобы было «или да, или нет», а уж по крайней мере — чтобы, рассматривая какое-то течение мысли или какое-то произведение, находить в нем «хорошие и плохие стороны».

Отсюда — остолбенение, когда Бжозовский одним духом выговаривал «да» и «нет» (всё его отношение к романтизму), отсюда — крики, что он неустанно сам себе противоречит. Несомненно, сегодня мы читаем Бжозовского иначе, нежели его современники, и это не наша заслуга, а результат коллективного опыта, способного растопить воск в ушах у многих. Мы менее склонны ловить его на слове, и его нелегкая, протеичная мысль является нам в развитии, в постоянном преодолении самой себя, в постоянном исправлении собственных ошибок, однако при ясно указанном направлении.

Как оставаться писателем, не принятым теми, ради кого тратились все силы в уверенности, что совершаешь перестройку сознания — их или их сыновей? Почему столь многие черпали и черпают полными горстями из наследия Бжозовского, но как бы украдкой, не признаваясь в этом публично? Почему такая плата за любовь? Как оставаться un écrivain maudit? Быть может, пришло время попытаться дать ответы на эти вопросы, пользуясь возможностями, которые дает перспектива времени, сгущенного историческими событиями. Да послужит это вместо венка на кладбище Треспиано, которого в это 50-летие со дня его кончины не возложит никакая делегация польских литераторов.

Умственное освобождение равнялось для Бжозовского, гимназиста в Немирове, протесту против родимого окружения, т.е. против Польши сентиментальных нравов, католической церквушки, культа национального мученичества, ритуального обжорства по праздникам и программного антиинтеллектуализма. Быть человеком — или быть поляком, в котором человек — самой своей принадлежностью к национальной группе и повиновением ее заповедям — уменьшен? Этот вопрос Бжозовский, видимо, пережил остро, если в двух его романах герой обретает внутреннюю свободу, лишь поправ национальный запрет. В «Пламени» Михал Канёвский рвет со своей помещичьей семьей и приносит позор ей на голову, становясь русским революционером и нигилистом: он вступает в группу Нечаева, а затем, уже народовольцем, принимает участие в подготовке покушения на жизнь Алексан-

дра II. В Сибири он встречает польских ссыльных — участников восстания 1863 г., — и те не могут простить ему, что он в своей революционной деятельности идет вместе с русскими: для них Россия — это дикая страна, разъеденная взяточничеством и сифилисом, колосс на глиняных ногах. В романе «Один среди людей» шестнадцатилетний Роман Олуцкий дополняет свое освобождение от нравов и верований своей среды, нарушая морально-политическое табу, почти равное тому, которое в штате Миссисипи защищает белую женщину от половых отношений с негром: он облегчает барышне из хорошей польской семьи побег с русским офицером. Ни один писатель в Польше, причем по сей день, не осмелился обратиться к этой стыдливой сфере, сформированной коллективным подсознанием, к содержанию правила, согласно которому вхождение в «русский мир», согласие на этот мир тождественно нравственному падению, вечной утрате души*. В политике — да, при жизни Бжозовского левых раздирал спор между социалистами и социал-демократами, позднее ставший спором между социалистами и коммунистами: независимость и социализм или революция, которая разрешит национальные конфликты как бы автоматически. Однако в литературе не нашлось аналога этому спору на другом, более глубоком уровне, то есть не было изучено, откуда на самом деле бралась нечистая совесть, которую легко заметить у всех отщепенцев, готовых во имя принципов признать «русский мир» своим. Только Бжозовский показывал польско-русский узел трагически, т.е. наделяя аргументы и позиции равным весом и равной эмоциональной напряженностью.

Значение Бжозовского в польской литературе нельзя оценить надлежащим образом, если фон, на котором мы его рассматриваем, слишком узок — например, замкнут в пределах недолгой стадии «Молодой Польши». Подвергая ревизии весь XIX век, извлекая прежде всего проблемы первой его половины, нерешенные и отложенные или заслоненные, Бжозовский стал как бы реваншем, поспешным, иногда неловким, за всё то, что ни уст, ни перьев до тех пор не знало. В то же время его посмертная судьба позволяет вникнуть в исторические обстоятельства, которые и по сей день не вполне стали прошлым.

Первое издание: Париж, Институт литерацкий, 1962

* Тувима в «Польских цветах» это искушало.

Юзеф Чапский

О «МОЛОДОЙ ПОЛЬШЕ»

(перевод с рукописи*)

Среди материалов о Станиславе Бжозовском и его романе «Пламя» мы публикуем и статью Юзефа Чапского — более общую, посвященную также Станиславу Выспянскому. Статья была написана вскоре после убийства президента Габриэля Нарутовича и вышла в русской эмигрантской газете «За Свободу!» (Варшава) в январе 1923 года. Редакторов в газете было немало, но за этим предприятием стоял Дмитрий Философов, с которым Чапский познакомился еще в Петрограде в 1918 году. Это, вероятно, первое выступление будущего выдающегося художника, писателя и сотворца парижской «Культуры» на страницах печати.

П.М.

Jakże ja się uspokoję...
Pełne strachu oczy moje,
Pełne grozy myśli moje.
Jakże ja się uspokoję...

Как могу я успокоиться...
Полны страха мои глаза,
Полны ужасом мои мысли
Как же могу я успокоиться?
(Из посмертных рукописей Выспянского).

Юзеф Чапский. *Автопортрет* 1937

Статья Д.Философова «На выставке» и выраженная в ней мысль о необходимости созидания повоенной польской культуры с целью духовного объединения Польши — заставили меня, особенно в связи с последними событиями, болезненно почувствовать всю тяжесть нашего положения.

Разбушевавшееся море нас заливает, нет еще ни правительства, ни финансов, ни администрации, которые дали бы уверенность в том, что мы идем к лучшему будущему — к сплочению.

Первое движение мысли: не преждевременно ли думать об искусстве, не чистое [ли] «барство» каждого из нас работать в области «чистого искусства», «чистой науки», время ли **«думать о розах, когда пылают леса»****.

Но с другой стороны, каждый поляк, глубже вникающий в этот вопрос, должен согласиться с Д.Философовым, что создание повоенной культуры является для Польши вопросом жизни и смерти.

В эти моменты чувства бессилия — нам, молодым — перед лицом заданий жизни, надежду и веру дают воспоминания о целой плеяде людей, недавно отошедших от нас, которые развивали дух польский в польском искусстве и в польской мысли.

---

* Мы с удовольствием помещаем в русском переводе присланную нам интересную статью г-на Юзефа Чапского. Тема, затронутая ею, настолько значительна, что мы полагаем к ней еще вернуться. Нам очень ценно, что представитель молодого поколенья Польши сам пожелал познакомить наших читателей с лучшими представителями польской культуры. РЕД. [редакция газеты «За Свободу!»].

** Из «Лильи Венеды» Словацкого [здесь и далее — прим. из газ. «За Свободу!»]. (Цитата неточная. На самом деле: «Не время жалеть розы, когда горят леса» РЕД.).

Русские, к сожалению, не знают этой культуры, очагом которой был Краков каких-нибудь двадцать лет тому назад.

Это был единственный город, где в польском университете встречалась молодежь со всех трех частей разделенной Польши, где цензура не душила каждого проблеска польской мысли и здесь-то, именно, был очаг так называемой «Молодой Польши». Назову только несколько имен выдающихся представителей этого движения. В области литературы: Выспянский, Каспрович, Жеромский, Пшибышевский, а в области философии и критики: Бжозовский, Виткевич, в области искусства тот же Выспянский, Мальчевский, Мегофер, Вычулковский, Фалат, Станиславский и мн. др.

Д.Философов в своей статье противопоставляет Кжижановского Семирадскому, Бакаловичу, Котарбинскому. Необходимо сказать, что не только Д.Философов, но и каждый поляк, более или менее высокого уровня культуры и знания, не считает этих господ представителями польского духа и столпами нашей живописи. Мне кажется, однако, что как раз в этой области мы можем смело говорить о своем собственном, очень оригинальном искусстве и назвать одного художника крупного размера.

Наше художественное достояние последних 20-30 лет очень богато, очень своеобразно и таит в себе огромные возможности.

Не могу здесь упоминать о всех представителях «Молодой Польши». Хотел бы только обратить внимание на своеобразный гений Выспянского, которого смело можно считать самой выдающейся фигурой всего этого движения.

Гениальный драматург, поэт и живописец, он умер, не дожив сорока лет. Оставил нам к сожалению сравнительно небольшое художественное наследие. Прикованный к постели тяжкой болезнью, в последние годы жизни не владеющий рукой, он должен был отказаться от живописи. Он говаривал тогда, что только теперь чувствует себя способным по-настоящему рисовать.

Драматическое творчество в этот период его жизни было единственным выражением его художественной натуры.

В Национальном Музее в Кракове находятся три пастели Выспянского: вид из его окна в разные времена года.

Скромный пейзаж — железнодорожное полотно, телеграфные столбы, несколько деревьев и вдали на равнине курган Костюшки: в ясный солнечный день, в серую осень и в снежную завируху — и однако от этих пейзажей бьет такой правдой, такая любовь к этому кусочку природы, что, раз увидев эти картины трудно их забыть. В этом же Музее находятся и его детские головки — рисунки пастелью чудесной простоты и глубины.

* * *

Во францисканском костеле (тоже в Кракове) есть витражи его композиции. Один из них положительно гениален: в пламени красок Бог Отец, как огненный факел, появляется из хаоса и движением владыки создает мир. В этом произведении Выспянского есть нечто от Микель-Анджело. Витраж находится против главного алтаря над входом. Рассказывают, что двое маленьких детей вошли в костел и пораженные, опустились на колени перед витражем, повернувшись спиной к алтарю.

Отношение Выспянского к жизни было глубоко трагическим, а все его искусство — это борьба и искание освобождающего слова, которое будет бить, как молот и перед которым все падет ниц. Он хотел похитить этот священный огонь, который горит там, и дать его всем чающим пламени, которое будит, дает силу, мощь, могущество. Выспянский после годов затишья поднял знамя польского искусства на высоты, которых раньше достигали лишь наши великие поэты.

* * *

Таким же трагическим, как и его отношение к жизни, было и его сознание трагической судьбы современной Польши. Все его творчество — это вопль о новой польской действительности.

Выспянский до такой степени связан с современностью и до такой степени поляк, что, пожалуй, только поляк и сможет понять его как следует, и я не думаю, чтобы его произведения можно было более или менее сносно переводить на другие языки, до такой степени они своеобразно польские по форме. Бжозовский пишет о нем: «Выспянский без труда опровергает смешные мечты о гении независимом в своем творчестве от внешних условий. Напротив, он показывает, что гений — это максимум зависимости. Для человека выдающегося, по словам Вейнингера, все полно выдающегося значения. Гений ничего не

воспринимает равнодушно и внешне, все, с чем он сталкивается, становится для него частицей его собственной жизни. Когда внешние вещи давят нас своей мертвой тяжестью, то мы несем кару за собственный грех — недостаток любви... В каждой вещи, с которой сталкивается гений, начинает биться жизнь, его сердце...» Я процитировал этот отрывок потому, что он необычайно метко характеризует Выспянского. Все его занимало. Один мой знакомый навестил его уже во время тяжкой болезни и был очень разочарован, когда он с величайшим воодушевлением стал ему рассказывать о краковских трамваях!

Премьеры драм Выспянского составляли целую эпоху для Кракова. Некоторые выдающиеся представители литературного мира признавали его за совершенно безумного и теперь еще поклонники Бакаловичей и Семирадских считают его таковым. Но многие с первого же момента признали его гений.

Его «Свадьба», «Освобождение» — это трагический крик среди ночи, перчатка, брошенная тем, которые говорят о Польше, которые носятся со своим патриотизмом и которые с Польшей ничего общего не имеют, а являются только ее паразитами. Выспянский боролся со всем тем, что было призрачным, что не выдерживало давления истории и что прикрывалось ни к чему не обязывающей фразой или укрывалось в бесплодной мечте. Он боролся с бесплотной духовностью, с идеей Польши, лишенной плоти и крови, а также с ограниченным пониманием национальности, в котором душа замыкается; как в клетке. Трагический 2-ой акт «Освобождения» представляет нам Конрада (героя, того самого, который выступает в 3-ей части «Дедов» [«Дзядов»] Мицкевича), окруженного масками, людьми — призраками, людьми не способными на свое собственное слово, на свое самостоятельное действие, на собственную мысль, готовых лишь говорить, говорить без конца.

Конрад мечется среди них, говорит великие и страшные слова — Маски за ним повторяют то одно, то другое, хотят выкрасть у него тайну его души и все то, что в его устах звучит величием и неожиданностью, превращается в устах маски в общее место, которое уже без конца повторялось, фразу и ничего не значащее слово, и Конрад с отвращением, видя свою мысль искаженной, все-таки продолжает говорить далее, говорить трагические, глубокие вещи. В его словах звучит вся мука его кровью истекающего сердца. Он говорит об искусстве, творящем новую действительность, об искусстве — пути к бессмертию, о бессмертной Польше, которую искусством он хочет расколдовать, говорит о несчастии народа и о том, как народ себя сгубил, о национальном рабстве, которое у слабых людей выедает душу, — искусством хочет всю жизнь изменить и привести к освобождению. А вокруг него маски, которые говорят о Польше, о жертве Христа, о силе и не могут выдержать даже взора Конрада, расплываются туманом, и Конрад говорит в пустоту.

Именно это и было трагедией таких людей, как Выспянский и Бжозовский, — минутами у них было страшное ощущение, что они говорят в пустоте. Они чувствовали, что дальше так быть не может, что «народ погибает»*, что материальное рабство влечет за собой рабство духовное, что поляки «тратят себя», что все новые и новые влияния убивают в них их собственную душу, что постоянные насилия и долгие годы рабства, во время которых по необходимости поляк, не имеющий возможности осуществлять и строить собственную действительность, жил мечтами и обманывал себя, не имея жизненного критерия, являлся какой-то надисторической фигурой. В этом сне — обмане поляку грозила смерть, вопль отчаяния Выспянского среди глухой ночи пробудил польскую душу к жизни и борьбе. Огромная заслуга польских мыслителей и художников этой эпохи — не знает о них Европа, быть может, ей и не надо этого знать, — что они пришли к нам. Пришли затем, чтобы на самих себя открыли мы глаза, чтобы до глубины прониклись трагизмом нашего положения, чтобы сорвать с нас маски пошлого и мелкого оптимизма и толкнуть на путь действительности. Бжозовский, умирая от чахотки в 1911 году, даже самые последние дни перед смертью был поглощен мыслью: жить, жить, чтобы работать для Польши, чтобы «бороться против внеисторических взглядов, против религиозной беззаботности», чтобы «дать людям немного почвы и воздуха». «Невозможно, — писал он, — дышать воздухом пресыщенным опереточным легкомыслием и кабацкой грубостью по отношению к самым основным силам человеческой души»**.

Бжозовский умер в возрасте 33 лет в нищете, тогда, когда только что приближался к полноте творческих сил.

Выспянский, также тяжко больной, работал с горячечной торопливостью, чувствуя над собою крылья смерти и весь горел от все новых творческих замыслов. «Дело не во мне, а в мысли моей» повторял он на разные лады.

---

* «Освобождение», акт 2.

** Отрывки из предсмертных писем проф. Клингеру.

И Выспянский горячо молился Духу, чтобы «пламенем выжечь печать на души» и кончает молитву свою:

«Позволь через Тебя в Тебе Отца познать,
Позволь через Тебя познать Сына,
Позволь в Тебе свет миру дать
И с верой приступить к действию»*.

Минутами он чувствует себя так, как если бы уже был свободным и благодаря этому освобождающим народ.

К о н р а д : Вы гоните меня? Вы бескрылые и вы с крыльями, вампиры ада, вы Эринии!
Вы уже не настигните во мне Ореста, который склонял колени у алтаря и которого Бог осенил лучами своими. Понимаешь! Воссиял у меня в голове Бог, Аполлон-Христос и Эринии проходят мимо. Ты знаешь, что значит, что я освобожден?
М а с к а : А мы?
К о н р а д : Что вы освобождены. Мука Ореста пронеслась над всей землей Микенской. Злодеяние Атридов тяготит над целым городом. Но освобожденный Орест освободил от проклятия и землю свою.**

Но затем снова наступает мрак, и Выспянский-Конрад не знает слова, которое освободило бы отчизну: он думал, что то живая Польша, которая расколдована его искусством, а это оказалось декорациями на картонах, которые раздвигаются, а герои Польши — эти актеры, которые после окончания представления сытые аплодисментами, спешат на ужин с шампанским.
И остается Конрад на темной пустой без декораций сцене — и страшные Эринии окружают его.
Так кончается «Освобождение».
Может показаться странным, что в Выспянском так резко проявляются трагические ноты — сомнение в собственных силах и в силах народа, но именно в этом мужественном сознании нашего бессилия и мрака нас окружающего и есть его величие.
И мысль о нем, о его крестном пути, о муке его жизни поддерживала и вливала утешение в сердце Бжозовского в минуты тягчайших сомнений***; поддерживает и подкрепляет не одного из нас и теперь, когда внешне так много изменилось, а внутри длится та же борьба, что прежде.

Голос его не остался без отклика:

Столько сил в народе
Есть так много людей,
Пусть же в них дух твой вступит
И спящего пусть он пробудит.****

И Бог услышал молитву Выспянского: Бог разбудил не одного. Тысячи юношей с наслаждением бросали «своей жизни судьбу»***** и боролись за свободную Польшу.

Эта борьба еще не кончена.
Борьба за польский дух длится. И мы верим, что нас не оставит светлый дух Выспянского и что Бог услышит его горячую молитву и даст нам — «Польшу откровения».

«За Свободу!» 1923, №3

---

* Гимн св. Духу.
** «Освобождение», 2 акт.
*** Об этом Бжозовский пишет в «Легенде «Молодой Польши»».
****«Освобождение».
***** Песня легионовая.

Владимир Жаравин

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПОЛЬШИ В КИРОВЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Истории советско-польских отношений в различные периоды XX века посвящено много работ как отечественных, так и польских историков. Документы Государственного архива социально-политической истории Кировской области (ГОУ «ГАСПИ КО») и Государственного архива Кировской области (ГОУ «ГАКО») позволяют рассмотреть региональный аспект этой проблемы. Выявленные нами и вводимые в научный оборот архивные документы периода Великой Отечественной войны о поляках и польских гражданах, проживавших в Кировской области, позволяют на конкретных фактах и конкретных человеческих судьбах проследить политику советского правительства по отношению к Польше и ее гражданам, весьма изменчивую в тот период и неоднозначно оцениваемую в наше время.

С началом Великой Отечественной войны произошли значительные изменения в советско-польских отношениях. Правительство СССР официально признало правительство Польши, находившееся в эмиграции в Лондоне. Начались переговоры по различным вопросам. 30 июля 1941 г. было принято совместное советско-польское соглашение, где стороны брали на себя обязательство оказывать друг другу помощь и поддержку в войне против Германии. Вскоре стороны обменялись дипломатическими представителями. В СССР было открыто посольство Польши, находившееся, как и весь дипломатический корпус, в Куйбышеве (совр. Самаре). В свою очередь, по согласованию с Наркоматом иностранных дел СССР оно стало создавать свои представительства в различных регионах страны. В январе 1942 г. в Кирове было открыто польское представительство, т.н. Делегатура польска, которое взяло на себя защиту интересов польских граждан, проживавших в Кировской, Горьковской, Молотовской (Пермской) областях и Марийской АССР. Дело в том, что по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключении на территории СССР», на свободу из тюрем, лагерей, спецпоселков вышли тысячи поляков и лиц других национальностей (белорусов, украинцев, евреев, литовцев и др.), проживавших в Польше в 1939 году (на начало II Мировой войны и ликвидации польского государства). Многие из этих людей нуждались в социальной защите и материальной помощи.

Решением Кировского горисполкома от 14 января 1942 г. представительству Польши было выделено три комнаты в здании клуба пивзавода в Кирове по адресу Крестьянская ул. (совр. Блюхера), д.5.

Руководителем Делегатуры — представителем посольства был назначен Адам Висинский. 20 мая 1942 г. он направил письмо в Кировский облисполком со списком людей, работавших под его руководством. Всего в списке значится девять человек:

Висинский Адам — представитель посольства;
Слуцкий Тадеуш — секретарь;
Финк Шимон — завхоз;
Дубравский Эдуард — бухгалтер;
Петровский Сигизмунд — регистратор;
Кобринер Адам — врач;
Гитлин Бронислав — зав. складом;
Нурчинский Вацлав — помощник зав. складом;
Кончевский С. — экспедитор.

Тут же было указано, что Делегатурой выявлено проживавших в Кировской области 2666 поляков и польских граждан, в т.ч. по районам: в Мурашинском — 790, Нагорском — 450, Опаринском — 493, Слободском — 195, Бисеровском — 135, Зуевском — 126, Омутнинском — 105, Котельничском — 87, Даровском — 50, Санчурском — 40, Яранском — 25, в г. Кирове — 190. На протяжении войны их число менялось, и на 1 января 1944 года, по данным кировского историка В.Фоменковой (Фоменкова В. Варшава-Опарино. Поляки на Вятской земле в годы Великой Отечественной войны // Кировская правда, 1993, 6 апр.), их было 5116 человек.

Для работы с польским населением Делегатурой были назначены в районах свои представители — доверенные лица. Ими были:

Бисеровский район — Юрек Станислав;

Зуевский — Рейн Соломон;

Кировский и г. Киров — Лучкевич Адам;

Котельничский — Черняк Антон;

Мурашинский — Родевальд З., а после его смерти Гольдштадт Габриэль;

Нагорский — Завадский Михал;

Омутнинский — Ката Мартин;

Опаринский — Григайтис Антоний;

Санчурский — Дистлер Малгожата;

Слободской — Вуйцицкий Теофил;

Халтуринский — Эрлихсон Григорий.

Обязанности сотрудников Делегатуры и доверенных лиц были определены «Положением о представительстве посольства Польши в СССР».

Вся деятельность Делегатуры начиналась со сбора данных о поляках и польских гражданах, для чего доверенные лица раздавали анкеты следующего содержания:

Фамилия, имя, отчество.

Год и место рождения.

Национальность.

Место жительство в Польше.

Чем занимался в Польше?

Где живет в настоящее время?

Кем работает?

В каких условиях живет?

Сколько зарабатывает?

Как обеспечен одеждой?

Какое состояние здоровья?

Всем взятым на учет гражданам Делегатура оказывала материальную помощь, в первую очередь продовольствием и одеждой. В Кирове была организована межобластная польская база, находившаяся по адресу ул. К.Маркса, 130. Туда приходили гуманитарные грузы для польских граждан Кировской и близлежащих областей. Подчинялась она посольству Польши в Куйбышеве, и работавшие на ней люди входили в штат Делегатуры. С мая 1942 г. представительство посольства находилось на территории этой базы. Распределение товаров шло через доверенных лиц, которые раз в месяц получали их на всех проживавших в районах. Для удобства в ряде населенных пунктов, например на станциях Котельнич, Мураши, были организованы склады — филиалы польской базы. Иногда польским гражданам оказывалась и денежная помощь.

Польская Делегатура, как и все советские организации, оказывала помощь фронту. В 1942 г. представительство перечислило 5 тысяч рублей на Государственный военный заем 1942 года, за что получило благодарность от Кировского облисполкома. Известен случай, когда в поселке Опарино через доверенного Делегатуры А.Григайтиса была оказана помощь продовольствием эвакогоспиталю №14330. Наверняка были и другие подобные факты. Проводились работы и по направлению поляков призывного возраста через военкоматы в армию, в национальные формирования. Интересно, что польских граждан других национальностей в польскую армию не брали, несмотря на их желание служить именно в польских частях. Эта работа осуществлялась совместно с польской военной миссией в Котласе Архангельской области. Именно через нее поляки, проживавшие в Кировской области, попали в армию Андерса и воевали в ней.

Большинство поляков и польских граждан жили без постоянных документов, со справками об освобождении из мест заключения и ссылки. Решая эту проблему, Делегатура выдавала временные паспорта на польском языке с печатью представительства, подтверждавшие польское гражданство. Все это делалось официально, по рекомендации посольства Польши. Однако вскоре советские власти запретили это, а в 1943 г. обязали всех польских граждан получить советские паспорта, причем за отказ от их получения арестовывали.

Возможно, самым главным была моральная поддержка людей, оказавшихся на чужбине. Соломон Рейн рассказывал, что в 1942 г. он получил поздравление из польского посольства. Посол Теодор Ремер писал: «Хотя в этом году, к сожалению, не представляется возможности праздновать Рождество, в святочный вечер я всем сердцем соединяюсь с каждой польской семьей и каждым поляком в СССР в общем пожелании счастья и свободы для нашей родины и в надежде, что прежде чем кончится наступающий год, мы все вернемся к родным очагам. Шлю сердечные поздравления». Как доверенный Делегатуры, Рейн содержание этого письма довел до всех зуевских поляков.

Габриэль Гольдштадт рассказывал о своей работе в Мурашах: «Я систематически принимал в своем служебном кабинете польских граждан, обращавшихся ко мне за помощью. Они жаловались на свое плохое материальное положение, высказывали недовольство этим. Я использовал эти жалобы, говорил, что нам трудно жить в Советском Союзе, приходится выполнять непосильные работы, но нужно перетерпеть переживаемые трудности. О нас постоянно беспокоится польское правительство в Лондоне, что через некоторое время мы снова вернемся на родину. Что в будущей Польше для всех польских граждан будут созданы условия хорошей жизни. (...) Кроме того, я поддерживал религиозные чувства среди польских граждан, придерживался традиций религиозных праздников. Раздачу помощи приурочивал к этому времени. Так, в декабре 1942 года перед Рождеством я привез из Кирова и раздал продукты в увеличенном объеме и ассортименте. Для еврейского населения я сделал запас специального хлеба — мацы, употребляемой на Пасху. Этим я подчеркивал, что польское правительство в Лондоне заботится о своих гражданах».

Малгожата Дистлер рассказывала, что она помогала санчурским полякам установить связь с родственниками в США и Англии, посылая их письма через польское посольство.

Доверенные лица занимались и распространением литературы. В Киров приходила из Куйбышева «Газета польска». Количество экземпляров ее было ограниченное, поэтому ее только давали читать, потом собирали и отправляли дальше. Приходили посылки с католическими молитвенниками на польском языке. Антоний Григайтис один раз получил бандероль с 200 образками с изображением святых и малых молитв, отпечатанных в Лондоне. Все они были распространены среди опаринских поляков. Эти образки прислал о. Чеслав Грабский (1910-1985), капеллан военной польской миссии в Котласе. Он неоднократно приезжал в Киров, останавливаясь в Делегатуре, проводил богослужения для католиков. Известно, что бывал он в Мурашинском и Опаринском районах, куда приезжал по приглашению доверенных лиц Делегатуры.

Большое внимание польское посольство уделяло и воспитанию польской молодежи в патриотическом духе. В местах компактного проживания польских граждан было рекомендовано по согласованию с Наркоматом иностранных дел СССР создать польские дошкольные учреждения и детские дома. Первый такой дом Делегатура решила открыть в Опаринском районе. Туда выехал Адам Лучкевич, назначенный директором будущего детского дома. Вместе с Антонием Григайтисом, представителем посольства по Опаринскому району, летом 1942 г. они приступили к работе. Местные власти предложили здание в селе Молома. Там до этого размещался Путиловский детский дом, эвакуированный из Ленинграда. Из-за плохого материального положения этот детский дом перевели в Немский район, а здание пустовало. Лучкевич и Григайтис наняли рабочих, и начались ремонтные работы. Однако вскоре из-за ликвидации Делегатуры и реорганизации ее структуры все работы приостановили, а Лучкевича отозвали в Киров. Григайтису было поручено подыскать подходящее для детского дома здание в районном центре Опарино, что он и сделал. 12 ноября 1942 г. польский детский дом был открыт по адресу Колхозная ул., 20. О его открытии Антоний Григайтис послал телеграмму в польское посольство в Куйбышев: «Среди, казалось бы, непреодолимых трудностей удалось организовать центр молодого польского духа. Работали с чувством гражданского долга». Первым директором этого детдома была Наталья Ивановна Нимертович. Польский детский дом в Опарине отличался от всех детских домов области. Он был открыт и полностью содержался за счет средств, выделяемых польским посольством. Воспитатели, учителя и весь обслуживающий персонал были из поляков. В этом детдоме были не только дети, оставшиеся без родителей, но и имевшие их.

На 15 февраля 1943 г. в детском доме числился 31 воспитанник, 19 детей, «прикрепленных на обед», и семь человек обслуживающего персонала.

Примерно в то же время другой доверенный посольства Михал Завадский организовал польский детский дом в поселке Малая Дубровна Нагорского района, бывшем спецпоселке. В нем на 20 февраля 1943 г. числилось 89 детей.

12 февраля 1943 г. Кировский облисполком принял распоряжение №12 рс «О польских благотворительных учреждениях», которым в соответствии с распоряжением Совнаркома СССР от 26 января 1943 г. №1716-рс обязал передать оба польских детских дома областному отделу народного образования.

Антоний Григайтис рассказывал, что в феврале 1943 г. представитель Кировского облоно потребовал от него передать польский детский дом в ведение облоно. Антоний возражал, посылал по этому вопросу телеграмму в польское посольство в Куйбышев, но ответа не получил. На следующий день его пригласили к председателю Опаринского райисполкома, где были представитель облоно и начальник районного отдела НКВД. Григайтису пришлось согласиться на требование властей, но в протоколе передачи детского дома он сделал оговорку, что передает, не имея никаких разъяснений от польского посольства. После передачи некоторые родители забрали своих детей из детского дома. Хотя указаний от посольства не было, Григайтис продолжал снабжать детдом продовольствием.

Вместе с детскими домами советским организациям были переданы и созданные польским представительством дом инвалидов и столовая в Малой Дубровне и дом ветеранов в Мурашинском районе.

Польская Делегатура просуществовала в Кирове недолго. В июле 1942 г. она была закрыта, как и все другие, по решению Наркомата иностранных дел СССР. Представитель посольства Адам Висинский и ряд сотрудников были арестованы и обвинены в шпионаже в пользу Польши. Позднее Висинского как дипломата выслали за пределы СССР.

Доверенные лица продолжали работать и после ликвидации Делегатуры. Формально они стали напрямую подчиняться польскому посольству в Куйбышеве. Однако в основном они поддерживали связь с польской базой, которая продолжала действовать. Директор базы Юзеф Кутыба фактически стал посредником между доверенными лицами и посольством.

В 1943 году начался новый виток советско-польских отношений. После известия о катынской трагедии польское правительство заявило СССР ноту протеста и потребовало объяснений. Через некоторое время, 25 апреля 1943 г., СССР в одностороннем порядке разорвал дипломатические отношения с Польшей. Посольство ликвидировали; были сокращены и должности доверенных лиц на местах. Судьба большинства из них сложилась трагически: девять из 12 выявленных нами доверенных лиц польского посольства были арестованы в 1943-1944 годах. Пятерым из них: А.Григайтису, М.Дистлер, Г.Гольдштадту, С.Рейну, А.Лучкевичу — было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу Польши и антисоветской пропаганде. Четверым: Г.Эрлихсону, М.Завадскому, А.Черняку, М.Кате — только в антисоветской пропаганде. Были арестованы и директор польской базы Ю.Кутыба, и зав. складом базы Б.Гитлин. Им были предъявлены те же обвинения. Все получили сроки от 5 до 15 лет отбывания наказания в исправительно-трудовых лагерях. Все, кроме С.Рейна и Г.Эрлихсона, были реабилитированы сравнительно поздно: в 1989-2000 годах.

Интересно, что созданная Делегатурой система помощи польским гражданам продолжала действовать и после сокращения должностей доверенных лиц. Польская база в Кирове в июне 1943 г. была передана в ведение специально созданного управления Наркомата торговли СССР — Управления по снабжению поляков, эвакуированных из западных областей Украины и Белоруссии в тыловые районы СССР. В Кирове был создан аппарат Уполномоченного Наркомторга СССР, который занимался распределением товаров с участием комиссии содействия Кировского отделения Союза польских патриотов. База существовала в Кирове до марта 1946 г., когда началось возвращение поляков на родину в Польшу.

Владимир Сергеевич Жаравин — начальник отдела использования документов и автоматизированных архивных технологий ГОУ «Государственный архив социально-политической истории Кировской области».

Юдита Сераковская

ЧАЙНА-ТАУН ПОД ВАРШАВОЙ

Вулька-Косовская, скромная деревенька с населением всего 300 человек, расположена в гмине Лешноволя, в 20 километрах от столицы, на магистрали Варшава — Краков.

Когда в начале 90-х китайцы уверяли, что в Вульке появятся филиалы гонконгских банков и фирм, им никто не верил, а журналистов, окрестивших деревню «царицей подваршавских оптовых складов», уличали во лжи. И правильно делали: Вулька — не царица, а императрица, и не подваршавских, а европейских оптовых складов.

За последние пять лет на территории деревни разместилось почти 400 торговых фирм. В рейтинге привлекательности для бизнеса среди городов с населением менее 100 тыс. жителей Вулька занимает место сразу же после Сопота, обладающего всеми достоинствами крупного центра. Только в прошлом году здесь зарегистрировались 142 новые фирмы, так что скоро феноменальная деревня перегонит приморский курорт.

Если простой поляк о Вульке ничего не слышал (хотя с продающимися там товарами он имеет дело ежедневно), то оптовикам это место представлять не надо: там закупает товар большинство польских торговцев, предлагающих товар «made in China».

— Товары из Вульки продаются во всей Польше. Появляются и торговцы из-за восточной границы. Это хорошо видно по номерам машин, пробкам и толкотне, — говорит староста деревни Янина Томера.

Трусы по 75 грошей

Все началось летом 1992 года. Кучки зевак с интересом наблюдали, как из лимузинов выходят китайские бизнесмены и министр Яцек Куронь. В этот день в Вульке на несколько минут отключилось электричество. Староста побежал домой за генератором. Но кончилось всё благополучно: в фундамент торгового центра был заложен первый камень.

Компания «GD Poland Distribution Center» с гонконгским, польским и китайским капиталом быстро справилась со своей задачей. Спустя два года глазам жителей деревни предстал большой современный корпус Китайского торгового центра — крупнейшего оптового склада азиатских товаров в Центральной и Восточной Европе. Немного позже, в 2002 г., рядом появились еще два здания: турецкого (EACC) и вьетнамского (ASG) центров.

Названия эти довольно условны, так как, войдя в любой из центров, вы увидите мешанину разных национальностей и товаров — в основном китайских, вьетнамских, турецких, польских и индийских.

Каждый из центров Вульки занимает несколько гектаров. В каждом корпусе есть складские помещения, офисы, сотни боксов с товарами. Только в одном китайском центре их 650. В каждом боксе выставлен товар, главным образом одежда: трусы по 75 грошей, лифчики, галстуки или резиновые шлепанцы по 3 злотых, туфли — по 16. Разноцветный ценовой рай для оптовиков.

В углах вьетнамских боксов стоят маленькие алтари: статуя божества, благовония и какая-нибудь еда.

— Оптовая торговля перебралась сюда, в частности, со стадиона Десятилетия — в закрытые помещения с туалетами, мониторингом, охраной, Интернетом, бесплатными охраняемыми парковками, — расхваливает Вульку Тадеуш Валяшек, исполнительный директор фирмы «Семих», которая разработала проект EACC и вкладывает в него капитал.

Бизнес на самокате

Такой концентрации самокатов, как здесь, не найти больше нигде. На них разъезжают работники с товаром.

— Когда два года назад я приехал сюда устраиваться на работу, первым, что я увидел, была самопроизвольно движущаяся трехметровая башня из коробок. Только когда эти коробки проехали мимо, я обнаружил, что товар кто-то перевозит, — вспоминает Петр Невядомский из EACC.

На некоторых боксах висят объявления: «Приму на работу девушку». Я захожу и спрашиваю вьетнамца, нужна ли ему работница. Оказывается, уже нет. Пытаюсь узнать, что же я потеряла: работа с 8 до 16; если окажусь способной продавщицей —50-70 злотых в день на руки. При сопоставлении с носками по 10 грошей звучит заманчиво.

— В центре работает множество поляков, и никто не жалуется, — говорит староста Вульки.

— В гмине нет безработицы, наоборот, мне не хватает персонала — как бухгалтеров, кадровиков, так и разнорабочих, — говорит Валяшек.

— Расположение здесь удобное, есть канализация, коммуникации — все, что нужно для ведения торговли. Кроме того, у нас низкие налоги. С каждым годом бюджет гмины растет. В этом году он составляет 150 млн. злотых, 65% которых предназначены на инвестиции, — объясняет невероятное развитие Вульки Иоланта Батыцкая-Вонсик, войт Лешноволи. — Китайские предприниматели очень охотно идут на сотрудничество. Вместе с правлением гмины они не только занимаются дорожными инвестициями, но и организуют спортивные соревнования.

В секретариате ASG совещается вьетнамское начальство в черных костюмах.

— Я очень доволен тем, как идут дела, — говорит, не вынимая рук из карманов, Нгуэн Ван Танг, коммерческий директор ASG-PL.

В ASG преобладает одежда, но можно купить и бытовую технику, электронику, косметику, восточную еду и продукцию ремесленников, например фарфор, изделия из бамбука или тростника. Можно также попробовать вьетнамские и китайские блюда.

— Сюда приезжают все: поляки, китайцы, вьетнамцы, испанцы, — говорит Лю Пин, директор огромной столовой в китайском центре.

Гмина и центр планируют дальнейшие совместные инвестиции. По соседству с торговыми центрами строится большой турецкий микрорайон и школа.

— Феномен Вульки — результат хороших деловых и межчеловеческих взаимоотношений. Инвесторская культура (особенно у турецких и китайских бизнесменов) находится на весьма высоком уровне. Не жалуемся мы и на вьетнамцев, хотя нам несколько мешает их нелюбовь к эстетике. Но мы мобилизуем их, так что и это вскоре изменится, — говорит Батыцкая-Вонсик.

Кто кого изменит, неизвестно. Пока что польские и китайские дети вместе ходят в школу, где психолог учит малышей терпимости к другим культурам.

PRZE
KRÓJ

Нина Горланова

ПАНИ ЗОСЯ

Рассказ

В коридоре инсультного отделения я познакомилась с пани Зосей Залискевич.

Она лежала на той же кровати, на которой сначала лежала я. После меня перевели в палату (там освободилось место), а через шесть дней разрешили вставать. Дочери привезли мне два флакончика с маслами: одно освящено в часовне святой Ксении, а другое — у Толгской иконы Божьей Матери. И вот я стала мазать (с разрешения больных) крестообразно парализованные ноги-руки больных, приговаривая:

— И я здесь лежала, а вот видите — уже хожу. Скоро и вы пойдете ножками!

Вечером, когда я снова вышла в коридор, чтоб помазать больных, пани Зося взяла меня за руку и попросила позвонить ксендзу Анджею.

Постепенно я узнавала эту необычную, очень красивую, хотя и немолодую женщину. К тому же нас объединяла одна беда. Я получила инсульт из-за соседа-алкоголика (мы живем на одной кухне, и он часто избивает нас). А пани Зося получила инсульт из-за соседа по площадке, который уже два года не дает спать ни днем, ни ночью. Он стучит в стены соседей, дерется с домочадцами и терроризирует всех вокруг...

Тем не менее, несмотря на общность наших бед, история семьи пани Зоси не сразу была мне рассказана. За советские годы она привыкла скрывать свою фамильную линию.

Когда сталинские войска оккупировали часть Польши перед второй мировой войной, родителей пани Зоси — молодоженов Залискевич — выслали на Урал. Пани Зося сказала, что родилась в поезде, который увозил их семью на край Европы. Мама умерла родами. Папа через некоторое время женился второй раз. Если он приходил домой в слезах, значит, в этот день встретил кого-то из поляков. В такие вечера его жена всегда кричала на него. Уже в 1944 году его призвали на фронт. И скоро пришла похоронка. Мачеха сразу сдала Зосю в детский дом.

После семилетки Зося стала работать на заводе в Перми. Вскоре она вышла замуж за русского, но фамилию оставила польскую. В те времена почти никто так не поступал. Но гордая полячка, потерявшая в исторических бурях мать и отца, решила, что во что бы то ни стало сохранит хотя бы фамилию.

Когда во время перестройки в Перми открылся католический храм, пани Зося стала ходить на службы, выучила польский язык: по понедельникам службы идут на языке никогда не виданной ею родины.

В больнице ее через день навещали ксендз Анджей и две монашки. Всякий раз они приносили очень много фруктов, соков и сладостей. Дело в том, что пани Зося недавно овдовела,

Rys. Paulina Zielona

а ее сын стал инвалидом после взрыва на заводе.

Когда пани Зосю перевели в палату (освободилось место), ее стала навещать подруга, которая только что узнала про несчастье Зоси. Вдруг я заметила, что во время каждого обеда пани Зося не съедает ровно половину. Оказывается, она оставляет еду для подруги, у которой пенсия еще меньше!

Постепенно я все больше понимала пани Зосю и удивлялась ей. Ее волосы благородно подцвечены сиреневым шампунем. Она — несмотря на запрет врачей — каждый день с утра чисто-чисто промывает раковину, которая возле ее кровати. Когда я на прощанье привезла из дома свои картины, чтобы раздарить всем, больше всех меня поразила именно она — пани Зося!

— Ниночка, эта рыбка очень светлая, очень, но в жизни так много горя! А эта рыбка темная, глубоко в воде, но в жизни много света. Только вместе эти рыбки составляют гармонию. Можно, я возьму обе сразу?

— Конечно, пани Зося! И букетик выберите!

— Этот букет очень светлый, очень, но он немного легкомысленный, да? А вот этот на фиолетовом фоне — мрачноват, но наводит на такие высокие мысли! О том, что надо сопротивляться печали и всё такое. Вместе эти букеты очень гармоничны, можно их оба взять, Ниночка?

— Разумеется, пани Зося!

Еще она мне рассказала, что родственники мужа (фамилию не смею привести) пожимали плечами:

— Что это за фамилия такая — Залискевич? Не еврейская ли? А может, ты бендеровка?

И тогда Зося стала всем говорить, что у нее фамилия татарская. Почему-то все верили этому абсурду. Много десятилетий верили.

Пермь

Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

• 28 июля исполнилось десять лет со дня кончины Збигнева Херберта, одного из самых выдающихся польских поэтов XX века. Сейм объявил 2008 год Годом Херберта. Мероприятия, посвященные «Князю поэтов», продолжаются уже несколько месяцев.

Накануне десятой годовщины смерти автора «Господина Когито» и «Варвара в саду» варшавская Национальная библиотека подготовила мультимедийный спектакль «Херберт. Реконструкция поэта» с живой музыкой, исполняемой Лешеком Можджером и Робертом Пётровичем. Спектакль, в основу которого легла драма Херберта, написанная в 1958 г. для радио, стал кульминационным событием празднования Года Херберта. Спектакль поставил Мартин Либер из варшавского Нового театра, а сыграли в нем, в частности, Анджей Хыра, Ян Пешек и Майя Осташевская. Пьеса отсылает к античной традиции и вдыхает жизнь в миф Гомера. Херберт изложил в ней свою поэтическую программу и дал определение роли поэта в современном мире.

На трех экранах, установленных перед Дворцом Речи Посполитой на площади Красинских, демонстрировалась выставка «Господин Когито рассматривает в зеркале свое лицо». В нее вошли снимки выдающегося британского фотографа польского происхождения Криса Нидената, на которых представлена жизнь Польши в 70-80-х годах. Эти фотографии напомнили о топорной пээнэровской действительности, невеселом времени, в которое создавалась поэзия Херберта.

• «Музыка слов» — такое название получил Фестиваль Збигнева Херберта, прошедший в начале августа в Гдыне и Гданьске под почетным покровительством Катажины Херберт. На нем впервые прозвучало десять песен на слова поэта. В фестивале приняли участие исполнители из Польши, Англии, Франции, Греции и США. Зрители смогли послушать, в частности, такие стихотворения, как «Колеблющаяся Ника», «Послание пана Когито» и «Элегия на уход» на польском, английском, французском и греческом языках, положенные на музыку современными композиторами.

Это своего рода парадокс, так как Херберт не любил музыку и прямо об этом заявлял. «Он смеялся над композиторами и певцами. В одном из стихотворений он называл нас «орнаменталистами»», — сказал один из участников фестиваля, композитор Петр Мосс.

— Может, это было следствием того, что он какое-то время работал в Союзе польских композиторов, участвовал в организации «Варшавской осени» и сталкивался с радикальным авангардом? — размышляет другой композитор, Збигнев Козуб.

• Наконец-то интересная выставка в варшавском Национальном музее! — радуется рецензентка «Газеты выборчей». После долгих месяцев застоя, связанного с ожиданием нового директора, музей пробудился и позаботился о своих посетителях. «Это заслуга Дороты Монкевич, куратора собрания современного искусства Национального музея, которая в условиях хронического недофинансирования культурных учреждений не только нашла возможность систематически приобретать для музея произведения современных польских художников, но и смогла создать из них интересную выставку». Экспозицию под названием «Ориентиры» можно будет посмотреть до 30 сентября. На ней представлены более 40 картин 19 польских художников. Широкая публика впервые увидела полную коллекцию работ, которые вот уже 10 лет собирает Фонд собраний современного искусства, основанный варшавским Национальным музеем и фирмой «Гессел». Выставлены, в частности, работы Эвы Партум, Павла Альтамера, Томаша Цецерского, Катажины Козыры, Збигнева Либеры и Вильгельма Сасналя. Дорота Монкевич дополнила их более ранними произведениями

из собрания Национального музея, показывая таким образом, что современное искусство продолжает прежние художественные поиски. Отсюда — присутствие на выставке работ Генрика Стажевского, Владислава Стшеминского, Владислава Хасёра. Это занимательный урок современного польского искусства.

• Этим летом краковский Национальный музей организовал в Доме Шолайских выставку «Красота пришла ко мне... Войцех Вейс. Живопись белого периода. Анери Ирена Вейс. Живопись». Это попытка по-новому взглянуть на творчество одного из самых значительных художников периода Молодой Польши, который до сих пор ассоциировался в основном с декадентскими и катастрофическими настроениями конца века. Мы знакомимся тут с новым Вейсом — колористом и тонким интимистом. Как пишет куратор Уршуля Козаковская-Зауха, «этот стилистический переворот неразрывно связан с увлечением пейзажем, простиравшимся вокруг дома в Кальварии-Зебжидовской, а также с существенными изменениями в личной жизни Войцеха Вейса, в которой появилась любимая жена Ирена (Рени, Анери) — благодарнейшая модель и муза зарождающегося нового искусства». Художник наслаждается изменчивостью света и цвета. Картины становятся неестественно светлыми, появляется компонент белизны, особенно заметный в пленэрных опытах. Работы Вейса, относящиеся к «белому периоду», дополнены творчеством его жены Анери, выпускницы варшавской Художественной школы. На выставке представлены портреты ее кисти, жанровые сцены, но прежде всего пейзажи. Выставка, организованная при участии Фонда краковского музея Войцеха Вейса и Виляновского дворца, закрылась 31 августа.

• До 14 сентября в Варшаве будет открыта выставка «Десятилетие Валенсы — 1980-1989, или Почему рухнула Берлинская стена». Ее центральный экспонат — сделанный 31 августа 1980 г. крупноформатный снимок Леха Валенсы, который объявляет собравшейся перед Гданьской судоверфью толпе о конце забастовки и создании свободных профсоюзов. На экспозиции представлены и несколько десятков других фотографий, отображающих события на верфи, а также плакаты, призывающие участвовать в выборах 1989 г. и голосовать за «Солидарность».

— Лех Валенса — символ перемен 80-х годов. Без него история Польши и всего мира пошла бы иначе. Если бы не август 80-го, история коммунизма, вероятно, выглядела бы по-другому, может быть, более кроваво, и Берлинская стена не рухнула бы. Мы хотим напомнить, что история падения коммунизма началась не с падения Берлинской стены, а на Гданьской судоверфи в 1980 году, — подчеркнул на открытии выставки Войцех Боровик, руководитель Группы по делам строительства Музея коммунизма.

• Издательство «Чительник» выпустило долгожданный первый том переписки Ежи Гедройца (1906-2000) с Чеславом Милошем (1911-2004) за 1952-1963 гг., подготовленный Марком Корнатом. Том насчитывает 800 страниц! Оба автора, исполины польской культуры, были яркими личностями, поэтому в их переписке неоднократно встречаются споры, разногласия и расхождения во мнениях, а также своего рода конфликт интересов. Редактор «Культуры» быстро оценил масштаб творчества Милоша, но, будучи «человеком политики», хотел использовать столь блестящее перо для актуальной публицистики. Поэт, ясное дело, восставал против подобного рода заказов. Кроме того, он хотел, чтобы «Культура» стала чисто литературным журналом, менее связанным с текущими политическими событиями.

Первое письмо будущего нобелевского лауреата, написанное в начале 1952 г., — это благодарность за гостеприимство. В доме «Культуры» он нашел пристанище, когда (в то время он был на дипломатической службе) решил распрощаться с «Народной Польшей», покинул польское посольство в Париже и поселился в Мезон-Лаффите.

«Встреча Гедройца и Милоша — это столкновение двух принципиально разных личностей, — пишет в «Газете выборчей» Анджей Франашек. — Гедройц в глазах писателя — это живой памятник, к тому же властный и уверенный в собственной правоте (...) Милош, в свою очередь, менее уверенный, подверженный влияниям — что в глазах Гедройца было равнозначно слабости. «Это прекрасный ум, но слабак, как все интеллектуалы», — язвит он».

Взаимных колкостей тут много, но немало и уважения, симпатии. В вышеупомянутом первом письме Милоша — во многих отношениях необычном — есть такой фрагмент: «Помните, я знаю, что под той шкурой, которую Гедройц носит на лице, кроется множество внутреннего тепла и любви — а ведь Вы, дорогой мой Ежи, знаете, что, несмотря на весь мой сарказм и иронию, я только этого ищу и перед этим преклоняюсь».

Впереди еще два тома этой почти полувековой переписки. Всего более тысячи писем.

• И еще из «гедройцианы». Люблинское издательство Университета им. Марии Кюри-Склодовской опубликовало обширную подборку публицистики из двух редактировавшихся Гедройцем довоенных журналов — «Бунта млодых» и «Политики» (1931-1939). Сборник называется «Планы, предостережения, надежды», а составили его Ежи Ярузельский и Рафал Хабельский. В свою очередь библиотека «Вензи» издала книгу Хабельского «Куда нам надлежит идти? Ежи Гедройц: от «Бунта млодых» до «Культуры»». Обе эти книги напоминают о том, что Гедройц всегда был «человеком политики» и всегда умел собрать вокруг себя блестящих авторов. В обоих упомянутых журналах публиковались размышления на тему важнейших проблем тогдашней Польши (в т.ч. еврейского и украинского вопросов). Публицисты молодого поколения — братья Адольф и Александр Бохенские, Ксаверий и Мечислав Прушинские, Станислав Свяневич, Стефан Киселевский — выступали за усовершенствование и усиление государства, а также за модернизацию внутренних отношений, особенно национальных.

• «Свят литерацкий» издал двуязычный сборник стихов Анны Ахматовой «Мне молчание стало домом» в подборке и переводе Збигнева Дмитроцы, поэта, сказочника, сатирика и драматурга.

• В августе исполнилось 70 лет популярной (в том числе и в России) актрисе Беате Тышкевич, известной, в частности, своими киноролями Марии Валевской («Марыся и Наполеон») и Изабеллы Ленцкой в экранизация «Куклы» Пруса. На счету Тышкевич, которую критики называют «польской Софи Лорен», «первой леди польского кинематографа» и «Катрин Денёв Востока», несколько теле- и более 100 киноролей. Она играла в польских, а также в немецких, венгерских, советских и французских фильмах. Актриса относится к своему творчеству сдержанно. «Я сыграла в ста с лишним картинах, а довольна разве что пятнадцатью минутами», — призналась она. В театре Тышкевич выступила лишь дважды: в «Карьере Артура Уи» на сцене варшавского Современного театра (1962) и в спектакле «За реку, в тень деревьев» в театре «Атенеум» (1964). «Я слишком ленива, а театр требует адовой работы. Подумать только, что Даниэль Ольбрыхский сыграл Гамлета 450 раз... От одной мысли об этом я почти теряю сознание», — сказала она в одном из интервью.

На вопрос «Газеты выборчей», останется ли незыблемой ее позиция в России, она ответила: «Незыблемая позиция — это у Путина. Там есть поколение, которое выросло вместе со мной. В 60-70-х годах мы были для них окном на Запад. Сегодня это чистая абстракция, но в СССР наши фильмы считались весьма смелыми. Нужно вспомнить советские и польские фильмы тех лет: наша девушка раздевалась, показывала ноги, и они сходили с ума. «Пепел и алмаз» показывал метания, которых в советском кино не было, — мы заполняли эту брешь. В СССР я сыграла только в трех фильмах, а они считают, что я провела там полжизни. Мне часто доводилось быть там членом жюри на международных кинофестивалях. Самым ценным из всего, в чем я снялась в СССР, мне кажется фильм Кончаловского «Дворянское гнездо»».

— В России потрясающе воспитанные люди, — добавляет звезда польского кино. – Я никогда не сталкивалась с нахальством фотографов или журналистов. Они никогда не скажут «Беата» — только «пани Беата». Эта дистанция нужна им, а не мне.

• После масштабной исторической «Катыни» Анджей Вайда начал съемки нового фильма, на этот раз очень камерного. Это будет экранизация рассказа Ярослава Ивашкевича «Аир» — история стареющей женщины, живущей воспоминаниями, скучающей и одинокой при вечно занятом муже-враче. Встреча с молодым мужчиной заста-

вит Марту снова почувствовать себя женщиной. Она снова вспомнит, что такое любовь и даже физическое влечение. Как это часто случается в прозе Ивашкевича, Эрос будет побежден Танатосом. История закончится драматически.

«Аир» создается по сценарию, написанному Вайдой и известной писательницей Ольгой Токарчук. Авторы включили в историю Ивашкевича мотивы из рассказа ценимого в Польше венгерского писателя Шандора Мараи (1900-1989). Главную роль сыграет Кристина Янда, а ее молодым партнером будет американский актер польского происхождения Павел Шайда. Проект кажется многообещающим. До сих пор встречи Вайды с прозой Ивашкевича («Березняк», «Барышни из Вилько») были весьма удачны в художественном плане.

• Кшиштоф Занусси снимает черную комедию под названием «Сердце на ладони». Один из ее героев — больной мультимиллионер с Востока (его играет Богдан Ступка), ожидающий сердца молодого кандидата в самоубийцы. Почему олигарх должен быть именно из-за восточной границы Польши? В интервью «Тыгоднику повшехному» режиссер объясняет это так: «Я чувствовал, что польские олигархи слишком цивилизованны — я не смог бы над ними смеяться, потому что в такие шутки никто бы не поверил. Поэтому нужный мне тип нажившегося нувориша я позаимствовал на Востоке».

На вопрос о России, которая в таких фильмах, как «Груз-200» или «Водитель для Веры», восхищает и пугает, Занусси отвечает: «Россия сегодня на распутье — в очень интересном историческом моменте. Посмотрим, какой вариант развития она выберет. Православный консерватизм не слишком влияет на современную цивилизацию, поэтому нужно найти новую формулу. Модернизация России — это большая загадка».

При случае режиссер жалуется на бездумье потребительского общества, интеллектуальные и эмоциональные горизонты которого определяют телесериалы. Разочаровала его и российская публика: «Когда недавно я показывал в Москве мой итальянский фильм «Il Sole Nero» («Черное солнце»), я услышал, что это полный анахронизм. Анахроничной показалась россиянам как Сицилия, где разворачивается действие фильма, так и совершенная любовь. Я узнал, что ее уже не существует. Никто из зрителей в такую любовь не верит. Сегодня трудно играть «Ромео и Джульетту». Если Джульетта умерла, то и так всё в порядке — есть ведь и другие девушки. Это печально».

В новом фильме Занусси помимо Богдана Ступки сыграет плеяда молодых актеров, известных в основном по телесериалам. Сыграет также неоднозначная польская секс-бомба под псевдонимом Дода — не слишком похожая на шекспировскую Джульетту.

• В мире культуры нынешнее лето стало порой многочисленных прощаний. Ушли из жизни: Юзеф Шайна (85 лет) — известный художник, скульптор, сценограф и режиссер, одна из важнейших фигур в истории польского театра; Войцех Скальмовский (74 года) — литературный критик и эссеист, профессор иранистики, многолетний сотрудник парижской «Культуры» (писал под псевдонимом Мацей Бронский) и «Тыгодника повшехного» (тут он выступал как Петр Мейнерт); Петр Лазаркевич (54 года) — режиссер, сценарист и продюсер (в частности, фильмов «Контрапункт», «Я люблю кино»; незадолго до смерти успел закончить свой последний фильм «0-1-0»); популярный актер театра и кино Венцислав Глинский (87 лет); Халина Выродек (62 года) — актриса, одна из главных фигур «Погребка «Под баранами»», исполнительница знаменитого гимна «Погребка» «Наша молодость». Умерла также профессор Анна Свидерек (83 года), выдающаяся специалистка по античной культуре, переводчица, филолог-классик и библеист. Среди самых важных ее книг — «Когда пески заговорили по-гречески», «Эллада королей», «Семь Клеопатр» и состоящий из нескольких частей цикл «Беседы о Библии».

• На Мокотовском поле в Варшаве появится «Тропа Рышарда Капустинского», прокладываемая там, где в самом деле гулял великий репортер. Благодаря снимкам и цитатам можно будет пройтись по следам автора «Цезаря», по его биографии и творчеству. Тропа будет кончаться у дверей в Национальную библиотеку, где можно ознакомиться с произведениями Капустинского (около 300 изданий почти 30 книг), в том числе и в переводах на 21 иностранный язык.

Ига Ныц

БРИГАДЫ БАРБАРЫ БРЫЛЬСКОЙ

Россия, как когда-то СССР, стала раем для польских актеров

Барбара Брыльская

Еще до недавнего времени тот, кто мечтал об эффектной, впечатляющей карьере, паковал чемоданы и летел за океан. Так поступили Катажина Фигура, Иоанна Пакула, Лилиана Коморовская. Другое дело, что там наши актеры терялись в толпе коллег, которые тоже прибывали с разных концов света. Молодое поколение, наученное неудачами старших, вспомнило об успехах, которых их предшественники добивались в Советском Союзе. Поэтому новое и модное направление, сулящее замечательные перспективы, — это Россия.

Российский Голливуд

Барбара Брыльская, Даниэль Ольбрыхский, Эва Шикульская и Беата Тышкевич — все они по сей день остаются в России звездами первой величины. Когда в России задают вопрос о самых популярных поляках, участники опросов называют Брыльскую перед Иоанном Павлом II, Шопеном и Лехом Валенсой. Ежегодно под Новый год по телевидению показывают «Иронию судьбы», а газеты бьются за интервью с актрисой. В 2007 г. появилось продолжение этой популярной картины — «Ирония судьбы. Продолжение». Конечно же, там не могли обойтись без Брыльской. Не меньшей популярностью пользуется и Даниэль Ольбрыхский, который даже был приглашен в частную резиденцию президента Владимира Путина. В России этот актер по-прежнему профессионально активен. Недавно он вел популярное реалити-шоу «Империя», где выступил, в частности, заместитель председателя Думы Владимир Жириновский. Ольбрыхский сыграл одну из главных ролей в боевике «Турецкий гамбит» (2005), который в течение первой недели проката заработал 12,5 млн. долларов.

Российский кинорынок, еще десять лет назад переживавший глубокий кризис, — это ныне будущее мировой кинематографии. Продажа билетов выросла с того времени в 27 раз. «Российская киноиндустрия располагает огромными деньгами, замечательными операторами, а спецэффекты находятся на феноменальном уровне», — считает Михал Жебровский, который в 2007 г. сыграл в блокбастере «1612». Сходного мнения о состоянии российской кинематографии придерживается и Даниэль Ольбрыхский: «Это изменение связано с повышением жизненного уровня. Появляется все больше людей, которым вполне по карману потратить 10 долларов на билет в кино. Еще несколько лет назад в громадной стране было всего лишь несколько мультиплексов, сегодня их несколько сот. Кино стало поистине массовым развлечением. Это приводит к тому, что индустрия развивается, бюджеты растут, а актеры зарабатывают больше».

В 2007 г. отечественное кинопроизводство принесло России миллиард долларов, и только в одной Москве было произведено триста фильмов. Гигантская, 140-миллионная зрительская аудитория позволяет тамошним кинематографистам не беспокоиться по поводу зарубежных рынков.

Преемники Брыльской

В России существует спрос на польских актеров, потому что симпатии к поколению Брыльской все еще живы. Поэтому молодежь решила повторить успех предшественников и штурмует Москву. В звезду первой величины начинает там вырастать Каролина Грушка, которую уже сегодня сравнивают с Беатой Тышкевич. Актриса варшавского Национального театра признаётся, что в России у нее все время спрашивают о Брыльской и Тышкевич. Грушка играет там в сериале «На полпути к сердцу». До этого она выступила в фильме «Русский бунт» и в белорусско-российской картине «В августе 44-го...». Сейчас она закончила съемки в новом фильме Ивана Вырыпаева, создателя нашумевшей «Эйфории». В «Кислороде» актриса сыграла главную роль. И уже поступают очередные предложения. Грушка признаётся, что скорее переселится в Москву, чем в Голливуд.

Рядом с Грушкой в «Русском бунте» сыграл Матеуш Даменцкий. Фильм Александра Прошкина основан на прозе А.С.Пушкина. «Я очень тепло вспоминаю работу на съемочной площадке в России, — говорит актер. — Там царил полный профессионализм, а размах предприятия был куда больше, чем при производстве фильмов в Польше. Я не задумываясь принял бы следующее предложение из России», — заявляет актер. Даменцкий попал в число исполнителей случайно. В польском посольстве в Москве режиссер увидел какой-то журнал с фотографией актера времен сериала «Матери, жены и любовницы», после чего пригласил его на кастинг. Грушка и Даменцкий взяли верх над сотнями российских кандидатов и получили главные роли. Это вызвало немалое замешательство, потому что к «Русскому бунту» там относились примерно так же, как у нас — к экранизации «Пана Тадеуша».

Гетман Жебровский

Рекорды популярности бьет в России и Михал Жебровский, который в конце 2007 г. выступил в самом крупном российском историческом блокбастере «1612». Бюджет кинофильма, повествующего о Смутном времени (его продюсером по заказу Кремля был Никита Михалков), составил свыше 10 млн. долларов. Жебровского режиссеру Владимиру Хотиненко рекомендовал Кшиштоф Занусси. Это первое выступление актера в России, но рецензенты были восхищены игрой поляка, и тогда же посыпались новые предложения. «Летом, — сообщает актер — я начинаю сниматься в следующем фильме — с русским режиссером, который уже 20 лет работает в Голливуде».

Rys. Paulina Zielona

На восток ездит все больше выпускников театральных и киношкол, потому что начинающих актеров с берегов Вислы на «Мосфильме» принимают охотно. Правда, им дают лишь небольшие, малозначительные роли, но это все равно намного больше, чем то, чего они могут достичь на старте у себя на родине или в грезящейся им Америке. «Не могу припомнить, — говорит Даниэль Ольбрыхский, — чтобы какой-нибудь европейский актер со времен Греты Гарбо сделал в США ошеломляющую карьеру. У них там сколько угодно собственных превосходных артистов, и в импорте они не нуждаются. Между тем в России по-прежнему питают симпатию к польским актерам и фильмам, на протяжении многих лет они находились под огромным влиянием польской кинематографии».

Лех Кочивонс

РАДОСТЬ ИГРЫ

«Группа МоЦарта»

В шутку можно сказать, что, когда музыканты струнного квартета не в состоянии усидеть на месте, получается игра, развлечение, инструментальное кабаре. Время от времени они вспоминают, каким серьезным делом заняты, и тогда оказывается, что к серьезности можно вернуться, сыграть великолепно обработанный двойной ре-минорный концерт Баха, а то и самого Моцарта, в конце концов покровителя их группы, причем вовсе не случайного. Название ансамбля: «Группа МоЦарта» — как бы подмигивая* — придумал Эдвард Миколайчик, который пригласил музыкантов принять участие в программе «На халяву» на телевидении «Канал+». Однако при более близком знакомстве оказывается, что зальцбургский маэстро все-таки для них очень важен. От него они взяли тонкость, некую непривычную в наше время сдержанность и культуру художественной экспрессии, безмятежное настроение. Из этой стилистики ничуть не выпадает пародия на «Маленькую ночную серенаду» — великолепный пример нешаблонного мышления Филипа Ясляра, Михала Сикорского, Павла Ковалюка и Болека Блащика. У них ценится идея, ассоциация — даже парадоксальная. И чем более нетипичная, тем лучше. Складывается впечатление, что в голове у этих музыкантов, выпускников консерваторий в Варшаве и Лодзи, музыка не подразделяется на стили или жанры. В любую минуту какой-нибудь мотив может нарушить стабильность музыкального развития, «помешать» ему.

«Группа МоЦарта» расправляется с тем, что сделалось в классике серьезным только в силу закрепившихся стереотипов. И они, как когда-то в своей песне бард и актер Войцех Млынарский, используют «Менуэт» Боккерини для неслабого развлечения. «Издеваются» над Вивальди. Но цитируют и мотивы из телевизионных сказок для детей, послевоенные польские шлягеры Владислава Шпильмана, песни Северина Краевского. Музыканты «Группы» придерживаются важного принципа: не нагонять тоску. Поэтому то, что они делают, напоминает калейдоскоп: не успеем нарадоваться одной сценке, а уже появляется следующая. Причем этот переход часто происходит поразительным и незаметным образом. Слушатель, зритель убежден, что это уже конец, а тем временем кто-нибудь из музыкантов замирает, прожигает коллегу взглядом, и начинается новый акт всеобщего веселья. Сценки могут быть индивидуальными или коллективными. В коллективных мы видим, как прекрасно артисты понимают друг друга.

Принцип внесения разнообразия — сегодня своего рода архаизм. Его цена словно бы возросла в эпоху, когда стала больше цениться повторяемость (ostinato) музыкального или словесного материала. В этом смысле «Группа МоЦарта» революционна. Она предлагает слушателю, привыкшему к ежедневной порции поп-культуры, оторваться от безразличного восприятия звука, и вовсе не с помощью все более и более сильных стимулов, а весьма скромными средствами, можно сказать — традиционными. Максимум выразительности на малом пространстве. Вспоминается искусство пантомимы. Быть может, когда-нибудь дело дойдет до встречи «Группы МоЦарта» с Вячеславом Полуниным? Можно сказать, что над деятельностью «Группы» витает дух петербургских «Лицедеев». В «Группе МоЦарта» чувствуется что-то детское. Ее участники получили в руки «игрушки»-инструменты и развлекаются с ними в соответствии с инструкцией, но эта игра быстро им надоедает, и тогда

* «Группа МоЦарта» по-польски называется «Grupa MoCarta», притом что Моцарт по-польски, разумеется, не транскрибируется, а пишется так же, как по-немецки: Mozart. Само это слово «МоЦарта» можно понять как «сила, мощь (польск. moc) арта (т.е. искусства на «международном» языке»)». — *Ред.*

они начинают выдумывать свои несусветные истории. Никто же не сказал, что скрипку, альт и виолончель надлежит использовать только классическим способом. Обращаться со струнным инструментом как с ударным или как с реквизитом — отнюдь не новость. Так давно уже происходит в современной музыке, особенно в инструментальном театре. Сам инструментальный театр пошел, однако, больше в направлении эксперимента, связанного главным образом с применением электроники. «Группа МоЦарта» любит свои акустические «игрушки», а из современной моды на искусственно извлекаемый звук способна сделать отличную забаву, играя, например, темы популярных звонков сотовых телефонов. Однако влияние инструментального театра здесь вполне очевидно. «Группу МоЦарта» можно назвать инструментальным кабаре. У наблюдателей нет сомнений, что эти артисты любят свои инструменты, что они для музыкантов — самое главное. В некоторых сценках создается впечатление, что исполнители выступают именно с целью показать их несокрушимую красоту и очарование. В процессе получения образования музыкант не только учится играть, но еще и сживается со своим инструментом. Особенно это касается т.н. струнников. Когда наблюдаешь за «Группой МоЦарта», сразу вспоминаешь взгляды Юрия Янкелевича на преподавание игры на скрипке: применяй правила, но помни, что окончательные решения зависят от тебя самого и от твоих предрасположенностей. Наш квартет импонирует как раз этой согласованностью между телом, инструментом и эффектами игры. Хорошая школа!

«Группа МоЦарта» — это еще и кабаре. Артистическое кабаре. Сатира у них носит «мягкий» характер. Они никого не оскорбляют, ни над кем не издеваются. Может быть, это и способствует популярности группы в сегодняшней Польше? Они очень умные наблюдатели, а к слушателю и зрителю относятся с уважением. Зачем, к примеру, оценивать явление — достаточно попросту показать. Тогда мы видим, как артисты полностью меняют кожу и становятся... хип-хопниками из варшавского микрорайона. Выводы — уже дело зрителя, слушателя. То, над чем группа смеется, адресовано широкой публике, но не забывают они и о своих коллегах-музыкантах. Некоторые сценки могут особенно живо воспринять музыканты с оркестровой практикой. Репетиции, концерты предоставляют массу материала, на который можно посмотреть подмигивая. К этому и призывает «Группа МоЦарта»: покончим с напыщенностью, высокопарностью официальной концертной жизни. Если какое-то сочинение написано давно, это еще не означает, что оно памятник. А если музыкант опоздал вступить, — это еще не причина краснеть, как свекла. Музыка должна приносить радость. Так, например, как Бобби МакФеррину, с которым «Группа» выступала. Ей совсем не обязательно быть источником соперничества («Скрипичные гонки»!).

Какой вид принимают у «Группы МоЦарта»музыкальные цитаты? Легче всего было бы ответить: веселый. Разумеется, они подвергаются деформациям. Возникает впечатление, что музыканты в состоянии даже сыграть вальс на четыре четверти и марш — на 12 восьмых. Они пользуются неожиданной паузой, ферматой, сменой ритма и метра. Часто сочинение открывается «нормально», а по ходу исполнения начинает что-то твориться: кто-нибудь из музыкантов принимается играть «индивидуальную роль», которая целиком и полностью изменяет ход дела. Это непредсказуемо и производит впечатление импровизационной свежести. А в другой раз они пользуются своей излюбленной формой попурри, которая часто выступает как связующее звено между сценками.

Возникшая в 1995 г. «Группа МоЦарта» с самого начала была связана с телевизионными каналами. Особенно с Польским телевидением. Хотя она явление уникальное, но группа охотно «встроилась» в польскую стихию кабаре. И быстро стала его украшением. Музыкантам помогает необычайное трудолюбие. Они очень много концертируют. В том числе и за границей — в Европе и Азии. А в Польше выступают и с самостоятельными программами, и с ведущими артистами эстрады, и с разными кабаре, особенно с теми, которые выросли из студенческого театрального движения. Это уже ветераны, старше «МоЦартистов», но их объединяет с «Группой» восприятие действительности, сходный тип восприимчивости.

Существует еще память о Виолончелисте. С нею «Группа МоЦарта» живет с 2000 года. Тогда погиб Артур Ренион (его заменил Болек Блащик). Но для «Группы» он по-прежнему жив. Создается впечатление, что все ее замыслы осуществляются с мыслью о нем. Артур — это кто-то больше, чем покойный коллега. Он — невидимый добрый дух, покровитель ансамбля. Они знают, что своей деятельностью исполняют его волю, что где-то там, в незримом пространстве, тот играет свои пассажи, словно Петр Акимов — свои «Безобразия», и сливаются с Артуром в самой искренней молитве звуков.

Магдалена Гайл

ДВА ПУТИ В РАЙ — ДВЕ ХАЙНУВКИ

Женский вокальный ансамбль «Аккорд» филологического факультета Белостокского университета

Легенда о киевском князе Владимире и его посланцах, которые были так потрясены красотой богослужения в константинопольском храме св. Софии, что перестали понимать, на земле они или уже в раю, имела отношение и к нынешней восточной Польше. Более того — имеет и сейчас: то, что православное богослужение, неотделимое от церковного пения, воспринимается как приближение к вратам небесным, как посещение обители Божией, можно ежегодно ощутить в Хайнувке под Белостоком (некогда под Волковыском). С 1982 г., всегда в мае, здесь проходит Международный фестиваль церковной музыки «Хайнувка». Этот провинциальный городок близ Беловежа притягивает к себе любителей церковной музыки разных вероисповеданий, причем из самых отдаленных уголков Польши: редактор белостокской редакции Польского радио, освещающий это мероприятие с самого начала, то есть уже 27 лет, постоянно встречает здесь некую пани Улю из Нижней Силезии. А одна супружеская пара из Сопота надеется приехать сюда через год уже в тринадцатый раз — разве что роковая цифра посеет у супругов сомнение: наверняка ли?..

Парадоксально, но, приезжая в Хайнувку, они в каком-то смысле бросают прежний фестиваль. Это вынужденная неверность: в 2002 г. фестивалю отказали в помещении, предопределившем его исключительный характер, и из прежней столицы церковного пения фестиваль со своим оргбюро, логотипом, рекламой и жюри переехал в столицу воеводства. Он по-прежнему называется «Хайнувка». Но теперь фестивалей два — две «Хайнувки»: Международный фестиваль церковной музыки «Хайнувка» и Хайнувские дни церковной музыки, тоже международные.

История фестиваля

Фестиваль в Хайнувке задумали в 1981 г. как исполнение колядок, с замыслом проводить его каждую зиму. Военное положение, введенное 13 декабря 1981 г., отодвинуло его рождение: фестиваль перенесли на пасхальное время и изменили его форму. Он открылся как Хайнувские дни церковной музыки в середине мая 1982-го. Первый конкурс проводился в деревянной церкви, с трудом вмещавшей слушателей. На следующий год фестиваль проходил уже в только что открытом Троицком соборе, выстроенном по проекту профессора архитектуры Александра Григоровича. Фрески по образцам поздневизантийской живописи XIV века (времен последней династии Палеологов) выполнил греческий мастер Димитрос Андонопулос. Силуэт церкви, соединяющий современность в стиле Корбюзье с традициями древнерусских столповых храмов, помещен на логотипе фестиваля.

Поначалу в фестивале принимали участие приходские хоры Белостока и окрестностей. Со временем стали приезжать хоры из более отдаленных приходов, и тогда фестиваль стал называться Всепольскими днями церковной музыки.

По странному стечению обстоятельств, провозвестником превращения фестиваля в международный стала та же Финская Церковь, в которой снизу началось реформирование православной иконы. В 1987 г. на фестивале выступил финский хор из Коуволы, приехавший в паломничество на священ-

ную гору Грабарку; в его репертуаре были церковные песнопения на финском и греческом языках. С 1991 г. Всепольские дни церковной музыки не только приобрели международный статус, но и стали называться Международным фестивалем церковной музыки «Хайнувка».

С самого начала организацией фестиваля занимается директор хайнувского Дома культуры Миколай Бушко в сотрудничестве с православной Церковью. Он сразу оговорил, что фестиваль носит светский характер, и для властей ПНР это послужило доводом разрешить его проведение. Действительно, среди исполнителей всё чаще появлялись светские хоры — любительские и профессиональные, расширялась также география фестиваля: за прошедшие годы на нем выступили свыше 500 хоров из 30 с лишним стран, в том числе из Индии, Кении, Грузии, США. Наибольшей популярностью пользуются коллективы из Польши, России, Болгарии, Греции, Молдавии, Сербии и с Украины.

С 1995 г. по решению министерства культуры и искусства фестиваль стал (и оставался, пока не разделился) одним из трех самых известных в мире польских музыкальных мероприятий, «конкурируя» с фестивалем современной музыки «Варшавская осень», который проходит с 1956 г., и насчитывающим ныне уже 81 год Шопеновским конкурсом.

Проведение XX фестиваля оказалось под вопросом: новый митрополит Савва (глава Польской Православной Церкви. — *Ред.*) отказал ему в благословении и не разрешил использовать не только традиционное помещение — Троицкий собор в Хайнувке, но и любую другую православную церковь. С 2002 г. фестиваль разделился на два, которые можно определить как «канонический», по-прежнему проходящий в соборе в Хайнувке, и «неканонический», или «прóклятый», который переехал в Белосток и проводится в местной филармонии (в настоящее время — Подлясская опера и филармония). На помощь к «изгнанникам» поспешил Кшиштоф Пендерецкий, взяв над ними почетное покровительство, что обеспечило фестивалю статус международного. Имя Пендерецкого особенно важно: он не только один из самых знаменитых польских композиторов нашего времени, но и один из тех, кто в своих сочинениях обращается к православной музыке, черты которой можно обнаружить в его самых новаторских звуковых построениях. О репутации нового фестиваля в Белостоке свидетельствует и то, что на нем звучат монографические концерты композиторов, создающих современную церковную музыку: Джона Тавенера, Кшиштофа Пендерецкого и связанного с фестивалем со времени его III конкурса Ромуальда Твардовского, постоянного председателя жюри.

Международный фестиваль церковной музыки, сохраняющий свою высокую репутацию, два года назад отметил свое 25-летие и теперь называется «Музыка поющей души». Однако трудно подсчитать, сколько же лет на самом деле исполнилось Хайнувским дням церковной музыки: для одних это некий клон известного на протяжении четверти века мероприятия, для других — единственное его законное продолжение, имеющее право на финансирование от властей.

Обоим фестивалям предрекали крах, хотя бы с финансовой точки зрения: они делят между собой средства, публику и участников. С другой стороны, одновременное их существование доказывает, что либо они нужны оба, либо, вопреки намерениям организаторов, фестиваль по-прежнему один, но как бы в двух разных формах вследствие различия принципов.

Две формы

Церковь обвиняла фестиваль в неканоничности многих исполняемых сочинений, которые якобы не соответствуют духу молитвы; обвинениям подверглась и современная музыка, не богослужебные сочинения.

Самым сильным аргументом было свободное истолкование богослужебных текстов и использование инструментов (например концерт Коптского хора из Египта в 2000 году).

В 2006 г., объявляя результаты «канонических» Хайнувских дней церковной музыки, председатель жюри митрофорный священник Леонтий Тофилюк, под началом которого работает школа иконописи в Бельске-Подлясском, объяснил, что наиболее желательный репертуар — это литургические формы: стихиры, каноны, икосы. Доминирует, таким образом, традиционный репертуар — духовные концерты Рахманинова, Чеснокова, Архангельского, Бортнянского. Приветствуется одноголосное пение, например знаменный распев, называемый иногда «литургией молчания» (после 700 лет существования он

исчез на 300 лет, исполнялся только у старообрядцев), который сегодня возрождается вместе со своей нотной записью, ради чего появляются новые издания; в этом стиле поют монахини из монастыря Преображения Господня на горе Грабарка, которые довольно часто гостят в Хайнувке.

Цель, которую Церковь ставит фестивалю, — мотивировать и поддерживать приходские хоры, особенно из провинции, чтобы повысить уровень богослужебного пения. Есть и другая цель: продемонстрировать наличие в Польше религиозного меньшинства (в прошлом польская Церковь была частью русской) и национальных меньшинств (от самых многочисленных до самых малочисленных: украинцы, белорусы, русские, лемки, бойки — вместе они составляют, по всеобщей переписи, около 1% населения Польши). В Хайнувку стремятся попасть даже совсем небольшие хоры, работающие вдали от крупных культурных центров. Они неплохо исполняют народные религиозные мелодии или менее сложные многоголосные сочинения. Хоры состоят, как правило, из рядовых пожилых мирян. Регенты у них — обычно те, кто старше всех по возрасту или дольше всех поет в хоре и еще помнит работу регентов, обучавшихся когда-то в школах псаломщиков, существовавших в Кременце и Яблочной. Их репертуар необычайно интересен: это и мелодии, которые пели их предшественники, и мелодии, иногда передававшиеся изустно и потому претерпевавшие видоизменения. Поэтому в них много региональных наслоений — отсюда и возникли мелодии: подлясские, супрасльские, хелмские и галицкие.

Цель «прóклятого» фестиваля «Музыка поющей души» — это популяризация церковной музыки как таковой. Поэтому он выглядит более универсальным. Например, в этом году фестиваль включился в празднование 75-летия Кшиштофа Пендерецкого: на открытии прошлогодний лауреат, хор «Вильнюс» из Литвы, исполнил его «Иже херувимы». Во время сопровождавшего фестиваль показа фильмов, документирующих «белостокскую Хайнувку», был показан любопытный репортаж: хор Подлясской филармонии под управлением Мартина Наленч-Несёловского исполняет в Петербурге «Заутреню» Пендерецкого.

Чтобы было как прежде

Разделение фестиваля произошло недавно, поэтому организаторы обоих фестивалей зачастую испытывают нерешительность, как будто тоскуют по прежнему разнообразию единого мероприятия. Примеры возникающей в связи с этим непоследовательности можно было заметить в этом году. В программе «неканонического» фестиваля преобладал репертуар, который Церковь считает каноническим: Чайковский, Бортнянский, Чесноков, Архангельский. В связи с исполнением «Всенощного бдения» Архангельского в день открытия (тоже в исполнении хора «Вильнюс») в «Фестивальной газете» появились два, отчасти повторяющих одну и ту же информацию, текста об авторе, в том числе написанный православным священником Ежи Шурбаком, членом жюри конкурса. В свою очередь среди отмеченных призами коллективов «канонического» фестиваля оказался любительский хор «Вартенбергерские канторы» («Wartenberger Kantorei»), исполняющий песнопения на немецком языке, в частности Эрнста Пеппинга, видного представителя протестантской музыки. «Отче наш» из Немецкой мессы Шуберта, исполненный немцами на концерте лауреатов, тоже прозвучал как протестантский хорал. Среди выступлений приходских коллективов событием стало выступление хора «Мариавита» старокатолического костёла мариавитов из Доброго под Лодзью (занявшего второе место в этой категории). Этому хору, обычно поющему в сопровождении органа, пришлось преодолеть особую сложность и научиться исполнению a capella — церковная музыка как будто «учила» мариавитских хористов больше заботиться о дикции и чистоте созвучий...

Оба фестиваля отличает весьма широкий охват — это результат наработанного за четверть века опыта популяризации подобного рода искусства, общего для обоих. Хоры, участвующие в обоих мероприятиях, выступают с концертами в других городах. Организаторы записывают их исполнение и затем продают в виде кассет и компакт-дисков на следующий день. Таким образом, диск с записью концерта лауреатов готов еще до его начала. Торжественный концерт, завершающий Хайнувские дни церковной музыки в Троицком соборе, повторяется в Белостоке, в церкви св. Софии, которая не только названием напоминает о знаменитом храме в Константинополе. Любители церковной музыки мечтают, чтобы оба фестиваля вновь объединились, чтобы всё было как прежде — тогда им не пришлось бы выбирать между одними небесами и другими.

Наталия Май

БЕЗУПРЕЧНОЕ ЗЕРКАЛО

(Размышления о книге, посвященной русско-польским проблемам)

«Как много связывает Россию с Польшей! Как много разделяет эти две страны!..» — вот основная тема книги Алексея Петрова.

Тема сложная, тема больная, тема неисчерпаемая. Об этом писали, пишут и будут писать. Русские и поляки — они и похожи, и непохожи... Казалось бы, братья-славяне должны тянуться друг к другу, у них столько общего — и родственные языки и близость культур. Однако с поляками (по мнению некоторых европейских писателей, самым талантливым из славянских народов, хотя то же самое можно сказать и про русских) мы исторически до такой степени не дружны, что это стало предметом серьезных исследований, россказней, анекдотов.

Вот классик наш Достоевский, сам отдаленный поляк по отцу, если и показывает персонажей-поляков в «Братьях Карамазовых», то как неприятных, заносчивых, недоброжелательных, мелких людишек. Тогда как русских у него можно упрекнуть в чем угодно, но не в мелочности (как говорится, «широк человек» — выражение Дмитрия Карамазова). Русские герои Достоевского способны на самопожертвование, самобичевание, в то время как поляки задирают нос, упиваются ощущением своего мнимого превосходства и по любому поводу демонстрируют обидчивость, доходящую в своих проявлениях до карикатурности. Понятно, что эти черты характера можно встретить у представителей любой национальности. Но в массовом восприятии в нашей стране у людей сформировался определенный образ поляка. Выражение «польский гонор» вошло в обиход. И в то же время часть нашей интеллигенции (так называемые «западники», в отличие от славянофилов) всегда тянулась к польской культуре, любила ее особый, тонкий меланхолический колорит, романтизировала в своих фантазиях образ угнетаемого своим славянским собратом народа. Для нас традиционна и полонофилия, и полонофобия (главным образом у убежденных православных славянофилов, которые католичество воспринимали в штыки и считали поляков и частично украинцев перебежчиками, изменившими великой идее православного единства славянских народов).

Интересно было бы почитать польских классиков: а как у них выглядят русские? Или «москали». Есть определенный стереотип восприятия «русского медведя» за границей — пьянство, лень, неряшливость, грубость. Образы русских в польской литературе — это может стать предметом отдельного исследования. Возможно, рядом с изысканными воспитанными благородными польскими панами нет-нет да и «блеснет» невежеством, дурными манерами, неуважением к правам и свободам польского народа какой-нибудь русский увалень.

Вот, кстати, один из примеров. Фаина Оржеховская в своей книге «Шопен» иллюстрирует такой стереотип восприятия, высмеивая его:

«— Иду я сегодня утром по нашему мостику, что возле церкви, гляжу — навстречу мне москаль. Стал, как баран, и не дает проходу!

— Ага! — заметил Фридерик и раздул ноздри.

— Ой, — воскликнула Изабелла, — как же ты угадал!

— Чем же все кончилось? — с улыбкой спросил хозяин, — кто из вас уступил?

— Уж, конечно, не я! — Пан Букацкий негодующе фыркнул.

— Этот москаль не глуп. А почему ты думаешь, что он москаль?

— А как же! Зол, упрям, заносчив!

Улыбка сошла с лица Шопена.

— Ты же оказался упрямее и заносчивее, пан Викенций! И что за манера охаивать всю нацию! Вспомни, что о поляках говорили. И говорят!

— Ты потому так рассуждаешь, — отозвался пан Букацкий, сложив толстые пальцы, — что сам ненастоящий поляк! Французский дух из тебя еще не выветрился!

Дети притихли. Фридерик перестал рисовать. Хозяин помолчал минуту, подавляя вспышку гнева. Потом спокойно сказал:

— Я не люблю похваляться, пан Викенций! Но мы знаем друг друга давно: когда началась битва за Польшу, один из нас сражался за нее, и это был не ты! Вспомни, что ты делал тогда!

Пан Букацкий помнил: он не выходил из дома, а накануне восстания уговаривал Шопена «не ввязываться».

— Поройся в памяти и скажи самому себе: кто из нас двоих настоящий поляк?»

Эта сценка в семье Шопенов описана еще в советские времена, когда открыто демонстрировать враждебность народов было не принято. Тем не менее совсем обойти эту тему Оржеховская не могла.

Оказывается, это мы — упрямые, заносчивые. А мы так о поляках думали!

Но легенды, мифы в межнациональных отношениях есть всегда. И тем полезнее их разрушать. Одно дело — озвучивать эти легенды друг о друге в шутку, в душе зная им цену, другое — свято им верить или использовать наше несходство менталитетов и политических целей, как всегда это делалось. Отношения между странами — национальные, политические, исторические мифы и реальность. Об этом книга Алексея Петрова, повествующая о российско-польских отношениях за последние 500 лет.

В ней собран огромный материал — только список использованной литературы насчитывает 62 источника. Приведены разные точки зрения — как исступленных националистов, верящих в правоту только своего народа, политических спекулянтов, так и исследователей, стремящихся к объективности. А также, что самое главное, в книге сквозь все наслоения звучит голос простой человечности, желания созидать, а не разрушать. Нужна большая деликатность, непредвзятость, душевная чистота, чтобы смело затронуть такую тему, как межнациональная рознь, и никого при этом не обидеть. А эта книга обидеть не может.

Автор определяет жанр как «документальную прозу». Он действительно пишет о себе, о событиях, которые произошли в его жизни и в жизни его друга, польского писателя Эдварда Куровского. Русский автор Петров знает польский язык, много лет переводит польских прозаиков на русский язык, вырос на Украине (а ведь когда-то часть ее была частью Польши), всегда тянулся к польской культуре. Польский автор Куровский в детстве жил в России, учился в русской школе и всю жизнь с ностальгией вспоминает эти годы — соседей, бывших одноклассников и учителей, первую любовь. Несколько раз он приезжал в Тамбовскую область, встречался с друзьями. Это было еще до приезда в эти места Алексея Петрова.

И вот главный герой (сам автор) поселился в Мичуринске Тамбовской области, стал работать врачом, писать книги, заниматься переводами.

Узнал о Куровском как о местной достопримечательности, прочитал его книгу воспоминаний о России «Высокое небо», как раз о тех местах, куда приехал Петров. Она хранилась в единственном экземпляре у друга Куровского, филолога, не владевшего русским языком. Тогда Алексей Петров взялся за перевод этой книги, ее опубликовали в районной газете в одиннадцати номерах и прислали автору в Варшаву. Так познакомились и подружились Петров и Куровский.

Книга повествует о том, как Эдвард Куровский приехал в гости к русскому литератору, а затем — Алексей Петров посетил своего польского друга в Варшаве.

В названии «Полонез» (торжественный танец-шествие) зашифрована главная мысль книги — это именно шествие, которое автор предлагает читателям: по городам и селам Тамбовской области, по Варшаве, по Кракову, по разным страницам истории Польши и России. Структура книги показалась мне очень удачной. Кинематографический принцип чередования кадров — сцена в России, сцена в Польше. Мичуринск, Варшава, снова Мичуринск, снова Варшава и так далее. Россия глазами Куровского, Польша глазами Петрова. Таким образом сочетаются принципы построения и художественного произведения, и исследовательско-просветительского (много цитат, исторических экскурсов). Проза «документальная» в том смысле, что всё реально, но описаны события и впечатления не день за днем, месяц за месяцем, а как в романе — время свободно перемещается то вперед, в 2000 год, то назад, в 1999-й. В конце — эпилог: общение главных героев через четыре года и надежда на новую встречу.

Читатель с помощью автора имеет возможность в своем воображении гулять по улицам городов и сел Тамбовской области, посещать музеи, встречаться с краеведами и узнавать о таких выдающихся личностях, как Мичурин, Голицын и многие другие, чья жизнь и деятельность была связана с этими местами, много нового. А затем — перемещаться в Варшаву и узнавать о польской столице всё, что узнал о ней автор. Описано это настолько живо, ярко, наглядно, что воспринимается очень легко и естественно и не забывается. Возникает полное ощущение, что вы просмотрели многосерийный документальный фильм «История нашего края» о Тамбовщине и «Музеи польской столицы» с видами, описаниями и историческими экскурсами. Книга иллюстрирована хорошими качественными фотографиями. Но главное ее достоинство — умение автора рассказать о картинах, замках, залах, музеях, улицах, рынках так, что вы всё это видите. И фотографии здесь играют роль лишь дополнительного материала.

Вот, например, польские впечатления: «Заходим на передний двор Королевского замка, то есть на Пляц Замковы [Плац Замковый]. Справа — замок, слева — аккуратные, игрушечные какие-то, крытые красной черепицей дома Старого города. На краю площади примостились столики уличного кафе под большими красными зонтиками.

Делаю еще несколько шагов и замираю в восхищении: впервые в жизни вижу самого настоящего шарманщика. На нем черная шляпа-котелок, белая рубашка с короткими рукавами, красный галстук-бабочка, бежевая жилетка, темные бриджи и белые гольфы. Интеллигентная седая бородка-эспаньолка завершает колоритную картинку. Шарманка зеленая, расписанная яркими узорами. Рядом — лоток с сувенирами и стеклянная урна с надписью «Брось на счастье» (нужно кинуть туда монетку), а над урной — клетка с большим зеленым попугаем. Всё это хозяйство установлено на тележке, шарманщик изредка переезжает с места на место. Мы подходим ближе. Шарманщик стоит на самом солнцепеке у стен Королевского замка, ждет зевак. Бросишь в щель монетку — и завертит ручку шарманщик, запоет его инструмент, напомнит о чем-то добром, печальном, что-то детское, светлое всколыхнется в душе, и замрешь, прислушаешься, почувствуешь теплую волну радости в своем оттаявшем сердце...

Достойные друзья,
не спорю с вами я;
старик-шарманщик пел
не лучше соловья
Но тронет рукоять —
и верьте, что порой
он был самостоятельнее,
чем король.

Не о таком ли шарманщике написала свое стихотворение Новелла Матвеева?»

Яркое впечатление и не менее яркое описание — тут же выстраивается ассоциативный ряд: переклички с русской культурой. А в рассказах о Польше — это лишь эпизод наряду с другими, более красочными и более захватывающими. В «польской» части книга представляет собой подробный путеводитель по Варшаве, частично по Кракову (в России их трудно достать) и «экскурсии» в прошлое — в переломные, знаковые исторические точки пересечения русско-польских интересов.

А вот «русская» часть книги. Так автор описывает картину художника Герасимова, музей которого находится в Мичуринске Тамбовской области: «Перед нами торжественно распахиваются двери в персональный зал для «незаконченной» картины Герасимова «Баня». Большой холст в подчеркнуто строгой раме висит на противоположной стене, и его замечаешь сразу. И уже оторваться не можешь, потому что это выполнено подлинным мастером. Это даже не живопись, во всяком случае не реализм... Это гиперреализм! Словно увеличенное цветное фото из глянцевого журнала. Лавки, шайки, ковши, веники. В окна пробивается мутный дневной свет и падает на влажные доски пола, которые усыпаны мокрыми березовыми листьями. И все пространство холста занимают женские обнаженные фигуры. Одна женщина сидит на лавке лицом к нам и поливает себя сверху из шайки. Другая, чуть наклонившись вперед, повернулась к нам спиной. Третья, поджав под себя одну ногу, смотрит куда-то в сторону.

Все женщины, как на подбор, полноватые, грудастые, лоснящиеся. Или скажем скромнее: написаны в характерной рубенсовской манере. Но никакого стыдливого умалчивания, никаких тебе полотенцев и простыней или будто бы ненароком выставленных коленок и локотков, которые прикрывали бы то, что обычно скрыто от мужского глаза. Все выполнено с точностью до морщинки, до волоска, до складочки жира. Ни одного излишне яркого диссонансного пятна. В легком полумраке бани женские тела словно светятся. Преобладает, вот именно, телесный цвет. Я все понимаю: можно, если постараться и долго этому учиться, точно изобразить женскую грудь, растрепанный березовый веник или влажную лавку. Но как написать пар в женской парной — так, чтобы зритель поверил и принял безоговорочно? Герасимов сумел это сделать».

Одно из главных достоинств книги — такого рода «литературная живопись», способность словами передавать зрительные образы так, что они порой кажутся выразительнее, многограннее тех, что запечатлены на фотографиях.

Лично мне «мичуринские» впечатления были не менее интересны, чем варшавские. Мы привыкли к блеску и красоте столичных музеев и старинных кварталов. А вот написать с любовью о российской глубинке, рассказать о ней столько интересного — задача не из простых. И автор с ней справился.

В книге проводится аналогия — современная картина русской провинции и Тамбовщина в XIX — начале XX века. В далеком прошлом — музыкальная деятельность Голицыных (знаменитая переписка с Бетховеном, о которой писал Ромен Роллан, как выяснилось из книги Алексея Петрова, не зная всех деталей взаимоотношений Голицына и Бетховена), подвижническая деятельность ученого Мичурина, первый сельский книгоиздатель Рахманинов, история создания козловского театра, кулачные бои и их законы, быт Козлова в прошлом, история некоторых церквей Козлова, пушкинские корни в провинции. А в настоящем — восстановление церквей, создание музея Голицыных, провинциальный поэт В.Михин, провинциальный историк театра и литературы В.Андреев, провинциальная (по-настоящему) школа в глубинке Тамбовщины (село Казинка) с двумя музеями, музыкально-литературный праздник-фестиваль в честь книгоиздателя Рахманинова, памятник создателям первого русского флота. (Обо всем этом в книге подробно написано.)

Читаешь и думаешь: а какова дальнейшая судьба этого духовного потенциала в России? Будет ли ему поддержка? Найдут ли усилия энтузиастов понимание у властей и у своих современников в наше трудное время? Музей в Мичуринске создают добровольцы, по собственной инициативе очищают здание-реликвию, которое было совсем недавно детским приютом, спортдиспансером, вытрезвителем; тем не менее сегодня в этом музее никого нет — лишь редкие чудаки туда забредают. Тщательно и честно работающий художник Хабаров не пользуется должной популярностью и явно не процветает, не «гремит» со всех стенок вагонов метро. Музеи-школы в Казинке тоже созданы самими учителями и их учениками. Вот она — духовная эстафета, которую приняли от своих выдающихся земляков-предков современные деятели культуры и жители русской глубинки.

Главная тема книги — русско-польские отношения. Мы узнаём многое и о жизни поляков — помимо туристических восторгов, здесь есть и непосредственные впечатления от общения с людьми, диспуты о политике и истории с поляками, обращение ко многим книгам, посвященным Речи Посполитой, русско-польским культурным контактам и политическим конфликтам с Россией, взаимным территориальным и прочим претензиям. Есть описание интересного эпизода из жизни самого автора — он снялся в документальном фильме на эту тему. Встречался с Москве с поляком Романом Баром, бывшим заключенным, ветераном Армии Крайовой, который был арестован НКВД после войны с Гитлером. Об истории этого человека, а так же об Армии Крайовой, Армии Людовой и сложных взаимоотношениях с СССР во время II Мировой войны в книге сказано очень много.

Подкупают теплые отношения, которые сложились у русского писателя Петрова с польским писателем Куровским и его современниками, специалистами по славянской культуре. Но отношения художников и политиков наших стран — это разные вещи. Культуры взаимно притягиваются, Пушкин любил Мицкевича, Мицкевич — Пушкина. Вместе с тем у них были разные политические взгляды. Мицкевич, возможно, сказал бы, что у Пушкина имперское мышление и желание подавить свободолюбивый польский народ, а Пушкин мог бы назвать Мицкевича сепаратистом. В истории наших стран чего только не было: то Польша хотела завоевать Россию и отбирала часть территорий, то Россия дела-

ла то же самое с Польшей. Но, видимо, причины разногласий не только в амбициях государственных деятелей. Наше культурное родство, взаимная любовь к литературе, музыке, живописи друг друга не означает сходства менталитетов народов. А это важно. Есть страны, которые тоже насильственно были завоеваны нами или мы — ими, но нет у наших народов взаимного отторжения. Не пишут в таком количестве книги, статьи в журналах и газетах, не снимают фильмы, не рассказывают анекдоты о том, как мы и, например, болгары враждуем друг с другом. Нет такого!

В чем причина? В национальной несовместимости (не на уровне общения одного поляка и одного русского, это не показатель, а на уровне целых поселений, групп людей)? К французам, например, поляки всегда куда больше тянулись, их вообще называли самыми «западными» из славян (причиной тому и религия, и их тяга к западной культуре). Можно привести примеры как положительные, так и отрицательные. При желании — попытаться доказать как то, что наши народы хорошо уживаются вместе, так и то, что это не так. Но важнее — действительно беспристрастный взгляд, желание докопаться до истины. Книга Алексея Петрова — это как раз объективный анализ всего, что нас соединяет и разделяет. Этим она и ценна. Как зеркало, максимально точно отражающее реальность. Без искажений. Не преувеличивая и не преуменьшая.

Ведь у России были, и есть, и, возможно, будут проблемы во взаимоотношениях не только с Польшей и Украиной, но и с другими народами, с бывшими прибалтийскими республиками, например. По телевизору несколько лет назад была передача: известный эстрадный певец, которого у нас в советские времена буквально на руках носили, рассказывал, что любовь советской публики ему на родине «выходила боком». Его презрительно именовали «кремлевский соловей», это во многом испортило ему карьеру и жизнь на родине. Ему как будто бы «мстили» за то, что он ездит сюда и здесь его любят. В восприятии властей и граждан своей страны он почему-то выглядел предателем. И, рассуждая на эту тему, он сказал одну важную вещь: менталитет у нас разный, даже если послушать песни, которые поем мы в компании и под хмельком, и песни, которые поет его народ... Сразу видно, что мы непохожи. Я думаю, что такое понятие как «национальный менталитет» — это все же не миф, в этом есть доля правды.

И интересно сейчас, когда больше не существует государства СССР, нет Российской империи и многие народы получили свою долгожданную свободу, посмотреть: изменило ли это их отношение к нам? Если внимательно почитать книгу, «пилюля свободы» оказалась не так уж сладка. Перемены пошли не только во благо, они и больно ударили по целым слоям населения, целым профессиям, той же культуре, которой всегда гордились энтузиасты и патриоты. Мы теперь почти не видим польских фильмов, а они — наших, мало знаем об их актерах, они — о наших... зато везде Голливуд. Даже в переписке Алексея Петрова с Галиной Янашек-Иваничковой обсуждается импортная кинопродукция, ни о наших, ни о польских фильмах и речи нет. Ведь это печально... От долгожданных демократических перемен наши народы не только выиграли, но и проиграли... Чего больше — плюсов или минусов — в нынешнем положении дел, рассудят потомки. Но факт, что отношения между людьми наших стран стали теплее. Не политиков, не националистов, не журналистов, не ура-патриотов... людей — мирных, часто аполитичных. Взаимного раздражения поубавилось.

Хотя ответы на многие из вопросов, наверно, еще впереди.

Книга «Полонез по-русски» — о славянских легендах, о наших общих культурных корнях, о том, что над нами — высокое небо... славянское небо. «Высокое небо» — так называется книга Куровского о России, переведенная с польского языка Петровым. С нее все и началось.

Надеюсь, что голос художника Алексея Петрова для вас прозвучит.

Алексей Петров. Полонез по-русски, или Заграница.pl.ru. (М:, МИА, 2006, тир. 500 экз., 388 с.).

Наталия Май, 1973 г.р., закончила Московскую государственную консерваторию имени П.И.Чайковского по специальности «музыковедение». Член Союза писателей России с 2003 года. Автор преимущественно пьес, пишет также прозу, сказки, сценарии художественных фильмов и телесериалов. Книги были изданы в издательствах «ЭКСМО», «Терра», «Новости», «У Никитских ворот».

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Прекрасная поэма Ярослава Ивашкевича «Азиаты» заканчивается вопросом, который может выглядеть утерявшим злободневность: «Так неужели только тогда и будем богаты / Знаньем — узнав, европейцы мы или всё-таки азиаты?» (пер. А.Базилевского). Сегодня выхода нет: мы европейцы (хоть каждый желающий может, разумеется, открывать в себе другие корни — в демократической и всё более либеральной Европе это никому не воспрещается). Зато открытым остается вопрос, какие мы европейцы. Причем в нынешних дискуссиях — в отличие от тех, что шли у нас в 80-е годы, прежде всего в подпольной и эмигрантской печати, — акцент сдвинут с культурных вопросов на политические. Однако продолжает подниматься вопрос специфики восточно- или центральноевропейского самосознания в его соотношении с Западом. Используя модный сегодня жаргон «колониального дискурса», один из вопросов, встающих всё время, особенно в правой риторике (о качестве ее не говорю), — страх замены московского господства брюссельским.

Этот страх стал фоном вопросов, которые ставит Анджей Новак в статье «Граждане, потребители, европейцы», опубликованной в **«Европе»** (еженедельном приложении к **«Дзеннику»**, 2008, №30):

«Должна ли Польшу заменить Европа? Должны ли мы рассматривать европейский проект, открытые к западу (но не к востоку!) границы, возможность наших сограждан легально зарабатывать деньги в Англии или Ирландии, учиться в немецких, французских, английских университетах — должны ли мы рассматривать всё это как первую ступеньку к построению новой лояльности, в которой мы почувствуем себя лучше, чем в старом польском «захолустье» Или же участие в этом проекте мы рассматриваем скорее как надежду на то, что Польша укрепится, а не «растворится»? Видим ли мы еще какое-то будущее для Польши, хотим ли мы его? Или же смиряемся с ролью периферийного региона Европы? Вот ось расхождения во мнениях, которая, на мой взгляд, сегодня особенно существенна. Тот же спор идет и в других странах Европы и так же, как в Польше, глушится. Следует ли и нам этот спор «разрядить»? Может, все-таки стоило бы рассмотреть аргументы, которые в нем звучат. Для того чтобы увидеть линии расхождений, вместо того чтобы сглаживать их. Одни аргументируют так: Польша слишком слаба, чтобы самой справиться с глобальными вызовами на новой карте модернизации и политики XXI века. Объединенная Европа еще способна бороться за свою субъектность на этой карте, соперничая с Китаем, Россией, Индией, арабским миром и даже США. Таким образом, речь идет о традиционном патриотизме борцов за независимость, только перенесенном с неспособной исполнить его реальные требования Польши на более широкое сообщество, к которому мы относимся по цивилизации, т.е. на Европу. Однако у такой позиции есть свои слабые пункты. Во-первых, здесь всего лишь перенесена логика соперничества, конфликта с национального на более высокий уровень — цивилизации или континента. Это явно не выход из «национализма», но попытка найти для него новый объект. Притом попытка, отягощенная огромным риском неудачи — прежде всего потому, что Европа не возбуждает такой эмоциональной связи, какую в некоторых случаях (Польша, Франция, Англия) создали века национальной общности».

Да, но и эта аргументация довольно сомнительна. Эти национальные связи всё ж таки, подходя к делу исторически, сравнительно новы: идея национального государства в современном смысле слова возникла на рубеже XVIII-XIX веков. Да и трудно в этом случае говорить о «национализме» — речь скорее идет об общности ценностей, особенно касающихся таких сфер, как общественно-политическая жизнь, о принципах созидания общности. Наверное, они нуждаются в переопределении, но в евро-атлантической цивилизации это тоже не новость, необходимость же этого переопределе-

ния вытекает из довольно приземленных обстоятельств: ни одно из традиционных национальных государств Европы не самодостаточно и не способно в одиночку устоять перед вызовами глобализации. Впрочем, это тема для отдельной дискуссии. Вернемся к статье Новака:

«Европейский патриотизм слаб, европейский демос по-прежнему не существует. Окажется ли чувство отождествления с Европой настолько сильным, чтобы успешно ее защищать? Чтобы со-творить для нее — как это было во времена христианского единства Европы — великие произведения? Сторонники европейского проекта как инструмента решения польских проблем используют еще один, весьма серьезный аргумент. В объединенной Европе окончательно исчезнет призрак Польши, зажатой между Германией и Россией. Германия останется сердцем Европы, а не Миттель-Европы; Россия же не справится с таким большим ломтем, как весь Евросоюз. Однако разве мы не замечаем вполне ощутимых сигналов того, что Германия тоже ищет своей независимости, своей субъектности, своего исторического и политического облика — в специфическом флирте с неоимперской Россией? Может, Евросоюз — это только всё более слабая ширма, за которой кроются интересы ее самых сильных членов?»

Что же, каждое, пусть самое малое сообщество ищет свой особый облик и по-своему определяет свои интересы, что можно увидеть хотя бы в трудностях Бельгии, последнее время стоящей перед угрозой распада страны (кстати, может быть, как раз внутри Евросоюза такие процессы создания автономных провинций в рамках сообщества более крупного, надгосударственного станут общераспространенным явлением?). А вышеназванный флирт с Россией? Я не очень-то вижу, как бы этот флирт мог преобразоваться в устойчивый союз без разрушения европейских структур. Но, возможно, у меня недостаточно развито политическое воображение. Одно я помню: Конрад Аденауэр, продвигая концепцию объединенной Европы, хотел тем самым создать механизм, защищающий континент от немецкого самоволия.

И еще один отрывок из рассуждений Новака:

«Спор здесь, однако, отнюдь не заканчивается — только начинается. Ибо для других его участников Европа вовсе не какая-то новая империя, которая должна более успешно бороться за свои (то есть отчасти и наши, региональные) интересы или же защищать свой европейский, то есть отчасти наш облик на глобальной межцивилизационной арене. Нет, для многих влиятельных глашатаев веры в Европу она должна заменить не только Польшу, но и весь традиционный политический порядок. Она должна стать постполитическим творением. И должна также не иметь никакого традиционного самосознания и облика, а спецификой обладать — лишь благодаря своей постсовременности, позволяющей ей широко открываться навстречу «другим». (...) Однако проблема с этой картиной состоит в том, что те, кто находится вовне оной утопии постсовременности, совершенно ее не понимают, а только используют в своих вполне традиционных играх — как это делают Россия Путина—Медведева, мир исламских фундаменталистов, США, КНР. Такая Европа не обеспечит своим гражданам защиту. В лучшем случае — на некоторое время — защиту от действительности».

Я лично не сомневаюсь, что Анджей Новак тоже помещает себя вовне оной утопии — даже понимая ее, — ибо он так привык к правилам традиционных игр, что не в состоянии верно пользоваться правилами игр новых. Это, однако, не значит, что он прав, — значит всего лишь, что его картина действительности далека от воцарившегося сегодня положения вещей. Разведкой этого положения вещей, но с другой точки зрения попытался заняться Дариуш Скурчевский в статье «Комплекс(ы) среднеевропейца», опубликованной в катовицком ежеквартальном журнале **«Опции»** (2008, №2). Статья посвящена творчеству Анджея Стасюка. Автор пишет:

«Кто ты, если ты живешь в стране на берегах Вислы (а точнее — Вислока*) и не чувствуешь себя до конца европейцем, готовым с полной убежденностью объясняться в своей европейскости? Ответ поражает и провоцирует: реликт западного империализма. Читатель таких книг Анджея Стасюка, как «По дороге в Бабадаг» и в точности рифмующееся с нею «Фадо», найдет в них немало типичных знамений постколониальных обществ: травму иностранной гегемонии, бремя эконо-

* Анджей Стасюк живет и работает в местечке Воловец в Низких Бескидах, на берегу горной реки Большой Вислок. — *Пер.*

мического недоразвития, пессимизм, пассивность. Это только часть комплексов, составляющих комплекс, а то и целую сеть комплексов неполноценности, из которой эти общества пытаются выбраться. Неполноценности, разумеется, по отношению к Западу, ответственному за колонизацию покоренных территорий и ее далеко идущие последствия. (...) Колониализм обычно ассоциируется с захватами заморских владений, несением цивилизации, эксплуатацией цветных туземцев белыми завоевателями... Что связывает этот опыт с нашей частью мира? На первый взгляд, мало что, в действительности — почти всё. Может быть, за исключением географической дистанции, ибо так сложилось, что ни России/Советскому Союзу, ни — в случае Польши — еще и Пруссии/Германии не приходилось пускаться в дальние экспедиции, чтобы обрести желанные колонии, — достаточно было посягнуть на прилежащие территории. Мы не привыкли мыслить в категориях постколониальной теории, а может, и возмущаемся при мысли, что кто-то мог бы приравнять нас, народ, уже тысячу лет находящийся в орбите западной культуры, к странам Азии или Африки. Однако если нынешние размышления о Центральной и Восточной Европе должны расширить прежде разведанное поле, то нужно обратиться к инструментарию постколониализма».

При помощи этого-то инструментария Скурчевский прочитывает прозу избранного им писателя:

«В последние годы Анджей Стасюк не уклоняется от высказываний на темы, затрагивающие его родину, на страницах иностранной печати — в том числе и на политические темы. (...) И вот в одном из таких интервью (...) обнаруживаются силы, которые подспудно пронизывают его прозу. Речь идет об отношении поляков к восточным и западным соседям. «Я боюсь немцев и русских, — говорит он с бескомпромиссной откровенностью, — я презираю их и восхищаюсь ими. Быть может, такая судьба выпала полякам: одержимость на пункте своего положения в Европе и мире. Быть поляком значит жить в полной изоляции». Признание Стасюка можно счесть эмблематическим для его творчества, ибо писатель определяет в нем позицию, с которой присматривается к «новой» и «старой» Европе, а косвенно также к себе и своим соотечественникам и тем обществам и народам, с которым либо отождествляет себя, либо солидаризируется. Презрение и в то же время восхищение по отношению к былым гегемонам — здесь не симптом раздвоения личности или нерешительности. Такая амбивалентность (явление, фундаментально описанное в постколониальной теории) характерна для народов, подчиненных чужому господству на любой географической широте. (...) Деколонизация умов требует поэтому справиться не только со своим индивидуальным опытом и опытом сообщества, к которому принадлежишь, но и с глубоко встроенными в память личностей и общности структурами мышления и ассоциаций. Главное место среди них занимает чувство «худшести», естественное психическое и культурное последствие долгого иноземного господства».

Независимо от того, как иллюстрирует этот вопрос проза Стасюка, можно, пожалуй, без труда показать, что трудности с деколонизацией ума свойственны многочисленным представителям польской правой публицистики, у которых понятие нации как последней, ни к чему не сводимой ценности служит инструментом оборонительной конструкции национального самосознания, настроенного на оборону суверенности, по определению находящейся под угрозой. Это видно хотя бы в вышецитированном тексте Новака, но тот же подход можно обнаружить в продвигаемой в последние годы концепции «исторической политики». Это ведет к изоляции сообщества, пораженного тем самым комплексом «худшести». Так происходит и в повестях Стасюка, который оказывается необычайно точным разведчиком царящего положения дел, что подчеркивает Скурчевский:

«Изоляция, одиночество — это, кстати, у автора «Фадо» не только польская «судьба» (дает ли это какое-то утешение?). Этим страдает вся германская Центральная Европа, упорно неуверенная в своем существовании и продолжающая искать самоутверждения у других, более устойчивых и уверенных в себе политических организмов и народов. Это регион без будущего, осужденный рассматривать и преображать в миф, в «круговой нарратив» то, что прошло, ибо только там, в мифологизированном прошлом, можно найти обоснование своего бытия. (...) Жители Центральной и Восточной Европы — у Стасюка почти без исключения аутсайдеры. Правда, они нарисованы с сочувствием и пониманием как люди героические по мерке своего времени, но это героизм согласия быть жертвой, героизм, который не приносит никаких других плодов, кроме мстительного чувства».

Необычайно точное замечание. Однако насколько в прозе Андрея Стасюка мы находим диагноз существующего положения, настолько же тревожит чтение всяческих рассуждений о достоинствах «польской души» или требований, чтобы весь мир — в первую очередь немцы и (реже) русские — заплатил за перенесенный в прошлом ущерб. Совсем недавно чашу переполнило требование крестьянской партии ПСЛ, которая заявила, что США должны заплатить Польше за несчастья, выпавшие на ее долю в результате ялтинского сговора великих держав. Однако независимо от этих игр и развлечений одной из основных проблем современной политики в том ее аспекте, который касается Польши, остается вопрос ее субъектности на международной арене. Давая определение дискуссии основных ныне игроков польской политической сцены, Людвик Дорн в интервью **«Дзеннику»** (2008, №165) называет ее «спором о том, быть ли Польше национальным субъектом. Или же ей быть, возможно, даже успешно самоуправляющимся организмом, населенным людьми, говорящими по-польски. (...) Я не отказываю нашим противникам (т.е. «Гражданской платформе». — *Л.Ш.*) в патриотизме и не приписываю им отказа от национальных интересов. Но упрекаю их вот в каком мышлении: мир силен, а мы, поляки, слабы. Борьба за субъектность мучительна и требует затрат. Модернизация, совершаемая в рамках субъектности, тоже мучительна и требует затрат. Многие этого не хотят. Значит, надо приспособиться. (...) Но если мы хотим, чтобы Польша была субъектом, то мы должны консолидировать государство и заново определить его цели и задачи, чтобы сохранить его интегрирующую функцию. ПиС ставит перед поляками планку выше, хочет заставить их быть активными. ГП обещает состояние блаженства».

Это высказывание — классическая формулировка сложившегося в XIX веке императива национального государства, настроенного на конфликт и неустанную борьбу с другими, борьбу, которой придает динамику комплекс неполноценности. Ставкой в этой борьбе должно быть укрепление структуры национального бытия в противостоянии прочим нациям, исключающей, таким образом, отношение к ним как к партнерам диалога об общем будущем. Это в большой степени отличная иллюстрация мышления, где присутствует как комплекс «худшести», так и наказ демонстративно его преодолеть. Опасаюсь, что мышление в подобных категориях становится в современном мире анахронизмом. Но, ясное дело, я могу и ошибаться. Будущее никогда не определено до конца, а сила мстительных чувств в тех или иных обстоятельствах может оказаться то инструментом самоосуществления, то инструментом саморазрушения. Существенным выглядит одно: игра на мстительных чувствах всегда небезопасна, и, пожалуй, следует от них освободиться.

Магдалена Байер

ПИСАТЬ ИСТОРИЮ И... ТВОРИТЬ ЕЕ

Род Грабских

Много книг написали члены этого рода, более известного в истории политики, нежели науки и искусства, хотя ученые и художники в нем тоже были. Профессор Мацей Владислав Грабский, внук премьер-министра, создавшего польский злотый, в самом начале нашей беседы привел слова своего прадеда: «Последнюю скотину со двора выгоню и продам, чтобы вы могли учиться».

Четверо умных и смелых

В Борове-на-Бзуре, не очень большом дворянском имении, появились на свет четверо детей — поколение отца и дедов трех моих гостей. В гостях у меня были представители двух поколений и двух линий рода Грабских: доктор [соответствует русскому кандидату наук] богословия Станислава Грабская, которая многие годы возглавляла варшавский Клуб католической интеллигенции, дочь Станислава Грабского, в межвоенный период дважды занимавшего пост министра вероисповеданий и народного просвещения; доцент д-р Эльжбета Грабская-Уоллис*, историк искусства, внучка премьер-министра Владислава Грабского, по женской линии — родственница поэтессы Брониславы Островской, двоюродная сестра вышеназванного Мацея Владислава. Несколько запутанные родственные связи в дальнейшем станут яснее.

Те четверо, благодаря которым род стал известным и приобрел свое значение на общественной сцене, — это два брата и две сестры. Полагается начинать с дам, тем более что их отец, как говорят, считал Зофью (в замужестве Киркор-Кедронь) самой умной из своих детей. В юности она много лет провела в Сибири, куда была сослана за национально-освободительную деятельность. С аттестатом зрелости, полученным в России, она стала студентом-экстерном Ягеллонского университета по специальности социология и написала серьезную работу о крестьянстве в Царстве Польском, получившую высокую оценку. Ею написаны также три тома «Воспоминаний», замечательный источник по истории «непокорных»** на рубеже XIX-XX вв. Ее муж, Юзеф Кедронь, был министром промышленности и торговли в правительстве Владислава Грабского.

Вторая сестра, талантливая пианистка, посвятила себя воспитанию четверых детей, способствуя упрочению традиций в семье ученого — ее муж был профессором помологии Ягеллонского университета.

Жизненные пути братьев, Станислава и Владислава Грабских, отражают важные главы польской истории, чрезвычайно насыщенные событиями и результатами их неутомимого труда на благо страны. Они создавали независимую Польшу в соответствии со своими смелыми представлениями о форме суверенного государства и неколебимыми жизненными принципами, в горячем стремлении воплотить общепризнанные идеалы.

Они служили своей стране в разных сферах: вначале этого требовала подготовка к независимости страны, затем необходимо было Польшу обустроить, наконец, пришло время для научной работы в связанных с этим сферах — для Владислава это была экономика, Станислав занимался социологией, но экономикой тоже; пришло время университетских лекций, подготовки будущих, столь необходимых специалистов. На протяжении всей своей активной жизни оба занимались публицистикой, высказываясь по самым важным для общества вопросам.

«Откуда-то из Борова, где-то там на Бзуре, они так далеко продвинулись. Как же невероятно они были воспитаны!» — подхватывает мысль пани Станислава. Отцы четко указывали, как следует поступать. Когда юный Станислав никак не мог решить, оставаться ли дома, куда он приехал

* Эльжбета Грабская-Уоллис скончалась в 2004 году.

** Непокорные — определение тех кругов, которые развивали общественную мысль и идеи независимости в эпоху разделов, от названия книги Богдана Цивинского «Родословная непокорных» (первое издание — 1971).

погостить, или отправиться на собрание организации, отец ему сказал: «Если бы ты отказался быть социалистом, я был бы очень этому рад, но если это твой долг — то поезжай». Эльжбета: «О роскоши — как категории в понимании сегодняшнего дня — речи вообще не шло. Жили очень скромно. Я помню сложившуюся у нас привычку есть на ужин картошку с молоком и еще, например, что детям у нас денег не давали». А нужно сказать, что прадеду приходилось содержать многочисленную семью, ибо после смерти первой жены он, уже отец трех дочерей, женился на сестре покойной жены, у которой жених погиб в восстании 1863 г., и на свет появились четверо героев этой части нашего повествования.

Политика... с колыбели

В семьях обоих поколений, с которыми я познакомилась, дети с раннего детства принимали участие в «жизни во всей ее полноте». Жизнь в доме Станислава Грабского была неразрывно связана с политикой, поэтому его дочь и тезка при каждом удобном случае слушала истории о том, как в молодости отец участвовал в организации Польской социалистической партии (ППС), как позднее стал противником Пилсудского в связи с «резкими шагами» маршала, а затем стал разделять взгляды национал-демократов. Во время майского переворота 1926 г. он вместе с правительством находился в Вилянуве, переживая драматическую дилемму: отставка или гражданская война. Подраставшая дочь наблюдала процесс расхождения отца с лидером национал-демократов Дмовским, сотрудничество с народником Витосом, а затем активное служение обществу до конца жизни уже вне всякой партийной принадлежности.

Для Станиславы Грабской отец был идеалом — иногда это приобретало забавные формы, что выражалось, например, в равнодушии к внешнему виду и господствующим направлениям моды — совсем как молодой социалист, о котором преследовавшие его царские жандармы писали: «...не следит за одеждой и не бреется». Идеализация эта касалась самого важного: соотношения политических взглядов с нравственной оценкой политической деятельности.

— Когда поляки вошли [в 1938-м] в Заользье, отец сказал: «За зло приходится расплачиваться всегда. Если за то свинство, которое мы сейчас устроили чехам, нам придется заплатить лишь восточными землями, а не независимостью, тогда мы можем благодарить Господа Бога».

В жизни следующего поколения политика тоже играла роль. Эльжбета приобщалась к ней через радиоприемник, который отец купил, когда началась война в Испании. Слушая сообщения с фронта, он объяснял, «кто такие республиканцы», аргументируя свою симпатию к ним тем, что республиканцев поддерживают французы, а генерала Франко — немцы. Между родителями велся «шутливый спор» по поводу выбора традиций. Мать выступала за социалистические традиции, традиции пилсудчиков, а отец относился к ним сдержанно.

Во время войны в Борове, где укрылся с семьей младший сын премьера Здислав Грабский, вновь ежедневно говорили о политической ситуации, читали подпольную прессу АК и горячо спорили о том, каким может быть будущее Польши. Эльжбета пропиталась политикой надолго, собственно, так же как и большинство ее кузенов.

Дедушка Мацея по материнской линии Станислав Войцеховский, президент Речи Посполитой, известный деятель в области кооперации и университетский профессор, советовал держаться подальше от политики. Внук послушался. Отчасти.

Прозорливость в оценках будущего Польши, принципиальность в поступках, составлявшие квинтэссенцию той атмосферы, которая царила в этих семьях, — всё это научило следующие поколения выбирать верный путь, когда политическая ситуация диаметрально меняется, а также сворачивать с пути, когда оказывается, что он ведет не к той цели, которая была путеводной для дедов и отцов.

Честное слово было незыблемым. «Если я дал честное слово, что дело было так, то так оно и было», — говорит Мацей.

У дедушки с бабушкой моих младших гостей был после войны дом под Варшавой в Грабове (ныне Голомбки, где живет Мацей Грабский), а напротив стоял дом дяди-писателя, куда Эльжбету часто «сдавали» на каникулы.

— Я запомнила особую атмосферу, которая царила в этих домах. В них господствовал культ сосредоточенности и тишины. День начинался с игры на фортепьяно — играли главным образом Бетховена и Шопена, потом дядю на машине увозили в Варшаву на лекции, а вечером «снова должно было быть тихо».

В сегодняшних домах внуков этот обычай сохраняется.

По-прежнему, уже в четвертом поколении, не иссякает забота об интеллектуальном багаже потомства. Пани Эльжбета, сравнивая список обязательного чтения нынешних подростков, как, впрочем, и ее студентов, со своим чтением, часто убеждается, что значительно превосходила их в этом смысле. Ей, старшекласснице, дядя задавал прочитать «Войну и мир», причем просил читать очень внимательно и поделиться затем своими размышлениями, а также прочесть книги Ханны Малевской, Виктора Гюго (по-французски). При этом давно уже были отложены в стопку прочитанных книги Зофьи Коссак-Щуцкой.

Все трое согласны, что в их семье к детям «относились очень серьезно». Пани Станиславе хорошо был известен тот путь, который прошел ее отец в своем духовном развитии: от агностицизма до того, о чем он писал в своих «Воспоминаниях»: «Прошли еще годы, прежде чем я вновь начал молиться так, как меня в детстве учила мать, и воспринял всё учение Церкви Христовой. Но уже тогда я начал искать пути к Богу. И одновременно с этим популярность, столь ценная для любого политика, становилась для меня всё менее важной». Воспитание в духе мудрого, открытого католичества, которое учит трудиться во имя исправления мира и не отворачиваться от мира, когда труд кажется напрасным, приносит плоды и по сей день.

И вновь служение

Когда в 1939 г. во Львов вошли советские войска, Станислав Грабский был немедленно арестован. Освобожденный на основании договора Сикорского — Майского, он оказался в Лондоне и после войны вернулся в Польшу вместе со Станиславом Миколайчиком. Дочь запомнила слова, сказанные тогда отцом: «Мы проиграли. 50 лет — по меньшей мере — в тени Кремля. Если поляки останутся здесь [во Львове — *М.Б.*], то их отправят к белым медведям. Такое меньшинство тут не оставят. Если уедут на Западные земли, то и себя спасут, и эти земли могут даже навсегда сделать нашими».

В совершенно иных условиях, когда невозможно было трудиться на благо страны, люди этого типа вновь предприняли служение обществу там, где это было особенно необходимо и не требовало отказа ни от одного из принципов, которым они были верны. Станислав Грабский вошел в состав Польского национального совета*, но после фальсифицированных выборов 1947 г. отошел от политики окончательно. И снова запомнившийся дочери ответ на вопрос жены, вернулся бы он в Польшу, если б знал, что мы так проиграем: «Там — уже нечего было делать. Здесь — не удалось сделать ничего хорошего, но удалось ненадолго оттянуть зло и спасти хоть какую-то долю человеческих жизней. Вернуться — стоило».

Отцы Эльжбеты и Мацея, сыновья Владислава Грабского, тоже остались верны завету служения стране: так их воспитывали дома, и к этому обязывала семейная традиция. Писатель Ян Владислав Грабский, имевший некоторую материальную независимость, обеспеченную остатками земли, которую он по мере необходимости распродавал, согласился занять пост советника в министерстве Западных земель, возглавляемом Владиславом Гомулкой, однако при условии, что это будет работа на общественных началах.

Его брат Здислав отправился в полностью разрушенный Гданьск — организовывать там польскую администрацию и восстанавливать вузы. Несколько лет он проработал на кафедре экономики Политехнического института. Создал Совет по культуре, в который вошли самые активные представители творческих кругов; благодаря деятельности этого совета в Гданьске появилась филармония, причем еще в 1946 г., а несколько позже — Высшая школа изобразительных искусств, музыкальная школа.

* Политический орган, созданный в 1944 г., который должен был стать основой будущей коммунистической власти в Польше.

Вскоре его выгнали с работы за происхождение, и почти до конца жизни постоянной работы у него не было. Эльжбета хорошо помнит время сразу после войны, когда этика восстановления, специфическая этика первой трехлетки [трехлетний план 1946-1949. — *М.Б.*] каким-то особым образом объединяла людей самых разных убеждений, прежде всего интеллигенцию, с государственной системой. И это передавалось молодежи.

Передавалось по-разному — всё зависело от того, на каком этапе юности они сталкивались с идеями новой государственной системы. Доктор «Стаха» говорит: «Меня больше привлекала Церковь. Потому что Церковь преследовали». Во время оккупации она участвовала в деятельности подпольной «Марианской содалиции» [католического молодежного объединения] и, естественно, как все ее поколение, в АК. В годы сталинизма примас Вышинский распустил «Марианскую содалицию», что не спасло членов ее руководства от тюрьмы. После октября 1956 г. возникли Клубы католической интеллигенции, и с тех пор вся деятельность Станиславы Грабской сосредоточилась на работе в варшавском ККИ.

Важным эпизодом в ее жизни стала работа в Гражданском комитете при Лехе Валенсе, а потом участие в работе одной из секций «круглого стола». Она отказалась выдвигать свою кандидатуру в Сейм, но не потому, что считала, будто не следует включаться в деятельность, пусть даже чисто политическую, когда этого требуют общественные обстоятельства. Удивительно точный образец отцовской модели жизни!

На вступительном экзамене Эльжбету Грабскую спросили, как она относится к деду Владиславу, но, хоть она и дала «неправильный» ответ, учиться приняли. В политику она вовлеклась еще в период учебы в сопотской гимназии, была членом молодежной организации Общества рабочих университетов (при ППС). Своих товарищей она агитировала за вступление в Лигу борьбы с расизмом, которую власти распустили в 1949 году. Потом она оказалась в СПМ (польском комсомоле). «Я полагала эту систему обязательной, а в семье меня тогда считали паршивой овцой». С подобными убеждениями она рассталась решительно и окончательно после марта 1968 г., вместе со многими представителями университетских левых кругов. Тогда ей не продлили трудовой договор на кафедре истории искусства. Значительно позже она вернулась туда адъюнктом.

Мацей Владислав Грабский три года подряд не мог поступить в вуз. Он выбрал технику, инженерную специальность, выпав тем самым из семейных гуманитарных традиций. Когда дело близилось к диплому, он не знал, что делать дальше, ибо ему вовсе не хотелось работать инженером на заводе, где он «был бы никем». Друг отца, известный антрополог Ян Чекановский, обратил его внимание на возможность заниматься научной работой. «У меня глаза открылись. Действительно, это было то убежище, где можно было заняться чем-то приличным». Он попросился в ассистенты к своему учителю проф. Корнелю Весоловскому, а спустя годы, когда уже и его ученики постепенно становились профессорами, занялся общественной деятельностью — именно так мы оба единогласно назвали его работу по руководству Фондом содействия польской науке. «Когда прежний режим пал, у меня возник большой соблазн заняться политикой, но... я не поддался».

Среди задач того слоя, к которому по традиции и по собственному выбору относятся мои собеседники, — то есть интеллигенции, они видят две самые неотложные: воспитание молодого поколения и забота о местном самоуправлении, прежде всего на низшем уровне — в гминах. Станислав Грабский, экономист и социолог, повторял дочери: «Не партии создают демократию, а самоуправление. Именно в органах самоуправления люди совершенствуются, формируются для служения обществу». Его внучатый племянник Мацей Владислав добавляет: «Все необходимо делать для того, чтобы люди становились умнее». И рассказывает в завершение нашей беседы, как одного из профессоров Варшавского политехнического, теперь уже убеленного сединами, мать привела в школу и, указывая на портрет Игнация Мостицкого, сказала: «Сынок, ты должен учиться так, чтобы стать профессором, как господин президент».

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Годовщина смерти М. Здзеховского
Эссе Ч. Милоша
Л. Осталовская: Какова польская молодежь?
О. Закиров: из воспоминаний
Военные судьбы польских детей на Урале
К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А. Северин, В. Пшоняк, З. Рыбчинский, А. Холланд, Р. Полянский, А. Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг, Яструна, Херберта и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана, Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,

телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:

www.novpol.ru

Лучшие писатели и критики

Национальная Библиотека представляет журналы:

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.
тел.: +48 (22) 627-15-52;
тел./факс: +48 (22) 628-95-07
e-mail: tworczosc@bn.org.pl
www.culture.pl/pl/culture/artykuly/cz_tworczosc

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.
тел.: +48 (22) 826-62-60;
тел./факс: +48 (22) 826-62-35
e-mail: noweksiazki@wp.pl

Dialog

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии.
тел.: +48 (22) 608-28-80, +48 (22) 608-28-81;
тел./факс: +48 (22) 608-28-82
e-mail: dialog@bn.org.pl
www.dialog.waw.pl

DWUTYGODNIK ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальной жизни, творчеству и вопросам музыки. Выходит 26 раз в году.
тел.: +48 (22) 608-28-70, +48 (22) 608-28-71;
тел./факс: +48 (22) 608-28-72
e-mail: ruchmuzyczny@onet.pl
www.ruchmuzyczny.pl

LITERATURA na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы.
тел.: +48 (22) 827-47-91;
тел./факс: +48 (22) 828-64-96
e-mail: litnasw@free.art.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник. Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.
тел.: +48 (22) 608-25-65, +48 (22) 608-27-95
тел./факс: +48 (22) 608-27-96; +48 (22) 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl
www.novpol.ru

odra miesięcznik

Ежемесячный журнал, широко представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической гуманитарной мысли. Польша и мир, история и возможное будущее.
тел.: +48 (71) 344-77-37;
тел./факс: +48 (71) 343-55-16
e-mail: odra@odra.net.pl
www.odra.net.pl

a akcent literatura i sztuka ● kwartalnik

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям искусства в контексте последних достижений гуманитарной мысли. Выходит в Люблине с 1980 года.
тел./факс: +48 (81) 532-74-69
e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl
www.akcent.glt.pl

TEATR

Ежемесячник, посвященный современному театру. Обзор последних премьер в Польше и за границей, критика, эссе, комментарии.
тел. +48 (022) 692 88 19;
тел./факс: +48 (022) 692 88 18
e-mail teatr@bn.org.pl

BIBLIOTEKA NARODOWA

Zakład Wydawniczy Czasopism Patronackich

02-086 Warszawa, al. Niepodległości 213, tel. +48 (022) 608 23 74; tel./fax +48 (022) 608 24 88
e-mail: czaspatron@bn.org.pl; www.bn.org.pl

ISSN 1508-5589

Cena 7 zł w tym 0% VAT